Неизбежность империи

Неизбежность империи. Сборник статей по проблемам российской государственности. /Сост. и вводная статья А.Савельев./ М.: Интеллект, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

Кому в России нужна империя? — спрашивает досужий публицист читателей столичной газеты. Ответ у публициста готов заранее — империя есть абсолютное зло, создаваемое войной и ненавистью. Единственный пример, который публицист увидел в мировой истории — Советский Союз, ставший для него "империей зла", объектом ненависти всего "прогрессивного человечества".

Настоящий сборник — не только попытка ответить на вздорные, лживые рассуждения, призванные к тому, чтобы отвратить граждан России от государственного строительства, замкнуться в бытовых проблемах, отдав страну на поругание грызущимся между собой бюрократическим группировкам. Большинство статей, вошедших в сборник "Неизбежность империи", возвращает нас к прагматическому подходу в решении ключевых общенациональных проблем России, проясняет первоначальный смысл слов, снимает с них налет марксистской и "демократической" пропаганды.

Читатель увидит в статьях, написанных профессионалами своего дела, историческое, политическое, философское обоснование Империи, как наиболее яркого и прогрессивного явления в процессе развития мировой цивилизации, а в особенности — в развитии России.

При определенном различии высказанный авторами позиций они едины в том, что имперский порядок управления в своем неискаженном варианте служит ответом на вызов времени, признаком национальной зрелости. В то же время Империя становится болезнью государственности, утрачивая стратегическое целеполагание власти, национальный характер власти.

Модель Империи предполагает главенство государствообразующей нации, консолидирующей живущие совместно с ней этносы, сохраняющие под ее защитой свое этническое своеобразие. Для России имперская модель предполагает, что в центре государственного строительства стоит русская нация — единственный источник общегосударственной культуры, способной успешно конкурировать с культурами других цивилизаций и выстоять перед культурной экспансией ведущих мировых держав.

Отказ от имперскости для России означает скорое прекращение существования русской нации, а значит и обрушение российской государственности в целом, превращение территории России в “большие Балканы”, где схлестнутся в своих амбициях не только местные удельные

князьки, но и интересы мировых цивилизаций, стремящихся к контролю за сырьевыми богатствами некогда сильного государства.

Режим правления в имперской модели неизбежно имеет авторитарный характер, который снимает расточительные в условиях кризиса государственности и беспрерывных локальных (а тем более, глобальных) войн нелепицы дурного парламентаризма, а в условиях мира и стабильности — чутко прислушивается к общественному мнению и рекомендациям лучших умов страны. В этом смысле Империя вовсе не противоречит демократии в ее национальных формах.

Катастрофа государственности наступает в том случае, когда бюрократическая власть в союзе с интернационалистской интеллигенцией пытается навязать народу "общечеловеческий" путь развития. Такая "демократия" разрушила Российскую империю в начале XX века и существенно подорвала перспективы России в конце века.

Страх перед жесткими методами управления понятен. Народы России не раз испытали на себе эту жесткость, корчевавшую правых и виноватых, без жалости вычерпывающую ресурсы нации. Но этот страх порожден свирепостью безнациональной власти, которая не могла и не хотела учитывать стратегические цели и высшие ценности.

* * *

Большинство авторов настоящего сборника входят в состав аналитического СВР-центра и в свое время принимало участие в создании "Манифеста возрождения России".

Настоящий сборник можно считать продолжением этой работы. Мы приглашаем в клуб "Империя"тех, что готов к серьезным размышлениям над концепциями современной российской государственности, основанными на историческом пути России и уверенности в ее будущем величии.

Андрей Савельев,
редактор-составитель сборника

Татьяна Филиппова,
Дмитрий 0лейников

ТЕОРЕМЫ ИМПЕРИИ

ФОРМА

ТЕЗИС: Империя – замкнутая вселенная, которая способна трансформировать свое содержание, не меняя сущности, а потому может быть исследована только находящимся вне ее исследователем.

АНТИТЕЗИС: Империя – открытая система, испытывающая сильные внешние воздействия, а потому существует возможность исследовать ее на пюбых уровнях и в любой степени приближения: она изначально открыта исследователю.

СИНТЕЗ: В соотношении с мировым сообществом империя и как замкнутая вселенная и как открытая система познаваема, но не контролируема, а потому должна исследоваться в интересах этого сообщества.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕЗИС: Империя неизбежно неоднородна, она имеет центр и окраины, в том числе и внутренние. Интересы окраины неизбежно подчиняются интересам центра.

АНТИТЕЗИС: Империя есть монада, а потому центр стремится выражать интересы всей империи, как целого, претендуя на то, что целое лучше знает интересы своих частей.

Татьяна Александровна Филиппова, кандидат исторических наук, автор серии статей по истории русского либерализма и консерватизма, монографии “Родословная российской свободы” (своместно с С.С.Сегиринским).

Дмитрий Иванович Олейников, кандидат исторических наук, специалист по проблемам западничества в русской истории, автор серии статей по истории Кавказской войны.

СИНТЕЗ: Сверху вниз (по линии центр–краины и государственная власть – социум) империя едина; снизу вверх она дробна. Злдача исследователя – выявлять существующие на этой линии противоречия и находить способы их снятия.

СУЩНОСТЬ

ТЕЗИС: Сущность империи – абсолютная правда власти (imperium), ибо бремя этой власти изначально и по определению было передано народом непосредственно императору.

АНТИТЕЗИС: Империя – высшая форма свободы, ибо снимет с народа моральную и культурную тяжесть принятия политических решений, расширяя пространство для любой другой деятельности. (Культурные взлеты, приходящиеся на эпохи расцвета империй, происходят не вопреки – как это кажется – а благодаря имперской государственности.)

СИНТЕЗ: Свобода общества в империи достигается *"замораживанием сверху";* создается прочная, но не гибкая структура, которая способна отражать слабые внешние воздействия, а при сильных потрясениях раскалывается. Задача исследователя – выявить рисунок *"кристаллической решетки"* имперской государственности и установить предел напряжения ее узлов.

MORALE

Империя на восходящей к идеалу линии (как имперское в природе власти) – мощный стимул исторического развития, ответ на вызов времени, проявление зрелого государственного целеполагания, признак взросления нации; империя как достигаемое становится фактором торможения, болезнью государственности, историческим эфемерном, Готовящим почву для произрастания новых форм социума.

***

Бодрым зачтением этих тезисов в августе 1994 года мы начали наше совместное выступление в городе Казани на Российско–американском семинаре, посвященном вопросам империи. Американские коллеги сначала покривились от явной гегельянщнны формы, потом, правда, просили дать “списать слова”...

Тогда нам казалось возможным рационалистически четко раскладывать по тезисам главные проблемы имперства как особой природы власти и организации пространства. Это было допустимо, пока речь шла о некоей идеальной имперской конструкции. Конкретная же империя – в особенности такая, как Российская – с неизбежностью задает исследователю свои, ни на что не похожие вопросы, или же (что еще сложнее) дает ответы, на которые он сам еще не придумал вопросов. Как далека проблема Империи от геометрической наглядности и ясности! *"Ах, если бы я только имел теоремы! Тогда бы я смог достаточно легко найти доказательства!"* – восклицал К.Риман.

Проблемность темы в значительной степени определяется размерами самого объекта. Империи (сколько бы им ни отпускала история времени) всегда жили и мыслили себя крупномасштабно. Все "рейхи", "поднебесные", "священные", "христианнейшие", "державные" и тому подобные государственные образования, вне зависимости от того, как долго над ними "не заходило солнце", отпускали себе millenium жизни – никак не меньше. Очевидно, рефлексия на тему расширяющегося пространства влияла на представление о времени, которое растущая Империя надеялась заполнить собой.

А посему отправимся к началу, то есть вспять. Это не слишком удобное, но вполне профессиональное для историка движение не может не выявить удивительного разнообразия того, что принято называть империями. Даже если отвлечься от конкретики баснословных империй типа египетской, ассиро–ваваилонской или китайской – с их свирепой экзотикой или неподражаемой эстетикой государственности – то очень несхожими между собой предстанут и более привычные для исследовательского глаза Священная Римская, Британская, Французская, Российская империи. Однако их житель мог с уверенностью сказать самому себе, как Иосиф Бродский: "Ты в империи, друг!". Что–то в естестве (или противоестественности?) самой империи не оставляло места для сомнений. А **естество империи – власть**. 0собая природа этой власти. С изменений в этой природе и начинается любая империя. Это классика государственности. А что может быть класснчнее латыни? 0на–то и дает первое определение "imperium" как высшей власти, ***делегируемой*** народом правителю, власти диктатора в республике. **Империя – слово и изобретение республиканское.**

Тут–то и начинается имперская драма истории. Ведь у самого исторического рождения империи, как правило, стоит политический подлог. Даже современникам непросто бывало отличить "делегирование власти" от узурпации. Что уж говорить об историках.!

За эту разновидность первородного греха империи приходится расплачиваться кровью: как своей, так и чужой (впрочем, "чужой" крови

в Империи уже быть не может – все под Кесарем, даже если и *"в провинции, у моря")*. В этом смысле гибель Юлия Цезаря стала и символом "первой крови" рождающейся Империи, и стилизаторским жестом Истории – мистическим знаком драматической легитимности новой власти.

Но так ли сам по себе агрессивен и неожидан деспотизм, свойственный, с поправкой на степень просвещенности, любой имперской власти? Очевидно, дело в том, что ему предшествует, что способствует ему. Английский мыслитель Г.К.Честертон в начале XX века для определения деспотии как *"усталой демократии",* во многом предугадав механизм появления "злокачественных" империй тоталитарного образца. Именно *"усталые демократии" (*не как “народоправства", а как дряхлеющие и бездарные представительства) ответственны, по его мнению, за появление деспотий, то есть за ту ситуацию, *"когда общество, уже не способное к непрерывному бдению: по праву названному ценой свободы, предпочитает, чтобы один в стране стерег спящий город..."* И все же имперское самосознание, во всей его державной мощи, всегда помнит об этой изначальной узурпации верховной власти (пусть и во благо обществу). А потому вожделеет интеллектуального и эстетического оправдания. Не оттого ли имперские эпохи в жизни государств дают миру такое количество востребованных талантов – историков, политиков, поэтов и художников – апологетов и хулителей империи, что в равной степени оказывается почетно и прибыльно для империи, их породившей. Ведь и Пушкин – *“певец империи и свободы”*, и Иосиф Бродскнй с его *“империя – страна для дураков”* – оба стали историческим оправданием культурной традиции, воплощенной в Российской империи. Российская империя как совокупное производное христианской миссии, географической специфики и потребностей обороны закономерно формировалась в непрестанном расширении. Но поскольку не всякая экспансия и не всегда создает империю, то все дело – в природе того государственного организма, в котором завелся (или генетически имелся) имперский вирус. Важно отследить тот момент, когда он поражает организм или меняет его природу. Ведь и завоевание немцами славян, и ассимиляция славянами угро–фнннов не приводили еще к рождению империй. Только геополитический скачок в сочетании с полнтнко–культуными особенностями данного сообщества создают феномен Империи. Или же, как писал Г.Федотов, *"выход государства, даже непрестанно растущего, из его привычной геополитической сферы есть тот момент, когда количество переходит в качество: рождается не новая провинция, а Империя, с ее универсальным политическим самосознанием"*.

Может, "вирусная” метафора не слишком обаятельна, однако, похоже, целому ряду государств на роду суждено было "переболеть" имперскостью и обрести здоровый иммунитет к иным тяжелым социально–политическим испытаниям. Все дело в том, что и географическая экспансия, и отказ от имперских завоеваний должны происходить в жизни нации исторически **вовремя**. Занятную ситуацию убывания имперского импульса на фоне инерции территориального расширения дает пример России Х1Х века. При отсутствии полноценных военных побед (после удачной войны с турками 1823–1829 годов) Империя продолжала расти – непрерывно, натужно. Кавказ – Северная Персия – Туркестан – Манчжурия... Чем юго–восточнее, тем слабее сопротивление, тем бесславнее удовлетворение от побед...

Имперский задор, как юношеский темперамент, со временем проходит, а государственность обретает способность к зрелому целеполаганию, что нам и демонстрирует британский опыт. Историческая композиция начала XX века не дала России шанса достичь уровня имперского взросления в рамках политической культуры. “Реставрация" имперства в советских формах происходила уже за этими рамками.

Возможно, интереснее всего увидеть в империи не цель, но инструмент или форму. Именно потому, что в своем отечестве мы имеем интереснейший прецедент: историческое бытие двух разных империй, сменивших друг друга на одном геополитическом пространстве – Россию и СССР.

Империя осталась, а государственность сменилась. Не говорит ли это о том, что модель империи возникает явочным порядком, уже потом... Империю – как Империю – “специально" никто не строит, тем более по заранее известному плану. Это сейчас, бросая взгляд назад, мы можем размышлять о закономерностях имперства. И главная такая закономерность – территориальное расширение за счет сильной центральной власти. Самое главное условие для империи стать Империей – это правильно выбрать момент и направление этого расширения. А потому не является ли, скажем, Смута XVII века расплатой за неудачную попытку расширения в западном направлении? Мясорубка войн с Турцией – следствием устойчивого стремления воплотить "грезу Империи" – увидеть крест на Святой Софии, объединяющий Европу и Азию? Можем ли мы найти момент, когда, как в век национализма, уже не факторы силы, а иные исторические ценности начинают диктовать государству новый, неимперский тип поведения? Ведь так случилось со многими европейскими (н не только) государствами: с конца XVII века идеи Просвещения позволили увидеть в культуре, национальном языке и самоуправлении нечто более важное, чем уют и относительное спокойствие "под крылом" сильной имперской власти. Так зародился

конфликт двух этик: нравственный долг государственного служения по принципу "За Веру, Царя и Отечество", который нам дает имперское сознание, и моральный постулат справедливости национального государства, создающегося в борьбе с империями. Эта коллизия драматически сказалась на судьбах всех европейских стран, приведя к первой мировой войне, означавшей борьбу империй и наций. А со временем, на новом витке развития, тот же конфликт во многом послужил развалу и "советской империи".

0братим внимание на интересную закономерность. В прошлом веке Германия была своего рода "*Антироссией"* – в том смысле, что Россия была едина и полиэтнична, а Германия разделена, но населена немцами. И если для немцев национальная идея означала объединение, то для России эта идея, последовательно проведенная, обернулась дезинтеграцией. Вот уж действительно, что для немца здорово, то для русского смерть. Заметим лишь, какой взрывоопасной силы смесь немецкого национализма (выродившегося в "зоологию" фашизма), с имперской идеей "третьего рейха". В СССР же космополитическая идея наднационального единства выродилась в партийную практику всеобщей унификации. Это усилило государство как механизм, и ослабило общество как организм. Ведь именно органика была свойственна имперскому расширению и бытию России. Национализм “сверху" разрушил империю в 1917 году, национализм "снизу" покончил с империей в 1991–м.

Очевидно, то, **как** рушится империи, зависит от того, как они строятся. Можно ведь взглянуть на дело и так: империя – продукт безразличия, вернее, сразу двух безразличий. С одной стороны – основной массы (для России это крестьяне, настолько погруженные в свой ежедневный многотрудный уклад, что им просто некогда следить за тем, что происходит наверху), с другой – духовно и материально свободной элиты (ей слишком часто безразлично, кому платить материальную и интеллектуальную дань). В этом случае мы получаем очень интересную структуру империи, когда центром ее становится личность монарха, а периферией, окраиной – люди, народ, земля... Б этом смысле Тифлис, Одесса, Варшава наместников ближе к центру (и сердцу) империи, чем тверская или псковская глубинка.

Неудивительно, что природа российского имперства столь часто становилась предметом политических спекуляций – объект (и то, что от него ныне осталось) был и есть весьма сложен и противоречив. Тогдашним и будущим критикам *"империи – тюрьмы народов"* в свое время ответил Владимир Соловьев. *"Россия больше чем народ, она есть народ, собравший вокруг себя другие народы, – империя, обнимающая семью народов".* Еще раньше гений своей эпохи написал об особом –

вселенско–христианском – смысле российской государственности. Генрих Гейне, “Путешествие от Мюнхена до Генуи”: *“...Россия – демократическое государство, я бы назвал ее даже христианским государством, если употреблять это столь часто извращаемое понятие в его лучшем космополитическом значении; ведь русские уже благодаря размерам своей страны свободны от узкосердечья языческого национализма...”* Это – о николаевском времени... Причудливое, но хорошо знакомое соотечественнику сочетание свободы и деспотизма в природе российской государственности сбивало с толку не только сторонних наблюдателей, но и участников событий. Б отечественной истории слишком часто происходила путаница с “кесаревой” и "Божьей” долями – кому что воздавать. Византийская теократическая наследственность в сочетании с цезаризмом римской традиции (и то, и другое – имперской природы) создали занятную ситуацию одновременного бытования крайних представлений об абсолютной правде государства и абсолютной греховности этого земного владения "князя тьмы", "империи зла".

Все опять–таки зависело от позиции наблюдателя: от того, смотрел ли он на мир из царского приказа или раскольничьего скита, либерального салона Милютиных или прямоухинской усадьбы Бакуниных, министерского департамента или народовольческого подполья.

Эта ситуация была куда трагичней, глубже и опаснее того, что принято называть “разделением путей" правительства и общества. Налицо – застарелый конфликт в самой душе русского человека, давний излом, искажавший представления о том, что *“такое хорошо, и что такое плохо”*. Ситуация, как написал когда–то Плотин, “*душа падает навзничь*”. Где исток этого разлома? В том числе не в вынужденном ли конформизме православной церкви, размышлявшей после монгольского нашествия о том, какую власть благословлять с амвона, и решившей поминать сразу и ханов, и византийского императора?...

С течением времени эта ситуация закономерно “вывернется наизнанку": убедившись в своей “божественной” безнаказанности власть деловито "подправит" свои отношения с церковью созданием Святейшего Синода, низведя священнослужителей до роли чиновников по духовному ведомству, включив их в общий бюрократический *"орднунг"*. А чиновничеству жизненно необходимым станет жить с верой в непогрешимость светской власти – хотя бы со старательно изображаемой. Так имперская мистерия, начавшаяся темой Исхода (избавления от захватчика), завершилась стилизованной на немецкий лад исторической драмой нового Пленения. XX век разыграл этот классический сюжет в жанре жестокого фарса и в духе глумливого постмодерна.

Так "геометрия знания" со всеми своими теоремами оказывается не в состоянии сладить с душой человека. И все же... Может, образовав "магический квадрат" тезисов об империи, с которых начата статья, вместо некой абстрактной "монады", стремящейся *выражать интересы всей империи, как целого*, стоит поставить в центр модели живого, чувствующего и размышляющего человека?: И тогда через императора или дехканина (право выбора сохраняется за исследователем) будут проходить линии напряжения империи, оборачиваясь то живительным, то опасным для жизни током исторических событнй – не так ли, как происходит и “на самом деле”?

***

Какой жанр, стиль и сюжет предложит нам имперская наследственность в нас самих и в нашей государственности – историческая интуиция сможет подсказать это вернее, чем математический или политический расчет. Не понаслышке знавший о том, в какие грустные игры играют в империях и какие грандиозные трагедии даются на их подмостках, тот же Плотин писал в утешение их жителям: *“В подлинной драме, которой лишь подражают произведения драматургов, роль актера выполняет душа. Роль ей дается поэтом вселенной. Как актеры получают костюмы, ослепительные наряды или лохмотья, так и душа получает свою судьбу не случайно, а следуя плану вселенной. Если душа применяется к своей судьбе, она согласует свою игру со строем драмы и всемирным разумом”*.

Применимся ли? Согласуем?

Владимир.Видеманн

ДУХ И ПОЧВА РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Определение государства в категориях Духа и Почвы

Всякое государство представляет собой форму организации социального порядка, содержание которого определяется солидаризируюшими нацию принципами. Эти и принципы находят свое выражение как в духовной, так и в материальной жизни нации, представляясь в первом случае каноном традиции, в во втором – законодательным кодексом.

Государство, рассматриваемое как онтологический феномен, верхней границей своего бытия имеет Дух, откуда исходит сама идея государственности, тогда как его нижней границей будет Почва – территория, жизнь населения которой определяется данной государственной идеей. Таким образом, всякая государственность есть манифестация единения Духа и Почвы в знаках исторической традиции и актуального гражданского самосознания нации.

Если же говорить о Духе и Почве государства как не онтологического, а социального феномена, то в этом случае Почвой как легитимированным основанием последнего будет являться его законодательное начало, а Духом – иконический образ государственной идеи.

В знаках современной российской государственности такая Почва представляется текстом Конституции как законодательно артикулированного волеизъявления народа ***"носителя суверенитета и единственного источника власти"*** (Статья 3.1. Конституции Российской Федерации), тогда как Дух России воплощается в ее национальном гербе.

Владимир Видеманн, автор книги “Знаки империи ” (Берлин, 1995) глава из которой представлена в настоящем сборнике в виде статьи.

Российский орел как знак имперского наследия

Национальный герб как икона государственной идеи должен символическим образом выражать собой содержательную суть Конституции (Основного Закона) – как той же идеи, но раскрываемой в законодательном тексте. При соответствии символизма государственной геральдики внутреннему характеру Конституции можно говорить о формальном наличии единства Духа и Почвы в их значении как фундаментальных категорий державной доктрины социальной гармонии. Но в случае современной России такого единства, увы, не наблюдается: имперский орел никак не вяжется с той общественно–политической моделью, что излагается в новом Основном Законе Российской Федерации (в данном случае мы аллегорическим образом формулируем одну из главных проблем философии русской истории – проблему противостояния традиционалистской имперской идеи либерально–демократическому западническому мировоззрению).

То, что вариант орла, принятого в качестве государственного герба современной России, является имперским символом – однозначно видно из наличия как венчаемых его головы корон, так и из зажатых в когтях скипетра и державы. К примеру, орел эпохи Временного Правительства был лишен этих знаков, и это отвечало имевшему тогда место республиканскому статусу России. Новый орел – вновь коронован, что мы воспринимаем как косвенный намек самого Провидения на то, что Дух российской государственности вновь возвращается к своему первоисточнику – к римско–византийской имперской традиции.

Античный имперский порядок, не имевший прямых аналогов в истории Западной Европы, был основан на принципах военно–клерикального автократизма, воплощавшегося в лице императора–архиерея как одновременного главы государства и церкви. Позднее традиция императоров–архиереев нашла свое отражение в русском самодержавии, но не в полном своем объеме, поскольку при том, что Русская православная церковь полностью восприняла нормы византийского канонического права, тем не менее, кодекс гражданского права Византии и соответствующая государственно–правовая традиция так и не получили в России своего однозначно–законного статуса. Процесс действительного обретения Москвой имперского лица нового, третьего Рима был прерван Петром I, который стал вводить в общественно–политическую жизнь России элементы чуждой ей традиции западноевропейской правовой культуры (которая, к слову сказать, в сравнении с рафинированной правовой культурой Византии, представляла собой варварскую эклектику и, естественно, не могла отвечать условиям складывавшегося в России византиноподобного

государственного строя). Таким образом, начавшийся при Петре I насильственный перевод России на рельсы западного правосознания не только деформировал исторически предопределенное развитие страны как "нового Рима", но и вообще привел всю государственную систему к ее полному краху. Триумф в России большевизма – это, фактически, триумф западной социальной идеи, внутренне одухотворяемой Римом латинским, вероотступническим.

Теперь, после падения большевистских порядков, Россия ищет пути возвращения к принципам своей исконной государственности, и принятие византийского имперского орла в качестве символа последней – явное тому свидетельство. Однако, это – лишь первая интуитивная вспышка Духа, тогда как вся Почва современной русской государственности (или все ее Тело) до сих пор остается пропитанной обессиливающей ее микстурой из римской кухни, самый наглядный пример чему – новая Конституция Российской Федерации.

Основы гражданской этики

Всякое законодательство – конституционное и иное решает два основных вопроса: о природе власти и о формах ее применения. Ответ на первый вопрос имеет этическое измерение, тогда как на второй – политическое. Основы гражданской этики всегда более устойчивы, чем основы политические, поскольку последние относятся к области спекулятивной изобретательности, тогда как этические принципы – по самому определению – принадлежат к сфере Вечного. Гражданская этика наиболее непосредственным образом проявляет себя в духовно–исторической традиции нации, кодифицируясь в обрядах, обычаях и моральных нормах. Именно социальная этика, а не политическая система, определяет характер нации и ее историческую судьбу.

Традиционная гражданская этика носит в России безусловно–имперский характер, что наглядно манифестируется в иерархической структуре Русской православной церкви – хранительницы национальных духовных ценностей. В принципе, вместо слова "имперский" можно было бы употребить слово "автократический", поскольку "император" – это понятие из римской социально–правовой культуры, тогда как "автократор" (рус. "самодержец") юридическая и одновременно вероучительная категория византизма. Сочетание в византизме законодательных и вероучительных начал в рамках единой доктрины симфонии (т.е. метафизического "созвучия") являет собой уникальную особенность православия как высшего синтеза всей позднеантичной мысли в целом. В равной степени и понятие "этики" имеет в византизме

два аспекта: как вероучительный, так и ***юридический.*** В этом смысле, говоря об *имперской* (или автократической) этике, мы подчеркиваем именно ***тот*** аспект критерия этического, который вообще отсутствует в западной мысли и культуре. Чтобы более наглядно представить всю разницу между православным и западным подходами к решению проблемы этики, а в принципе – и разницу между византийской и западноевропейской правовыми традициями вообще, – обратимся к некоторым ключевым для нашей темы аспектам фундаментального богословского спора о природе Пресвятой Троицы, поскольку именно различие в Символе Веры определяет и все последующее различие в духовных культурах византийского Востока и латинского Запада.

Догмат о природе Пресвятой Троицы

И в православном, и в католическом Символе Веры природа Пресвятой Троицы признается единосушной. Но если в первом случае считается, что Сын рождается Отцом, а Святой Дух от Отца ***исходящ*** (т.е. Святой Дух исходит ***исключительно*** от Отца, и Сын может передавать Святой Дух лишь предварительно получив его непосредственно от Отца), то во втором случае – т.е. в случае католического догмата – Святой Дух в равной степени ***исходит*** и от Сына (иными словами, Сын здесь является независимым от Отца источником Святого Духа). Посмотрим теперь, в чем здесь состоит принципиальная разница.

Эллинистические корни христианства

Понимание основ христианской мысли и способность к их экстраполяции на ткань практической проблематики исторического и социального характера невозможны без адекватного включения в широкий контекст всей эллинистической культуры в целом, составной частью которой является христианство как ***социально–культурный*** феномен. Условным "крестным отцом" эллинизма можно считать Платона, который в своей философии как бы заранее очертил круг тех проблем, на решение которых была направлена эллинистическая мысль – начиная с ранней стадии своего становления в эпоху греко–македонского завоевания Востока и вплоть до времени принятия Римом христианства в качестве официальной религии Империи. Особенность эллинизма состояла в том, что это было явление многонационального и мультикультурного характера, далеко вышедшее за пределы "повивальных пелен" изначально обусловившего его собственное

рождение греческого ***таксиса*** (философской и социальной идеи мировой гармонии, универсального порядка, "царства разума", логоса). Повивальными же пеленами для философии самого Платона послужила диалектика Сократа с ее особой фиксированностью на проблеме этики. Излагая свое учение, Сократ неоднократно намекал на его прямую связь с эзотерической традицией орфизма – одного из мистических течений в Древней Греции. Так, человечество, согласно орфическим представлениям, было создано Зевсом из праха испепеленных им титанов замешанного на крови растерзанного ими сына его Диониса. Предназначение человека, по вере орфиков, состоит в очищении дионисийской крови от примеси титанического праха – т.е. греха. Основное средство такого очищения есть орфическая этика, сочетающаяся с самодисциплиной и особыми ритуалами. Таким образом можно видеть, как уже в орфизме задается тот ряд тем с упором на специфическое мистико–этическое содержание, который впоследствии получает свое дальнейшее развитие у Платона и его ученика Аристотеля, и далее – в традициях эллинистической философии у академиков, перипатетиков, стоиков, – вплоть до отцов христианской патристики.

Символ Веры как метамодель герменевтической методологии

Единосущность Сына Отцу есть аллегорическое представление той гносеологической установки, согласно которой идея человеческого имманентна идее божественного. Это означает, что последнее мыслимо исключительно в контексте человеческой проблематики, обретающей, в свою очередь, через это этический характер. Рождение Сына Отцом сопоставимо с рождением слова (гр. логос) из мысли (гр. *нус,* лат. *интеллект).* Слово, окончательно раскрывающее себя в языке (т.е. в традиции), восходит в тайне своего проявления к чистой, неартикулированной интуиции духа – к тому, что Платон называл "диалектикой". С другой стороны, слово воплощается в конкретных понятиях и таким образом играет роль организующего язык посредника. Сам по себе язык – как грамматически соподчиненный логический строй – есть основной объект аристотелевской метафизики, в которой Перводвигатель имеет значение изначального слова–логоса как верховного субъекта речи.

Исходящий от Отца Святой Дух есть ***благодать*** (в смысле "блага" у Платона), сравнимая со стоящим за всяким словом *смыслом.* Слово само по себе смыслом не обладает, но обретает его в силу своей причастности к интеллекту, разуму. Таким образом, привнесенная римско–католической церковью добавка к Символу Веры в виде понятия

***"филиокве"* –** "и от сына" (т.е. Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына) превращает слово в самостоятельное смыслосодержащее начало, фетишизируя тем самым форму и "придавая Богу сотоварищи".

Христианство как исторически новая форма *правосознания* развилось на материале полемики с правовой культурой иудаизма с одной стороны, и Рима – с другой; причем обеим этим оппонентам христианской мысли свойственно абсолютизирование формального слова и текста. И в римской религии, и в иудаизме (а также в довольно близком к некоторым нормам иудаизма исламе) авторитет священного текста Закона основывается на догмате о святости самой его *буквы,* и долг человека – беспрекословно следовать этой букве. Апостолическая традиция, напротив, игнорирует духовный авторитет иудейских фарисеев и книжников, акцентируя роль пророков, вещавших о Сыне – т.е. как бы изначально признававших наличие предвечного Человека до непосредственного акта творения. Евангелисты и апостолы, объявляя Сына изначально–сущим, тем самым ***отрицают*** непосредственный контакт с божественным (в ипостаси Отца) ветхозаветных патриархов, поскольку – по евангельской логике – такой контакт возможен исключительно при посредничестве Сына – или, иными словами, при допущении, что божественное принципиально содержит в себе человеческое. Согласно библейской традиции, Бог создал человека лишь на шестой день творения, что означает известную ***дистанцированность*** проблематики божественного от проблематики человеческого, трансцендентность божественного человеческому, а стало быть и спекулятивность ***всякого рода*** этических критериев. Пророчества же о Сыне – это откровения об имманентности человеческого божественному, об ***этической*** природе самого божественного. В то же время это является отрицанием божественности формального слова как такового.

Особенности римской правовой традиции

Искажение римской церковью Символа Веры вставкой "филиокве" дало возможность папе легализовать культ Слова как самодостаточной духовной инстанции, а фактически вернуться к критериям авторитетности как они понимались языческим римским правом. При этом Сын "лишается" своей реальной посреднической (евангельской) роли, превращаясь в *самостоятельного* носителя благодати Святого Духа. Роль же такого посредника закрепляется за папой (отсюда – и догмат о его безгрешности) как главой церкви. Со времени церковного раскола западная философия права стала развиваться как *схоластическая* интерпретация римского права в его языческом

ключе, где критерий этичности ставится в зависимость от изощренности толкования формальных грамматических функций текстообразуюших единиц. Это, в свою очередь, привело к непомерному росту ***инструментальной роли*** слова в западной правосознательной культуре и породило психологию индивидуалистической претензии к самой идее законности, в случае чего истина воспринимается уже не в этическом, а в ***стилистическом*** измерении. Такие тенденции и предопределили позднейшее появление протестантского правоведения, в котором берут свое начало как современные либеральные нормы буржуазной законности, так и мнимо–оппозиционные им основы коммунистической морали.

Принципы византийской правовой традиции

Реальную альтернативу многоголовой гидре римского легитимизма представляет византийская традиция, где аутентичность закона гарантируется признанием евангельской миссии Сына в духе православного Символа Веры. Здесь критерий авторитетности основывается на иерархической преемственности апостолического рукоположения, и таким образом выносится за рамки чисто текстового (спекулятивного) дискурса. Это значит, что слово здесь само по себе еще не представляет достаточного основания для выводов об истинности содержания изреченного, но является лишь формальным знаком стоящего за ним этического модуса. В православии область чистой этики есть объект достижения мудрости, а последняя неотделима от благодати.

В византийской автократической правовой доктрине (классически представляемой юстиниановским Сводом гражданского права) император–архиерей обретает статус верховного носителя государственной власти, даруемой Богом.

Однако, "Бог" в этом контексте является не ***онтологической,*** а ***законодательной*** категорией. Иными словами, под Богом здесь следует понимать не некую отвлеченную от человека универсальную силу, сотворившую (наподобие библейского Иеговы) мир, а Отца в Троице. Место обитания Его – Церковь как соборность православного народа. Таким образом, Бог, дарующий власть императору–архиерею – это соборный ***дух*** православной традиции как высшее этическое начало государственной идеи и побуждаемой ей политической воли нации.

Конституция Российской Федерации. Власть и народ

В новой Конституции Российской Федерации идея народа как источника власти не только не имеет ничего общего с тем, что понимается под "народом" в православной традиции, но даже с точки зрения критериев современной ***западной*** правовой культуры (в верности которым клянутся сегодняшние российские демократы) за последним не признается наличия статуса подлинно–суверенного начала, поскольку свобода его волеизъявления оговаривается туманными "нормами" абстрактно–единого мирового сообщества. У действительного мирового сообщества – в его полном объеме – никаких общепризнанных норм нет. Другое дело, что Запад как духовный и политический наследник Рима пытается внушить этому сообществу свои нормы, выдавая их за мировые. Впрочем, это – старая история, и недавнее колониальное прошлое большинства народов планеты – лучший тому свидетель. Суверенность ***единой*** воли нации игнорируется в Конституции РФ как минимум в двух случаях: в главе 1(15,4) и в главе 3(76,6). В первом случае – авторитет заключенных Россией международных договоров ставится *выше* авторитета самой Конституции (а это означает, что воля народа приносится в жертву прихотям исполнительной власти). Во втором случае – авторитет Конституции подчиняется авторитету правового акта, принятого Субъектом Федерации (здесь, фактически, законодательно оформляется положение о приоритете части над целым и таким образом отрицается безусловное моральное ***единство*** нации, а стало быть – и ее право на статус ***единственного*** источника власти).

Все это говорит о том, что **положения российской Конституции о природе власти не соответствуют нормам традиционной гражданской этики российского общества и государства,** а кроме того – противоречат сами себе.

Федеративность как источник центробежности

Не лучше здесь обстоит дело и с вопросом о внутриполитическом единстве России. Начать, хотя бы, с самого официального названия государства. Согласно Конституции*, "наименования Российская Федерация и Россия равнозначны"* (1,1,1). А раз равнозначны, то в каком случае Россия уже не *равнозначна* Великороссии как территории расселения собственно русского народа. И вот совершенно, "неожиданно", мы вдруг обнаруживаем такую ситуацию, когда все крупнейшие народы России оказываются объединенными в национальные республики как Субъекты Федерации с ***правом*** на обладание собственной республиканской конституцией, тогда как наиболее многочисленный народ государства, великорусский — права на

национальную конституцию не имеет! Если же предположить конституционное оформление Великорусской Республики, то в таком случае почти с неизбежностью повторится сценарий распада СССР: центральное правительство Российской Федерации очень быстро сможет превратиться в никому не нужную фикцию, Но при ***нынешнем*** положении вещей получается, что крупнейшие народы России защищены от прямого авторитарного диктата федеральной власти правовыми барьерами своих национальных конституций (которые в некоторых случаях могут иметь ***даже*** приоритет над федеральными законами!), а в это время великорусский народ не имеет ни национального правительства (поскольку федеральное правительство формируется с условием участия всех Субъектов федерации), ни механизма правовой защиты своих национальных интересов (т.е. отсутствуют национальный парламент и конституция). Отсюда, вопрос ставится вполне конкретно: *или* Конституция Российской Федерации должна быть признана ***единственной*** действующей конституцией на всей территории государства, а все прочие "республиканские" конституции отменены в пользу ***уставов*** краевого, областного, федерально-муниципального или окружного уровней (это одновременно означает и ликвидацию "республик" в республике как "государств в государстве", а также соответствующую коррекцию правовых статусов федеральных территорий), *или* же великорусская нация использует свое историческое право на создание собственного ***национального*** государства – пусть и в рамках Российской Федерации.

Противоречия между различными эшелонами власти

Достаточно противоречиво определяется в Конституции РФ характер взаимоотношений между различными структурами власти, равно как и сам легитимный характер этих структур. К примеру, с одной стороны – Государственная Дума выступает как законодательный орган представительной народной демократии, с другой же – президент наделяется полудиктаторскими полномочиями. Совет Федерации своеобразный Сенат — воплощает собой компромисс между думской демократией и президентской диктатурой, что отражено в принципе выбора его членов: *"В* Совет *Федерации входят по* ***два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от представительного и исполнительного органов власти"*** (5,95,2).

Не перечисляя в подробностях всех соответствующих пунктов Конституции РФ, кратко отметим ниже основные "зоны" вероятных перманентных конфликтов между различными структурами власти. Так, противостояние президента и Думы сосредоточится по линии принятия последней законодательных актов и в вопросе назначения главы правительства. Противостояние президента и Совета Федерации – в вопросах назначения судей Конституционного, Верховного и Высшего Арбитражного судов РФ. Противостояние Думы и Совета Федерации выявится как в законодательной практике, так и в деятельности Счетной Палаты, контролирующей Федеральный бюджет.

В условиях складывающегося двоевластия Думы и президента естественным образом будет возрастать посредническая роль Совета Федерации. Учитывая компромиссную природу его состава (о чем уже сказано выше), следует предположить, что в нем начнется складывание демократических (продумских) и автократических (пропрезидентских) группировок. При этом сам президент и федеральное правительство, разыгрывая свою "сенатскую карту", вынуждены будут идти на уступки стоящим за сенаторами властным структурам Субъектов Федерации, а это с неизбежностью усилит центробежные тенденции в государстве. При этом больше всех пострадает именно великорусский народ, *общенациональные* интересы которого не защищены соответствующей конституцией, не представлены национальным собранием и поэтому легко могут быть принесены в жертву произволу краевых, областных и окружных администраций.

Необходимость национальной интеграции и всеобщего обновления

Распад России как государства и гражданскую дегенерацию великороссов как нации может остановить лишь наличие мощной общенациональной идеи, которая должна будет выразить себя в знаках духовной, политической и социально–хозяйственной Реформации. Волей судьбы символ этой идеи уже явлен: это – имперский орел. о значении которого сказано выше. Рассмотрим теперь каким образом эта Идея может быть реализована в плане государственного и социального обновления.

Задачи и пути национального обновления не могут быть до конца поняты без соответствующего осмысления феномена российской государственности в контексте мировой истории. Это осмысление должно осуществляться исключительно в категориях искомых духовной и государственной традиций русского общества, ибо лишь в этом случае

наша нация сможет осознать себя во всем объеме своей исторической ***памяти как источника*** провиденциальной народной воли.

Популярный взгляд на русскую историю

В настоящее время в широких общественных слоях господствует крайне упрощенное (а подчас — и весьма искаженное) представление об истории России и русской государственности. В целом, это представление можно свести к следующей схеме.

На заселенной славянами территории Восточной Европы возник в 1Х веке союз языческих княжеств, объединенных в Киевскую Русь. В 988 году киевский князь Владимир обратил население Руси в православную веру, заложив тем самым основы феодального государства, В XIII веке это государство было завоевано татаро-монголами, а в XV веке — на базе Московского Княжества – стало складываться новое Русское Государство. При Петре I Русское Государство преобразовалось в Российскую Империю, где с XIX века получили активное развитие капиталистические отношения. Процесс построения в России капитализма был прерван большевистским переворотом 1917 года, в результате чего экономика страны перешла на социалистические рельсы, а христианская традиция уступила в массовом сознании место атеизму. И вот, Советский Союз распался вместе с господствовавшими в нем социалистическими отношениями, и ныне мы имеем Российскую Федерацию как демократическое правовое государство, Конституция которого гарантирует всем его гражданам полную независимость в вопросах выбора формы собственности и мировоззрения. Теперь основная общественная проблема представляется большинству населения как дилемма выбора между двумя формами капитализма – тотального или же государственно-ограниченного, а что касается идейных принципов – то тут, похоже, все остается по Марксу: *всякая идеология есть концентрированно выраженная экономика.* При этом поиски русским обществом своего "собственного лица", отнюдь, не теряют драматичности, о чем явно свидетельствуют и политические события последних лет в России, и ее противоречивая авторитарно-демократическая Конституция как Почва, из которой произрастает вся структура государственности.

Римско-католическая церковь как явление феодальной эпохи

В действительности же России ни к чему искать какое-то новое лицо, но достаточно смести пыль с уже давно имеющегося. Это лицо – православие, но не в узкоконфессиональном его смысле, а как фундаментальная гражданская и государственная традиция, восходящая в своих основах к классическим нормам античной цивилизации. Как правило, именно ***античная*** природа православия остается "за кадром" восприятия его современным сознанием, которое вообще привыкло рассматривать христианство как социальный феномен по преимуществу средневековой природы, а церковь, соответственно – как один из общественных институтов, сложившийся *в* эпоху феодализма. Это мнение выработано западной академической историософией, и здесь, в принципе, есть своя правда. Вернее – доля правды. Эта доля состоит в том, что римско-католическая церковь – как *часть* общехристианской традиции – действительно является общественным институтом, возникшим в контексте феодальных отношений в Западной Европе, а само начало там этих отношений можно датировать временем падения Западной Римской Империи. После крушения последней, на ее территории образовался ряд варварских государств, где политическая власть находилась в руках варварской же военной элиты – племенных вождей и их родственников, превращавшихся по мере крещения в христианских королей и прочих титулованных особ. С другой стороны, исконно-римское население этих государств (королевств) обладало более сильными, чем варвары, культурными традициями, и поэтому распространение христианства в западной части бывшей Империи являлось своеобразной социальной инициативой римлян, которые увидели в церкви инструмент для осуществления своего идеологического и правового доминирования над разобщенными между собой, чуждыми всякой идее гражданской солидарности, варварами.

Первоначально именно римляне составляли на Западе всю клерикальную элиту, а саму христианскую церковь (в те времена – еще единую) они прямо понимали как носительницу римских традиций, и в особенности – как единственный форпост этих традиций в покоренной варварами Западной Европе. В то же время церкви – в лице ее римской епархии с папой во главе — противостояли варварские владыки со своими вассалами, во многом еще придерживавшиеся разрозненных патриархально-общинных культов. Крещеные варвары мало что могли воспринять из содержания социально-политической доктрины римской церкви, не говоря уже о тонкостях схоластической риторики, но они должны были передоверить в ее руки исполнение целого ряда важных функций в деле организации общественного правопорядка и создания соответствующих социальных институтов, поскольку сами на то явно не были способны. В силу этих обстоятельств папы были вынуждены

постоянно лавировать между лояльностью византийским императорам (как все еще номинально признававшимся главам всех подлинных римских имперских институций, и в том числе – единой церкви) с одной стороны, и варварским королям – с другой. В конце концов, Ватикан сделал ставку на воссоздание Западной Римской Империи — политической альтернативы Византии с одновременным доминированием папской курии над имперскими структурами. С этого времени начинается перманентная борьба пап со светскими владыками за влияние в Западной Европе. Эпоха этой борьбы является составной частью всего феодального периода западноевропейской истории, который затем сменяется Ренессансом как началом новой исторической фазы общественного развития.

Ренессанс

Ренессанс принято рассматривать как зарю буржуазного общества, капитализма, современной либеральной демократии, а также современной западной духовности и культуры. Одновременно Ренессанс – это и возвращение к античной идее, к канонам античной эстетики, к проблемам античной этики и философии. Можно сказать, что Ренессанс явил собой некое возвращение того античного духа, что был погребен со времен крещения Западной Европы в V веке под сводами забвения и вновь воскрес через тысячелетие – в веке XV. В течение феодального тысячелетия античный дух насыщал собой варварское общество, действуя посредством христианства, но внутренним своим содержанием имея ту римскую традицию, что когда-то и составляла основание римской державности, неотделимой от римского права и римской государственной религии. После падения Рима эта традиция нашла свое выражение сначала в католической схоластике, затем – в протестантском богословии, и еще позднее – в различных буржуазных социально-политических доктринах (к числу которых относятся и всевозможные социалистические утопии).

Римская идея

Римская идея – это идея мирового города, а точнее – *Рима* как мирового города. Первоначально Рим как город представлял собой частный случай гражданской общины в духе античного полиса. В результате культурного и политического влияния эллинизма римская внешняя политика все более начинала обретать характер колониальной

экспансии, а сам Рим – осмысливаться в значении мировой метрополии. В принципе, римлян к империализму подтолкнуло то, что в условиях существования на эллинистическом Востоке мощных монархий единственную возможность для сохранения независимости давало лишь наращивание собственного военнополитического потенциала и интенсивной развитие связанных с этой целью институтов и структур. Однако же, имеется и существенное различие между характером римского империализма и империализма, так сказать, эллинистического, Так, последний основан на принципе ***соподчинения*** многочисленных независимых полисов единой верховной власти монарха, имеющей божественный, трансцендентный характер. Для римского же империализма ведущую роль играет принцип ***владычества одного*** имперского полиса (т.е. Рима) над всеми остальными. При этом само такое владычество носит не трансцендентный (т.е. не артикулируемый в знаках логического смысла) характер, а ***юридический*** (в духе традиционной логистики римского права). Другая особенность "римской власти" в том, что в отношении подчиненного ей внешнего мира она выступает как начало авторитарное, тогда как ее внутренняя природа основывается на демократических началах; т.е. в Риме правит демократический сенат, а в мире – авторитарный Рим.

Идея подчинения всех городов верховной власти Рима нашла свое отражение в геополитической доктрине Ватикана как тезис об обязанности подчинения всех муниципальных епископов – римскому, т.е. папе. Начиная с эпохи Ренессанса – как времени возвращения латинской Европы к гражданской культуре античного полиса, но на новом историческом витке ее изначальное понятие полиса как гражданской общины инспирировало идею государства как "дома" нации. Отсюда идея Рима как города городов обретает свое новое измерение как идея национального доминирования. Так начинается эпоха борьбы буржуазных "полисов-наций" за титул мировой имперской нации – новых римлян. Первыми начали эту борьбу венецианцы, затем инициатива перешла к испанцам и португальцам, и далее – к голландцам, британцам, американцам... Кроме того, на роль новых римлян в разные периоды истории претендовали французы, австрийцы, итальянцы и немцы.

Особенности византийской истории и перспективы византийского Возрождения.

Византия, в отличие от Западной Европы, отстояла свою независимость от варваров, и поэтому античная государственная и гражданская идея получила здесь свое дальнейшее развитие – то,

которого не знал Запад. Результатом этого развития явилось оформление доктрины православного царства — ***симфонии.*** В Византии не было прямого политического противостояния церкви светским властям, и епископы не претендовали на исключительность своего статуса. Государственным языком Империи вновь стал греческий, а это во многом обусловило возрождение эллинистической монархической идеи, восходящей к ***таксису*** (порядку, строю) мировой империи Александра Македонского. Эта идея, однако, не выступала самостоятельно, а была сочтена с римской правовой культурой и христианской этикой в ее православном толковании. В византийском обществе понятия гражданина и православного (как подданного императора-архиерея) фактически совместились, и таким образом государство и церковь объединились в ***симфоническом*** союзе. В целом же, Византийская Империя – вплоть до эпохи первых крестовых походов – продолжала оставаться позднеантичным государством, и православная церковь – как один из социальных институтов этого государства – также является, в сущности своей, феноменом античного мира.

Говоря о различии между параллельно существовавшими мирами – античным византийским и средневеково-феодальным латинским, – не следует забывать и того, что оба эти мира в то же время родственны друг другу как восточная и западная части изначально единого пространства римско-эллинистической цивилизации. Эта изначальная родственность во многом определяет типологическую схожесть некоторых фундаментальных исторических процессов, реализующихся как на латинском Западе, так и на православном Востоке – при всей, разумеется, *сущностной* разнице этих процессов как манифестации онтологии духа. Пример типологической схожести представляют собой свойственные и Западу и Востоку культурно-исторические циклы, протекающие в рамках аналогичных временных параметров. Так, Рим крестил ***западных*** варваров (в массе своей – германцев), которым потребовалось целое тысячелетие для того, чтобы впитать христианскую идею, а вместе с ней – и политико-институциональные принципы античной классики. В итоге средневековая Европа пришла к Ренессансу. Константинополь крестил **восточных** варваров (в массе своей – славян), которым пришлось пережить свое тысячелетие впитывания христианства: сроки этой "инкубации" заканчиваются в наши дни, и в духовном небе византийского Востока уже полыхает заря его собственного Ренессанса-Возрождения. Ни это возрождение античной идеи не в римской, как то было на латинском Западе, а в византийской ее ипостаси как идеи православной симфонии. В этом – как раз **существенное** отличие идущего на Востоке исторического процесса от имевшего свое начало пять веков назад, типологически близкого ему, процесса западного Ренессанса. Сама по

себе разница в пять столетий здесь обусловлена тем, что христианизация варварского Запада началась на пять веков раньше христианизации варварского Востока. Но это формальная разница. Существенная же разница здесь в том, что христианизацию Западной Европы осуществляла римско-католическая церковь, которая сама по себе представляла лишь *часть* всего сложного комплекса "античного мирового порядка"; христианизация же Восточной Европы — в том числе и Руси – Константинополем явилась передачей традиции "античного мирового порядка" в ее *полном* объеме. Кроме того, европейское Возрождение имело место во времена еще реального существования самой Византии как единственного аутентичного хранителя всего античного наследия, и поэтому говорить о том, что европейцы заново "открыли" ценности античного мира (как это принято на Западе) — значит заведомо лжесвидетельствовать. Напротив, византийское Возрождение Востока – с центром этого процесса в православной России будет означать возвращение к ***подлинным*** ценностям античной цивилизации на уровне ее высшего исторического развития (т.е. в фазе симфонической православной империи).

Уникальный характер византийской государственности

Естественно, что возрождаемая античная идея обретает на своем новом историческом витке и соответствующее содержание. Для того, чтобы ясно увидеть, в чем состоят его особенности, прежде всего следует отказаться – как мы уже показывали выше – от шаблонов западных академических философии истории и философии права. Западная государственно-правовая культура никогда не поднималась до уровня византийской, поскольку развитие Западной Европы было прервано варварскими завоеваниями. В то же время, Византия представляется западными историками как одна из форм восточной деспотии, что совершенно не соответствует действительности и является на деле попыткой доказать абсолютную безальтернативность этике "римской законности" ***Запада.*** Эта же логика лежит и в основе абсолютизирования западной идеи свободной личности, буржуазных демократических свобод и психологии частного владения. Преодолеть эту логику может лишь непредвзятое отношение к материалу самой истории, который обнаруживает подлинную уникальность византийского государственного порядка и вместе с тем — прямое родство его с фундаментальными основами русской государственности.

Природа социальных отношений в Византии не вела к складыванию там изолированных сословных и классовых групп, каждая

из которых преследовала бы более свои собственные, чем общегосударственные интересы, — вроде того, как это имело место в феодальной Западной Европе. Титул императора в Византии также не был, в *принципе,* наследственным, но делегировался народом, и таким образом идея православного самодержавия в ее изначальном смысле не имеет ничего общего с традициями наследственной власти феодальных монархов Европы. Экономика Византии всегда носила характер по преимуществу государственный, а не частный. Безусловная форма частного землевладения также была сильно ограничена, а социальный статус гражданина более зависел от личных успехов на государственной службе, **чем от сословного происхождения.** В целом, общественный строй Византии можно определить как ***античный имперский социализм*** (т.е. как особую форму развития эллинистической государственности в ее позднеантичной стадии).

Развитие византийской государственности было прервано турецким нашествием с востока, чему во многом способствовали интриги Венеции и Рима на западе. Окончательное отмирание в Византии античного порядка произошло после нашествия крестоносцев на Константинополь в 1204 году, когда на захваченной ими территории страны была основана т.н. Латинская Империя (1204 – 1261 гг.). Восстановление византийской государственности через 57 лет уже ничего не могло спасти, и еще через полтора столетия Константинополь окончательно пал под турецким натиском.

Адаптация римско-византийского права в России и на Западе

На Русь византийская традиция проникла в X веке, но не только в своем имперско-гражданском, сколько в церковно-каноническом аспекте. Имперское же звучание она стала впервые здесь обретать в *XV* веке, после выдвижения лозунга "Москва – Третий Рим". Но русские самодержцы продолжали оставаться ***феодальными*** владыками, следуя традициям наследственной, а не выборной передачи власти. Выборность императора — это уже принцип античных традиций имперского общества (хотя нелишним будет заметить, что прецеденты всенародного избрания царя имели место и в Русском Государстве: к примеру, легитимация через референдум власти Ивана Грозного, избрание самодержцев Земским Собором).

События 1917 года, вызвавшие крушение российского самодержавия и всех монархических институтов, знаменовали собой завершение феодального периода в истории России, но отнюдь — не истребление имперской идеи как таковой (ведь сама по себе имперская идея является продуктом классической античности, и в этом смысле она –

вечна). Семьдесят лет большевизма в стране явились актом Провидения, пролагавшем пути к освобождению общественного сознания от феодальных стереотипов ***личной*** зависимости в перспективе создания новых форм социальной гармонии. **Россия, тысячелетие впитывавшая в** себя "эллинскую мудрость" в виде православия, подготовлена сегодня к тому, чтобы *на* ***этот раз*** почерпнуть, из византийского источника знания и план социально-гражданского строительства Храма православной имперской государственности.

Подлинное Возрождение неизбежно связано в России с отказом от ориентации государственной и общественной мысли на нормы римского права в их ***западной подаче,*** с которыми связаны западные представления о природе свободы, демократии и гражданской солидарности (т.е. категории **европейского** Возрождения). В противовес всему этому следует обратиться *к* установкам римского права в его византийской ипостаси, что является единственным и подлинным фундаментом традиционных основ русской национальной гражданской и государственной культуры. Западное общество, не переживавшее высшей стадии развития социальных институтов античности, не содержит в своей духовной культуре тех реалий, что присутствуют в "культурном коде" народов византийского круга. Запад, фактически, не имеет и опыта античного христианства, поскольку последнее – феномен византийского Востока. В силу этих причин возвращение Европы к античным традициям было связано не просто с преодолением средневекового понимания христианства, но с преодолением христианства ***как религии таинств*** вообще. Возвращение же к античным традициям на христианском Востоке означает ***углубление*** в древнюю мудрость православия как уже **самого** по себе античного явления — культурного и духовного завещания Древнего Мира людям Нового Времени. Западная наука, зачисляя Византию в разряд восточных деспотий, тем самым не просто игнорирует более высокий уровень византийской правовой культуры в сравнении с современной ей правовой культурой средневековой Европы, но сознательно лукавит, поскольку в ином случае Западу придется открыто признать духовный и культурный приоритет православного Востока, а стало быть – и права его законных ***наследников.*** Латинянам легче допустить, что античное наследие вернулось к ним через мусульман (т.е. арабов, о чем и написано во всех учебниках истории), чем через православных (что есть истина).

Неверным будет представлять, что т.н. "буржуазное право" есть результат социально-исторического развития исключительно западного "неоримского" общества. Основы буржуазного права содержались уже в византийском имперском законодательстве, и именно оттуда они были заимствованы европейскими социальными реформаторами. Однако, в

Западной Европе, чуждой традициям античного общества, буржуазное право обрело не столько общегражданское, сколько классовое звучание, поскольку в его основе лежали традиции феодальных свобод магистратов, дистанцировавшихся от государства как такового. В Византии такой дистанции не было в силу того, что посредником между магистратами и имперской властью выступала церковь (как особый институт позднеантичного общества). Выше уже говорилось, что понятие "гражданина" отождествлялось в Византии с понятием "христианина" (т.е. "православного"). Отсюда и то, что византийское правосознание всегда развивалось в русле религиозно обусловленных норм общегосударственной, имперской этики, которую западная историософия неизбежно объявляет этикой византийского правящего класса, деспотически навязывавшейся сверху всему остальному обществу. Впрочем, рассмотрение хода всей истории под углом классовых интересов – хотя и при доле известного варьирования в понимании самого слова "класс" является типичной особенностью западной социальной науки. Социализм и более радикально-классовый большевизм являются прямыми ее Порождениями.

Русское Возрождение

Возрождение подлинно имперской России должно начаться с отказа от всякого рода классовых теорий и с упрочения основ общегосударственной этики. Потенциально основы эти уже содержатся в самодержавных традициях Русской православной церкви. Задача состоит в том, чтобы сделать нормы православной этики действенным инструментом в деле строительства в России нового гражданского общества самодержавной демократии. Самодержавная демократия – это не противоречие в терминах, а лишь высказанная современным языком суть византийской государственной доктрины. Более того, реальное наличие общегосударственной этики возможно ***исключительно*** в условиях самодержавной демократии, когда верховная власть обретает статус этического ***императива,*** но не как власть сама по себе, и тем более – не как власть наследственная, но как результат прямого волеизъявления граждан,

Другим мощным носителем основ общегосударственной имперской этики может быть армия, но не нынешняя – духовно дезориентированная и морально разлагающаяся, а новая, подлинно имперская. Создание такой армии – другая важная задача русского государственного и гражданского Возрождения.

Основной интеллектуальной силой грядущего русского Возрождения должны стать законоведы, в обязанности которых ляжет, в

частности, изучение традиции римско-византийского права и исторических форм его адаптации в России и других странах. В этих целях уже ***сегодня*** следует закладывать фундамент Академии Традиционного Права как мозгового треста будущих имперских структур в их конституционно-правовом измерении. Таким образом форма новой русской государственности обретет свое исторически легитимное лицо, а вместе с этим обретет свое ясное лицо и сама Россия — и как государство, и как идея.

Владимир Махнач

ИМПЕРИИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

1. О чистоте терминов

** Первоначальный смысл понятия*
** Не размером единым*
** Император и монарх*

Одно из самых десемантизированных понятий в современном языке — понятие "империя". Оно утратило прежнее содержание, превратилось в общепринятое наименование нечистой силы.

Трудно сказать, когда это сложилось. В понятие империи не вдумывались в минувшем столетии. А в XX веке сразу заговорили об имперском мышлении, имперских амбициях. Об имперской традиции, наконец, даже не обязательно с негативной оценкой. Но собственно сущность империи оставалась за скобками. Между тем, принципиально важно обратиться к первоначальному смыслу этого понятия.

...Невозможно представить себе, чтобы империю делали таковой только ее размеры. В 1261 году Михаил Палеолог вышвырнул из Константинополя крестоносных оккупантов и восстановил империю с ее имперской столицей. Это не вызвало всеобщего восторга, но было **признано** всеми без звука, в том числе и на Западе. Последние же два столетия Византийской империи до турецкой оккупации — это непрерывная агония, сокращение территории. Однако даже несчастный Константин XI Драгас, павший при защите Константинополя (доказав, что он был достоен пурпурной обуви), владевший небольшим участком земли вокруг столицы, несколькими островами Эгейского моря и

Владимир Леонидович Махнач, известный историк и православный публицист, автор многочисленных статей и первых в стране курсов “История отечественной культуры” (1995) и “История мировой культуры” (1990). Статья “Империи в мировой истории”в различных вариантах публиковалась более десяти раз. Настоящая публикация — наиболее полная.

небольшим кусочком в южной Элладе, безусловно, оставался для всех **василевсом** — в латинизированной форме, следовательно, императором.

Более того, несмотря на то, что за имперской столицей все охотились, пожалуй, имперская идея почти на два века продлила жизнь Византии, которая, не будь она империей, прекратила бы свое существование, видимо, раньше. Византия XIV-XV веков — противоестественная держава, однако она живет.

На протяжении многих веков люди прекрасно улавливали различия между **императором** и просто **монархом**. Например, величайший из исландцев Снорри Стурлуссон в своей "Младшей Эдде" детально разбирает, какие кенниги (то есть эпитеты, иногда с оттенком славословия) полагаются императору, какие — только конунгу, королю, какие могут доставаться ярлу, и так далее.

Теперь присмотримся к самому титулу императора. "Imperium" — это вообще высшая власть в Риме еще республиканского периода. Кстати сказать, это являлось только почетным титулом главы государства. Как лицо уважаемое он **был** императором, но императором **не работал**. По должности он был **принцепсом**, "первенствующим", подразумевалось первоначально — первенствующим в сенате. И пусть византийский титул мало о чем говорит, ибо василевс — это просто царь. Но вот персидский монарх столетиями назывался "шаханшах" — **царь царей**, именно в том смысле, что есть и просто цари (например, царь армянский, царь лидийский или даже среди чисто персидского населения — царь саксаганский). Это не единственный пример: император Эфиопии тоже носил титул царя царей — "ныгусе негест" (негус негусов).

Уже во времена ахеменидского Ирана (Эраншахра), а при Римской империи окончательно, в сознании народов складывается идея универсальности империи. Не то, чтобы империя могла поглотить весь обитаемый мир: на это претендовал только Александр Македонский, а у него-то империя как раз не удалась. Но веками император мыслился единственным первенствующим среди вполне суверенных правителей и республик. На него возлагали миссию поддержания политического равновесия, элементарной порядочности в международных отношениях.

Эта мысль дожила до нашей эпохи. В 1894 году в одном из французских некрологов на смерть императора Александра III писалось: "...Европа почувствовала, что она теряет арбитра, который всегда руководился идеей справедливости". Другой француз тогда же отмечал, что в царствование Александра III в Европе нельзя было воевать без согласия русского царя, а он этого согласия не давал.

Еще пример, вдвое более близкий к нам. Пробужденный после многовекового сна Мерлин в фантастической "Мерзейшей мощи"

К.С.Льюиса узнает, что современная Англия бессильна бороться с демоническим нашествием, и предлагает прибегнуть к помощи императора. Известие, что императора больше нет, повергает великого мага в ужас.

Когда лучшие из римских императоров учиняли гонения на христиан (при исключительной веротерпимости Рима!), это было вызвано прежде всего столкновением двух мировых универсальностей — Церкви и Империи. Чтобы, продолжая честно исполнять свой долг, примириться с Церковью, Константин Великий мог стать только христианином. Но уже апостол Павел считает языческого императора Удерживающим мировое зло. Это становится на столетия стержневой идеей христианской философии и политики. В ее развитие появляется принцип "симфонии" Церкви и христианского Царства, которые поддержиавают друг друга, оставляя за собой свои сферы деятельности. Причем Церковь, не вмешиваясь в дела управления, имеет право нравственного суждения по любому политическеому решению.

Универсальность империи сознавалась всегда. До восстановления Западной империи Карлом Великим для западных христиан императором был византийских василевс. Оттуда: Константинополь — Новый Рим. Пятый вселенский собор признает равенство чести римского и константинопольского епископов, так как последний —епископ царского города. Оттуда же, после захвата Константинополя турками, Москва становится Третьим Римом.

Универсальность права подтверждается императором: в Средние века на Западе полноценный юрист должен был иметь диплом императорской школы. При этом он мог вовсе не служить императору, а служить, скажем, французскому королю, который в тот момент мог враждовать с императором. Средневековый универсистет, вместилище универсального знания — тоже своеобразное отражение римской идеи универсальности империи.

Трудно не заметить, что империя на протяжении двух с половиной тысячелетий лучше справлялась с функцией вселенского арбитра, чем Лига Наций в течение всего лишь двадцати лет или ООН — последние полвека. Поэтому неудивительно, что значительная часть западной политологии и журналистики враждебны самому понятию "империя". Оно противостоит космополитической идеи новой мировой универсальности.

Забегая вперед, скажу, что империя есть нечто с "царем царей" во главе, объединяющее государства, разумеется, потерявшие часть своей независимости, в основном, внешней. По этому принципу была, например, смоделирована — смешно подумать, всего лишь 120 лет назад — германская империя. Не совсем обычная, она ведь не была

многонациональной. Но, тем не менее, она была составлена из независимых государств, которые сохранили определенные прерогативы, и король прусский, став кайзером Германии, оставался все тем же королем прусским.

2. Империя и провинция.

** Самобытность римских провинций*
** Почта, дороги, водопровод и др. как имперские учреждения*
** Русь и Касимовское царство*

Может быть, нелишне отметить, что впервые автора подтолкнуло к размышлению о сущности империи.

В 1971 году был выпущен сборник в двух выпусках, которые назывались "Рабство в западных провинциях Римской империи" и соответственно "... в восточных провинциях..." Листая этот сборник, автор, еще студент, с изумлением отметил, что **рабства универсального** там на самом деле **не существовало.** Рабство из школьных учебников, толпы невольников в огромных латифундиях — это встречалось, но только в Италии и Северной Африке, и не везде. Совершенно другим, патриархальным, мелковладельческим, было рабство в Элладе. Оставалось ветхозаветным рабство в Иудее с обязательством отпускать рабов в юбилейные годы. А в Египте и вообще никакого рабства не было, зато имелось зависимое, "крепостное" крестьянство, из чего надлежало сделать вывод, что египетская провинция была феодальной частью Римской империи.

Автор стал вникать в детали, обратился к другой литературе и пришел к кощунственному для того времени выводу: провинции, охватывающие почти все Средиземноморье, благополучно сохраняли **нисколько не поврежденный Римом уклад жизни**, со своими обычаями, часто со своим законодательством, со своими неповторимыми социополитическими, социоэкономическими отношениями.

Да, их связывал чисто условный, выполнявший роль государственной присяги культ императора. Но и такие **чисто имперские учреждения**, как почта, дороги, в какой-то степени регулируемое мореплавание — к общей радости провинций. И все они были разными, хотя и не все равноправными. Наиболее уважаемыми, наиболее самостоятельными были старые римские союзники, старые римские друзья, близкие по культуре или охотно принявшие Рим. Но все жили по-разному.

Таким образом, по крайней мере Рим подсказывал, что империя не может существовать без понятия провинции, а "провинция" —это не оскорбление, а обозначение некой самоуправляемой, сохраняющей свой неповторимый облик территории.

В истории Руси классическая иллюстрация сказанного — **Касимовское царство**, основанное целым кланом выехавших на русскую службу волжских татар во главе с царевичем Касимом. Касимовские царевичи неоднократно являли пример героизма на русской службе. Да, в XV веке Касимов — это некоторый противовес Казани, но в XVII-то веке — какая Казань?! Кто мог угрожать на этом направлении России? А тем не менее, никто не упраздняет Касимовское царство. Там чеканят свою монету. Оно остается действительно государством в рамках России. Разве что правители этого царства титуловались не касимовскими царями, а касимовскими царевичами. Царь — это ведь титул императорский. Единственная причина, по которой Касимовское царство было упразднено как самостоятельное государственное образование, это *пресечение династии.*

Другой пример. 1611 год, смута. Идет формирование второго земского ополчения князя Пожарского. Сохранился замечательный документ — Казанский земский приговор по этому поводу. Список собравшихся открывает митрополит, далее следуют представители чинов и сословий. Понятно, почему стремятся на бой ради освобождения столицы, родной земли русские. Можно с некоторым напряжением объяснить участие в ополчении черемис, то есть марийцев. Но совсем, казалось бы, противоестественно участие татар. Ведь Казань шестьдесят лет как присоединена. По старинному правилу — враг моего врага мой друг — казанские татары должны были ударить в спину ненавистному оккупанту. И ни один историк потом не упрекнул бы их, как никто не упрекнет ирландцев, работавших в годы Первой мировой войны по возможности на немцев — слишком натерпелись от англичан.

Происходит же совершенно неожиданное: казанские татары садятся на коней и **отправляются освобождать Москву**. Мне встречались суждения, объясняющие это исключительным гуманизмом русских. Я же склонен объяснять этот факт имперским характером России, в которой уживались все, как прежде уживались в Риме. В том числе за шесть десятилетий вполне ужились с Россией и казанцы.

Вот примеры имперского духа и имперской идеи, того, без чего империя не существует и что является необходимым, хотя, может быть, и недостаточным условием для их существования.

...Рим создал идею универсальной империи как идею общего блага. Рим не навязывал принципов организации хозяйства, торговли, существования рабства или отсутствия такового, форм зависимости

колоната, прохождения службы полисными, муниципальными чинами. **Романизация — это дороги, почты, акведуки, водопроводы.** Римская культура была необычайно водолюбивой. Достаточно сказать, что высокоцивилизованная Западная Европа только к рубежу XIX-XX веков начала в крупнейших городах доставлять на душу населения столько воды, сколько доставлялось в Риме. И такое навязывание всеми, безусловно, воспринималось как общее благо. Истребление пиратства, организация судоходства — безусловно, **общее благо** для всего Средиземноморья.

Рим правил, опираясь не только на титул римского гражданина, статут муниципия, на звание друга и союзника римского народа. Рим, безусловно, правил под лозунгом *единства во имя общего блага.* И этого хватало до тех пор, пока сохранялся имперский этнос.

3. Империя и провинциальная элита.

* *Первый опыт создания империи*
* *Интернационализация знати как римская традиция*
* *"Москва — третий Рим". Для всех*

Есть, разумеется, и другие общие черты империй. Каждая империя стремится создать **имперскую знать**, аристократию, в состав которой обязательно приглашаются представители знати народов, завоеванных империей или, что бывало часто, прибегших к помощи империи.

Представление о необходимости создания имперской знати относится к **древнейшему** и, как представляется, первому опыту создания империи — ассирийской, точнее, **новоассирийской державы.**

Начиная с Ашшурубаллита Первого, а особенно при великих монархах Синаххерибе, Асархаддоне интенсивно формируется имперская знать. Старинная аристократия Ашшура, связанная с древней столицей, уходит в тень. А в Ниневии интенсивно формируется имперская знать — не только из военных кругов предельно милитаризованной державы (по сути дела Ассирия — это народ-войско), но и из знати покоренных народов. Это был совершенно осознанный и правильный выбор. Заметим также, что Ассирия была не чужда сохранению и государственных образований внутри империи. Она сохранила вавилонское царство, но настолько третировала его, что спровоцировала вавилонское восстание, потом разрушение Вавилона. Здесь не было последовательности и разумной политики. Поэтому я говорю только о *первом опыте* создания империи.

Что же касается имперской знати, то это, безусловно, и **римская традиция**. Конечно, римская знать из провинциалов была романизирована, за исключением эллинской. На романизацию эллинов римляне никогда не осмеливались. В конце концов:

"Греция, взятая в плен, победителей диких пленила".

Это не грек написал, а римлянин, Вергилий.

Романизируя, тем не менее, римляне создавали имперскую знать. Мы знаем знаменитейших римлян провинциального происхождения. Военная знать вообще могла пополняться кем угодно — и греками, и африканцами, и сирийцами, и галлами. Точно так же действует потом наследница римской политической традиции — Византия. Если опереться на исследования А. Каждана, то получится, что в средневизантийский период по крайней мере армян вместе со славянами в сумме было больше, чем фамилий истинно греческого византийского происхождения.

...У русского народа имперская культура вполне сложилась к XVI веку. Известный тезис "Москва — третий Рим" не имел **ни малейшего оттенка самодовольства.** Напротив, он воспринимался как огромная тяжесть, которую христианский долг повелевает принять по той бесхитростной причине, что нет другого мощного проводника восточнохристианской культуры, больше некому после падения Константинополя этим заниматься. Тогда же вполне проявляется и важный аспект — включение сначала отдельных представителей, а потом и целых народов в имперскую культуру. Это не подразумевало превращение всех в русских. Культурные границы, в отличие от этнических, достаточно подвижны. А русско-имперская культура ухитрялась включать в себя даже представителей других религий, при всем том, что Россия никогда не забывала о своей миссии.

4. Империя и ее союзники.

** Вассал воюет за...предоставление гражданства*

** О верных империалистах и продажных республиканцах*

На римском примере мы можем увидеть, как в жесточайшей конкурентной борьбе этнос имперский победил и рассеял этнос принципиально не имперский — пунов, карфагенян.

Рим — империя задолго до того, как его устройство сменилось с республиканского на монархическое. Кстати, переход был очень плавный, грани здесь нет, тенденция к установлению монархического образа правления много древнее Августа и после Августа очень долго

держались республиканские традиции. Они, по-видимому, **не противоречат** факту существования империи.

Римляне, несомненно, были величайшими администраторами древности, величайшими государственными созидателями. То, что было у персов на уровне чутья, гениальной интуиции, у римлян было предельно четко разработано. Римляне великолепно использовали различные **градации** признаваемого **гражданства**: италийское гражданство, латинское гражданство, наконец, на самом верху, римское гражданство. И все это даровалось.

Я думаю, что каждый приличный школьник знает о самнитских войнах. За что сражались самниты? Стереотипно мыслящие люди полагают — за свою независимость. Ничуть не бывало. Самниты обрушивались на римлян за то, что те **затягивали предоставление Самнию латинского гражданства.** Представим для сравнения, что Чечня объявляет сейчас войну России по причине непредоставления ей аналогичных прав... Если бы такие войны объявлялись, я бы считал, что с Россией все в порядке.

Предоставлением этих иерархически организованных прав римляне созидали стройное здание имперского организма. Классическая формула: "Я — римский гражданин!" произносилась с такой значительностью и гордостью, что с этим считались везде, даже за пределами империи. Для парфян это тоже звучало. "Я — римский гражданин!" произносит подозреваемый в антигосударственной деятельности апостол Павел. Это означает, что его нельзя пороть, нельзя пытать, правда, можно казнить, но это будут решать император, имперский суд, для этого надо подозреваемого этапировать в Рим. Апостола и этапируют в Рим, где казнят. Но по пути он обращает в веру Христову тысячи и тысячи новых прозелитов (согласитесь, это не советский этап).

Действовал и статут города. **Муниципий** — это, в общем, и есть римский полис, только имперский, обладающий самоуправлением, полисными прерогативами, но в рамках империи. Статут муниципия даровался существовавшим полисам и его принимали с удовлетворением. Принимали не из страха перед римским легионом. Почему?

Римско-карфагенская парадигма давно занимает не только историков, но и поэтов, философов. Ее сущность блестяще раскрывает Гилберт Честертон в своем "Вечном человеке", может быть, даже не полностью. Карфаген как торговая держава был предельно **эгоистичен**. Все войны, которые он вел, — это войны в обеспечение торговых монополий. Карфагенян терпели нехотя. У них были союзники, в основном из тех, кто опасался возрастания могущества Рима, но не любил

карфагенян никто. Как любой торговый город-республика, он был слишком эгоистичен.

Карфаген мог даже по-обезъяньи копировать римскую политику. Например, лучшим своим солдатам-ливийцам мог пообещать карфагенское гражданство...и его не дать. Самый пламенный патриот Карфагена, великий Ганнибал, пытался немного корректировать эту эгоистичную политику, дарить карфагенские титулы нумидийским царям, даровать ливийцам карфагенское гражданство. Карфагенская аристократия на это не шла и подозревала Ганнибала (может быть, и обоснованно) в стремлении установить царскую власть. Поэтому Карфаген легко лишался союзников. В решающем сражении при Заме Ганнибал мог видеть против себя ту самую нумидийскую конницу, которая столько раз оказывала ему неоценимые услуги.

Карфаген предавал легко. Рим **не предавал союзников** никогда. "Друг и союзник римского народа" — вот, пожалуйста, еще один титул, которым оперировал Рим, создавая империю. Конечно, "друг и союзник римского народа" — это тот правитель, а иногда и город, который должен срочно раскошеливаться на военные нужды, предоставлять свои корабли, участвовать как союзник в войне римского народа. Никакого равноправия здесь не было, это был уважительный, но вассалитет. И Рим являлся властным сюзереном. Но римляне даже в безнадежной ситуации не предавали союзников. Это запоминалось. Вот римский механизм созидания империи, его еще одна чрезвычайно важная черта.

Похожим образом вела себя Священная римская империя германской нации. Позднее — австрийская держава, защищавшая любых своих окраинных подданных или союзников от турецкой экспансии. Так вела себя Византийская империя по отношению к христианам Кавказа и Закавказья. Общеизвестно поведение Российской империи. Это не прерогатива России — быть честной по отношению к подданным и младшим союзникам, это **имперская традиция**. Все настоящие имперские организмы в той или иной степени выдерживали этот экзамен.

5. Империи и химеры.

** Завоевали — и не режут?!*
** Имперскость и/или унитарность*
** Терпимость к народам и терпимость к культурам*

Кто впервые в мировой истории создал настоящее имперское образование?

Думается, Персия при Ахеменидах. Как заметил однажды человек, тонко знающий персидскую историю, все приняли радостно или, по крайней мере, терпимо великого Куруша (Кира) **от удивления**. Мол, странные какие-то люди эти персы — завоевали и не режут! Пожалуй, с ними можно жить...

Возьмем пример самый хрестоматийный. Могущественный Крез с репутацией богатейшего человека тогдашнего Средиземноморья вздумал воевать с Киром. Крез проиграл. Что мог сделать Кир? Мог великодушно выгнать вон, но тогда он создал бы себе непримиримого врага, реваншиста. Мог казнить — показательно, жестоко. Но он не делает и этого, а приглашает Креза во дворец, где нарочито титулует его царем. Крез считался лидийским царем, получал почести, даже доход, сохранял определенную власть в пределах Лидии и располагал своим войском. Стоит ли удивляться, что после этого побежденный при каждом удобном случае говорил, что Куруш — избранник богов, и если бы он понял это раньше, то не оказал бы ему сопротивления. Раздавленный монарх не говорил бы таких вещей. Потрясенный великодушием победителя — мог.

Ахемениды создали свою державу, и настолько успешно, что даже когда борьба с Персией была объявлена общегреческим делом, малазийские греки **сохраняли верность своему царю персу** и поставляли ему войска. А почему? потому, что в державе Кира они жили в любезной их сердцу полюсной организации. Было за что сохранять преданность Ахеменидам.

Теперь несколько слов — о самоназваниях.

Империями называли себя многие государства. Мне представляется целесообразным считать не все организмы, принимающие некоторые элементы имперского устройства, собственно империями. Выше была сделана оговорка: Ассирия пыталась создать империю, но это ей не удалось. Ряд государств в мировой истории даже впрямую называли себя империями, но таковыми не являлись.

Безусловно, **самозванкой** была так называемая **Британская империя** — обычная колониальная держава, имевшая основания на свое наименование ничуть не большие, чем, например, Нидерланды, где признаки частей имперского организма представляли не колонии (как в английской политической системе), а доминионы. Но в них как раз доминировало англо-саксонское население. Это были тоже колонии, но в античном смысле этого слова, колонии с действующим лицом — не колонизатором, а колонистом. Колониальные державы посему не есть империи, даже если они так называются.

Необычной являлась недолго просуществовавшая **Германская империя**. Она империя лишь постольку, поскольку конкурировала с

Австрией за наследие Священной римской империи, очень старалась соответствовать своему названию, но была державой националистического, а не имперского характера. Населенная почти исключительно немцами, она не типична, это не вполне империя. Хотя, безусловно, это государство обладало рядом существенных черт имперской организации.

Еще два государства, которые обладали определенными имперскими чертами, но так полноценными империями и не стали: **Турция** и Китай. Турки-османы были блестящими администраторами, под стать римлянам. У них могло получиться. Однако их поведение в качестве хозяев положения было настолько непоследовательным, что они постоянно вызывали центробежные настроения не только у многочисленного восточнохристианского населения — славян, греков, сирийцев, но и у подвластных им мусульман, например, арабов и курдов. Турция не создала единого организма, ее отношения с иноэтническими территориями походят на отношения европейских держав XIX века с колониями. Поэтому Турция очень легко потеряла свои нетурецкие территории. И хотя даже это повлекло за собой неприятные последствия для ряда малых народов, попавших под новое владычество, вряд ли можно сейчас найти среди бывших вассалов сторонников идеи возвращения в Турцию. Более того, и сами турки-османы не имеют внутренней установки на воссоздание империи. Вероятно, это может означать, что Блистательная Порта при ее имперском аппарате, каком-никаком имперском устройстве не имела имперской идеи. Ничто не удерживало ее на наднациональном уровне.

В аналогичной ситуации оказался и **Китай**, но здесь сыграли роль другие факторы. Китайцы были исключительно терпимы к представителям других народов. Однако — абсолютно нетерпимы к представителям других культур. Поэтому каждый раз, когда в состав Китая попадало значительное количество некитайцев, их активно адаптировали. Полноценных китайцев из них не выходило, вместо империи образовывалась химера, ложное единство. Единый этнос в результате не возникал (он вообще вряд ли может быть рукотворным делом). Такие установки на объединение подтачивали Китай изнутри, появлялись в значительном количестве ложные китайцы, которые не воспринимали китайцев природных вполне своими. Поэтому Китай — страна, обладавшая и созидавшая имперскую культуру, но абсолютно не чувствовавшая верной имперской политики.

Империи вообще — редкое явление. Но тем не менее, мы видим, что они существуют на протяжении свыше двух с половиной тысяч лет. И уже это обстоятельство позволяет полагать, что время империй не

прошло. Так же как и время монархий, и время республик, которые, кстати, ничуть не моложе монархий.

6. Распад империй: причины и последствия.

** Распадается все, но империя — долгожительница*
** За "последними римлянами" уходит Рим*
** Малый и большой всегда обьединяется против среднего*

Держава персов была разрушена Александром. Я склонен полагать, что причины крушения объяснила этнология Льва Николаевича Гумилева (старость имперского этноса).

Империя Александра не удалась, оказалась химерой, но после ее распада преемницей имперской идеи становится Селевкидская держава в примерно старых пределах. Потерпели фиаско Селевкиды. Следующие этапы — Парфянская держава, Сасанидская держава. Даже если исключить мусульманский период, то от начала Ахеменидов и до конца Сасанидов империя просуществовала четырнадцать веков. В какой-то степени имперскую идею подобрал и мусульманский Иран.

Позволю себе замечание a pro po. Да, империи распадаются. В этом мире распадается все, даже планеты и Земля когда-нибудь распадутся. Но из всех государственных образований империя — как раз **долгожительница**. Я не знаю, какая держава продолжительностью существования может конкурировать с Эраншахром. Можно привести много примеров, посмотреть, сколько просуществовала идея новой западной империи, если даже начинать ее не с Карла Великого, а с Отто Первого, тоже Великого. Все это будут державы огромной продолжительности жизни.

Еще раз соглашусь с Гумилевым: Римская империя прекратила свое существование не потому, что разделилась, ибо она никогда не делилась. Не было восточной и западной Римской империи, а были восточный и западный императоры. У них были свои сферы управления, но империя воспринималась как целостный организм.

Если бы дело было только в разделении, то тогда почему не удалось восстановление былого единства? Ведь его блестяще провел к середине VI века император Юстиниан Великий. А дело вот в чем. Как мне кажется, империя, имея федеративное устройство (тем самым я утверждаю, что унитарная держава не есть империя), обязательно **опирается на стержневой этнос**. (Это наводит на осторожную гипотезу, что империя органичнее, например, федерации, она живой организм, она более связана с этносом).

Действительно, мы всегда можем назвать имперские народы — персов, римлян, средневековых греков-византийцев (которые называли себя римлянами), немцев, русских. Нормальное окончание существования империи — это **исчерпание сил имперского этноса**. Где находим подтверждения? В истории Ирана — несколько раз. Во всяком случае, конец империи Ахеменидов и конец империи Сасанидов — это явно усталостные явления, закат этносов. У римлян это не оспаривает ни один исследователь античного мира. Сначала полководца Аэция, потом и философа Боэция называли последними римлянами. После гибели последнего римлянина не мог существовать и Рим. Византия даже пережила свой век. Здесь закат средневекового греческого этноса явно проявился в 1204 году, когда крестоносцы взяли Константинополь.

Россия была, безусловно, полноценной империей, но она прекратила свое существование **раньше**, чем состарился имперский великорусский этнос. Не здесь анализировать причины распада Российской империи. Версий очень много. Одна — что никакого распада вовсе не было. Другая объясняет случившееся исключительно внешними по отношению к России факторами. Есть версия, что повторилась австрийская ситуация: стержневой этнос, русский, уклонился от выполнения имперских функций.

Если выстраивать аналогии, то вполне возможно, что **в 1917 году повторился отнюдь не 1453 год Византии, а 1204-й,** после чего, как известно, империя была восстановлена. Я думаю, что никто не будет всерьез утверждать, что имперская идея в России исчерпала себя и империя восстановлена быть не может.

...Представляется очевидным, что наиболее удобной, бесконфликтной является жизнь общества моноэтнического, но такое бывает чрезвычайно редко. Большинство из когда бы то ни было существовавших государств полиэтнично. Так вот, **среди не моноэтнических государств наиболее удобные условия для этносов предоставляли как раз империи**. Империя универсальна по своей идее, в силу этого она наиболее терпима.

Империя всегда уравновешивает народы, а ведь было бы странным упрощением считать, что в государствах, тем более в имперских образованиях, существует только соотношение: большой народ — и множество малых. Среди подданных Рима существовали численно значительные копты, кельты, эллины, не столь значительные сирийцы, а иберов, последних этрусков было совсем немного. Жил какой-то странный народ на Балеарских островах, про который мы даже не знаем, кто они такие. Они тоже были подданными Римской империи.

Мы вправе говорить о том, что существуют имперские и неимперские народы, этносы. Трудно сказать, врожденный ли это

этнокультурный стереотип, который позволяет приступить к созиданию империи, или он приобретается в процессе созидания. Я склонен полагать, что он **исторически складывается**. Но способность выработать подобный стереотип — это условие и путь к созданию империи.

Если схематизировать этническую структуру некой обобщенной империи, то правильнее сказать, что ее населяет большой народ, несколько средних и известное количество малых. Так вот, для огромной части населения империи эта последняя — защитница малых от агрессии средних. Универсальный исторический закон, работающий в пользу империй, я бы сформулировал так: **"малый" всегда с "большим" против "среднего"**. Действие этого правила мы наблюдаем сейчас на территории нашей страны, анализ чего, кажется, не входит в наши задачи сегодня.

Поэтому распад всякой империи, чем бы он ни вызывался — всегда вселенская скорбь, всегда стон не только людей, а множества народов. Высвободившиеся из-под имперской опеки — не обязательно владычества, скорее опеки — более многочисленные средние, не имевшие навыка руководства имперским организмом, первым делом ужесточают положение малых народов. Немедленно! Империи даже не обязательно для этого полностью разваливаться. Можно проверить это, отправившись в Угорскую Русь, в Закарпатье. Там прилично относятся к русским, весьма прилично к немцам, ничего дурного о них, австрийских властителях, не помнят. Но при слове "мадьяр"... я, пожалуй, воздержусь от цитирования русинских пословиц по их поводу. А все почему? При превращении Австрии в Австро-Венгрию территория досталась венграм. Венгры — не злодеи, конечно, а просто *средний народ, не имеющий имперских навыков*. И это тут же чудовищно ужесточило положение малых.

7. Имперская идея на Руси.

** Созвучие идей универсальности Церкви и универсальности государства*

** Русский имперский этнос выковала православная Церковь*

** От "своих поганых" к просто "своим"*

Если уж мы заговорили о распаде империй, имеет смысл вернуться к тому, что удерживает их от распада, иногда вопреки стратегическим, этническим факторам, против которых, казалось бы, не попрешь. Речь об имперской идее. О Риме уже говорилось. То, что Рим

нес благо общего спокойствия, гражданского благоденствия, **признают даже авторы Нового Завета**.

Рим сменяет Византия. У нее стержневая идея гораздо мощнее. Это христианская держава, для каждого ее подданного сохранение империи, ее оборона, защита ее интересов — христианский долг. Для него соотечественник — **любой другой подданный православного царства**, более того, каждый христианский мученик первых веков, кем бы он ни был, а они бывали очень замысловатого происхождения. Все они свои, все сородичи, такими их помнили.

Идея империи как христианского государства родилась задолго до того, как Рим признал христианство официальной религией (религией большинства, а не религией всех!). Почему так случилось? Думается, потому, что идеи универсальности церкви и универсальности империи, совершенно автономные по своему происхождению, оказались **созвучными**. Доказательства? Их очень много. Интересно, что когда после большого интервала на Западе была воссоздана империя (800 год, коронация Карла Великого), совершенно спокойно продолжали пользоваться наименованиями "западный император" и "восточный император". Хотя, конечно, налицо были разные государства, и не самые дружественные — империя Каролингов и Византия. Но в сознании народов империя **оставалась единой**. По сути дела, несмотря на разделение церквей, эта традиция сохранялась вплоть до гибели Константинополя.

Надо сказать, что славянорусы домонгольского периода были совершенно **не имперским народом**, в общем, даже не этатистским, без особенного государственного инстинкта. Они формировались в последние века до нашей эры в обстановке спокойной, на обширном, малонаселенном ландшафте. Они были достаточно похожи на кельтов, своих отдаленных предков, своим вольнолюбием и установкой на федерализм.

Единая Киевская Русь существует только в школьных учебниках. Русь всегда была федерацией земель-княжеств. Среди князей выделялся для общего удобства первый среди равных, Великий князь Киевский, потом — Владимирский, но до централизованной державы было далеко. Все были за единство, однако — против единой державы. Усилия обьединителей Андрея Боголюбского и Всеволода III, при всем их таланте и могуществе, были тщетны. Их не понимали. Русь и так была велика и обильна.

А русские, этнос XIII века, складывался в обстановке чудовищного давления как с Запада, так и с Востока, отторжения литовским, частично польским государствами западнорусских земель и Ордынского владычества. Идея Владимирской державы, идея Андрея и

Всеволода, сразу стала не просто популярной, она стала всеобщей, стала этнокультурным стереотипом. В усобицах XII века дрались **за добычу**, престиж, искали "себе чести, а князю славу", дрались за сферы влияния и рынки. А усобицы XIV века — это борьба трех сторон **за создание Владимирской державы**: Суздаля, Твери и Москвы. И борьба двух сторон **за создание империи**: Владимира и Вильны.

Русские XIV века уже обладают государственным инстинктом, что пока говорит лишь об определенной способности народа, потенциальной пригодности к воспитанию из него народа имперского. Импульс к созданию Российской империи, как представляется, был **привнесен извне** — не из Орды, не из Византии как государства, а из кругов вселенской православной Церкви. Церковь стремилась создать христианское царство как свою опору и приобрела его в Риме при Константине Великом. Церковь сохранила свое достояние в виде Византийской империи. В XIV веке любой русский, который побывал в Константинополе или хорошо был осведомлен о тамошних делах, прекрасно представлял себе, что империя идет к закату и скорее всего не выживет. А уж грек-то в этом точно не сомневался.

Обратим внимание на характерную деталь. С момента Ордынского вторжения на русской митрополичьей кафедре сменялись очень разные люди. Галичанин Кирилл, грек Максим, галичанин Петр, москвич Алексий, болгарин Киприан, грек Фотий... Они разноэтничны и разнокультурны. **А действуют как одно лицо**. Даже политические симпатии у них не схожи. Не менялось одно: установка на созидание Российской державы. Церковь готовила в XIII веке союзницу слабеющей Византии, а к концу XIV — ее преемницу. У князей такой четкости не было.

Таким образом, созидателей государства из русских выковали враги, но как этнос имперский — идея православного царства, миссия защитника христиан.

Поэтому религиозно и, что гораздо более существенно, культурно, я полагаю, Россия как империя была **запрограммирована.**

Далее. Что программировало русский имперский этнос на, так сказать, обиходном, бытовом уровне? Тут многое разработано евразийцами, которыми столь увлекаются в последнее время. Я укажу важный аспект, который они проморгали, не придали ему большого значения. Русь ухитрялась быть единственным государством в мировой истории, включившим в орбиту своего культурного влияния **кочевников и полукочевников**. Вот этого не достигли ни римляне, ни византийцы, ни даже персы, потерпевшие неудачу в Туране.

Русские сумели. Торки и берендеи, затем половцы в XI веке именовались "свои поганые", в смысле "свои язычники", без всякого

уничижения. В XII веке они остаются *своими*, но перестают постепенно быть *погаными*; среди половцев и особенно тюрков все больше появляется христиан. Политически подчинившись Орде, Русь незамедлительно организует в Орде миссионерскую деятельность. Подразумеваю основание Сарайской епархии в 1261 году. Тогда миссия не увенчалась успехом по причине явной слабости народа. Было просто рано.

8. Российская империя

* Она существует с XV века
* "Царь" значит "император"
* Западничество ведет к нарушению долга
* СССР — неудачная пародия

Россия приобретает черты империи, сохраняя автономию инородческих правителей, еще не став единой и независимой державой. В XVI-XVII веках эта практика сохраняется: мы видим в составе империи Казанское, Астраханское, Сибирское царства. Кстати, Казань около века никто не собирался завоевывать. Россию вполне устраивала независимая Казань при дружественной династии, так сказать, "друг и союзник русского народа". Только укрепление на казанском престоле крымской династии, явного врага и турецкого агента, вынудило к жестким мерам. Впрочем, большинство территорий вошло в состав Российской империи добровольно. Некоторые по двести лет домогались права стать подданными России, как это было с мелкими властителями разных грузинских царств и княжеств.

А вот идею имперскую, идею православного царства Россия приняла из рук погибшей Константинопольской империи в царствование великого создателя нашей державы Иоанна III. Интересно, мы — единственная страна, где нет памятника ее основателю? И, конечно, дело было не в браке с Софией Палеолог (империю в приданое получить даже русским не удалось бы). Мы приняли тяжелое наследство: оберегать Церковь, стать основным центром восточнохристианской культуры, помогать православным народам, особенно, порабощенным. А к середине XVI века за пределами России все православные были порабощены либо западными христианами, либо мусульманами.

Россия получила Двуглавого Орла — символ симфонии Церкви и Царства, сам же Иоанн принял титул "царь". Во многих книгах можно прочесть об основании Российской империи в 1721 году. Это совершенно неверно. Обратите внимание, как сопротивлялся Запад титулованию русского государя "царем" в XV-XVI веках (особенно Вена — столица

Западной империи). Все обьъясняется просто: "царь" и значит "император". А в 1721 году Петр I заменил православный русский титул на западный того же достоинства. Потому-то нового сопротивления и не было.

Так что история петербургской империи — простое продолжение истории России как империи. К сожалению, в некоторых чертах Россия XVIII-XIX веков отступает от норм безупречной имперской политики. Петр I создал самое бюрократическое государство своего времени. Всю остальную свою историю Россия боролась с бюрократизацией, смягчая петровскую систему, но многое осталось. Бюрократия по сути своей стремится к унитарности. Но унитарное государство, как мы видели, не есть империя.

Россия петербургская безусловно пренебрегала первенствующим положением стержневого имперского этноса. В основном, великороссы несли военную службу. И, в основном, великороссы были крепостными. Римляне тоже предпочитали римские легионы вспомогательным союзническим. Но если один этнос проливает больше крови, то остальные, естественно, должны больше пахать — в прямом и переносном смысле.

Еще больше было утрачено в культурной ориентации в силу тенденций "западничества". Антицерковные петровские реформы разрушили симфонию, екатерининская секуляризация закрепила эту тенденцию. Церковь так и не удалось превратить в один из департаментов бюрократического государства, что довольно легко удавалось в протестанских странах, но империя почти лишилась сурового стража совести, а заодно и могущественного союзника.

Примеры поразительно антиимперской (и антинациональной, кстати!) политики оставил нам Александр I. Стремясь быть благодетелем Европы, он уклоняется от православной политики на Балканах, ослабляет помощь грекам. Стремясь облагодетельствовать поляков, дарит им единую Польшу, которую тогда допустили бы существовать только под русским скипетром. И за это оставляет в руках Австрии исконно русские земли Галиции вместе с возможностью спасти от естественной смерти унию и вырастить к концу XIX века украинский сепаратизм под австрийским желто-голубым стягом.

Однако несмотря на указанные деструктивные тенденции, Россия в петербургский период как никогда успешно исполняет свой имперский долг. В так называемых "разделах Польши" она освобождает предков нынешних украинцев и белоруссов; в войнах русско-турецких и кавказских — греков, сербов, болгар, молдаван, грузин, абхазов, осетин, армян... И имперская элита в России выращивается столь безупречно, что

революционерам пришлось устроить обильное кровопускание почитай всем народам империи.

А СССР? Была ли советская империя? Или сталинская "Империя зла"? Решительно полагаю: все эти термины существуют лишь для дискредитации идеи империи. Прежде всего советское правительство сразу и демонстративно переориентирует внешнюю политику, сознательно разрушая имперское наследие. Мы курировали Балканы? Вон с Балкан! И еще Кемаль-паше денег побольше, чтобы воевал с греками и армянами, которых Россия всегда поддерживала! (Причем деньги ему передаются как раз во время голода в Поволжье и ограбления храмов!)

Стержневой этнос? После 1917 года великороссы всегда были если не истребляемым, то угнетаемым народом. Доказательства тому в изобилии приводит демокрафия. Имперская культура уничтожалась, начиная с Февраля и по наши дни. Внутренняя политика даже самого жестокого из советских — сталинского режима была принципиально антиимперской: "средним" этносам не мешали втихую дискриминировать, а то и ассимилировать "малые". Так, латгальцы оказались латышами, гуцулы и русины — украинцами, памирцы — таджиками. Общее число этносов за советский время сократилось вдвое (на бумаге, конечно).

И самое главное: советская национальная политика включала попытку химеризации, создания ложноэтнической общности "советский народ".

9.Была ли “коммунистическая империя”?

* “Готтентотская” логика
* Антирусская политика Советской России и СССР
* Денонсация беловежских соглашений

Просветитель славянский Кирилл однажды сказал, полемизируя с мусульманами: “Мы за мир, но будем драться с вами стальным мечем, потому что иначе вы наших братьев принудите отказаться от истинной веры”. Это и совершенное оправдание христолюбивого воинства и праведной войны.

Существует политика Поместной Церкви в интересах христиан данной местности. И существует политика Вселенской Церкви в интересах всех ныне живущих христиан, а также и тех христиан, которые будут жить. Церковь надпартийна, внепартийна (она целая, а партия — часть), но политична.

Исходя из приведенных соображений проверка СССР на “имперскость” должна следовать логике, которую один из основоположников “единственно верного” учения назвал “готтентотской”. Она состоит в следующем. Если где-либо жили православные христиане и жить перестали — это однозначно зло и меня не интересует здесь ни “мировой заговор”, ни что-либо подобное. Если же стали жить православные христиане там, где не жили — это добро. Это и есть вариант “готтентотской логики”.

Теперь посмотрим на безбожную революцию 1917 года. Февральская и октябрьская революции — проявления одного и того же процесса. Но именно большевистский режим, выведя Россию из победоносной войны, не только лишил ее заслуженных плодов победы, но лишил Россию возможности избавить от чрезмерного унижения Германию, чем готовился будущий гитлеризм.

В 1916 году были подписаны секретные параграфы послевоенного расчленения Османской империи. Предательский удар большевиков в спину русской армии спас для турок будущее запланированное греческое Трапезундское государство вдоль южного берега Черного моря, отдал им Великую Армению до озера Ван и предотвратил утрату европейской части Турции, которую она, как азиатская страна, и должна была утратить. Кипр, к сожалению, доставался подмандатно Англии. Но мандат в Сирии мы должны были осуществлять вместе с французами, и хотя Палестина становилась подмандатной Великобритании, Россия должна была стать одним из трех протекторов Иерусалима.

Чем кончился вывод России из войны большевиками? Ливан (такого исторического государства не было!) был искусственно “вырезан” Францией из Сирии по местам преимущественного обитания католиков в ущерб православным сирийцам. В Палестине было организовано так называемое государство Израиль (для любого христианина Церковь — новый Израиль, и ни одно христианское государство не могло признать такого названия!). Россия не осуществила протекторат над Иерусалимом и в последствие Израиль оккупировал арабскую палестинскую территорию.

Последствия причудливого разделения Палестины на еврейское и арабское государства привело примерно к такой ситуации, которую мы видим сейчас в Боснии — сербы воюют с мусульманами! Ведь евреи — это религиозная общность, а арабы — этнос, точно так же как мусульмане — религиозная общность, а сербы — этнос.

В 1921-1922 Кемаль-паша, начинающий Ататюрк воюет с нашими многовековыми союзниками греками и дашнакским армянским правительством. Вечная защитница армян и греков, Россия силами

большевиков наносит прямой военный удар в спину дашнакскому правительству и финансовый удар в спину грекам, предоставляя колоссальный золотой заем Кемалю. Результат — греки теряют сектор Смирны, а Турция приобретает тот самый — уже опасный — геополитический характер, который она имеет сейчас.

Большевистский режим всегда был западническим, а потому и антиимперским.

Как ведет себя Советская Россия, а потом Советский Союз по отношению к этносам? Если Российская Империя никогда не стремилась владеть Туркестаном, лишь осуществляя там свое влияние, то территориальный захват Туркестана — это чисто советское деяние. Это не Россия, здесь территории ее вассалов — эмиратов.

Зато какая трогательная нежность была проявлена к Прибалтике, где живут захолустные ошметки западного "цивилизованного мира"! Там в государства превращаются немецкие оккупационные зоны 1918 года. Более того, ни один латышский националист не осмеливался помыслить о том, что Латвии достанется Латгалия, но ее им щедрой рукой подарил первый лидер большевистского режима. Теперь Латгалии будто бы и нет.

Как проходила нарезка республик и автономий нам известно. Она проводилась не только антирусским способом, что мы видим на Украина, Казахстане (области четырех казачьих войск), в Прибалтике, но и постоянно антиправославно. В силу этой причудливой нарезки у нас еще в 80-е годы появились "мусульманские народы" и даже "мусульманские республики" в составе СССР и России, но до сих пор не появилось ни православных регионов, ни исторически признанных православных народов. Соответствующая фразеология была внедрена в язык политиков и журналистов, демонстрирующих последовательное антиправославие.

Сталина время от времени подозревают в восстановлении имперской внешней политики. Легко продемонстрировать ложность этих подозрений.

Например, Сталин дарит Чехословакии Прешовскую область, не позаботившись о том, чтобы русинам этой области была дарована та самая автономия, которая была им обещана еще в 1918 году. Сталин дарит Холмщину и Белостокское воеводство полякам. теперь это целиком ополяченные территории, больше там нет русских православных людей. Сталин, кроме того, дарит Литве не только Виленский округ, но и два района Белоруссии.

"Великий советский патриот" Сталин ухитрился создать сверх угрозу на Дальнем Востоке, небрежно подарив режиму Мао Маньчжурию, Внутреннюю Монголию и Тибет. Мог бы народно-демократические Маньчжурскую и Монгольскую. республики создать, но

предпочел другой путь — выстроить у себя под боком опасную России китайскую “социалистическую” империю.

У Сталина была возможность улучшать отношения с греками и опереться на прорусские настроения в Сербии. Но это его не интересовало. Его интересовал коммунистический лагерь. В результате антиправославный режим и последствия деятельности режима Тито мы имеем сейчас. В том числе и искусственность нарезки территории.

Антиправославной оказалась политика Венгерского коммунистического правительства, что все давно забыли? Казалось бы, там православных мало, это католическая земля, а вот посмотрите. По соглашению церковных кругов Венгрии с венгерским режимом Кадора в государстве было оставлено десять религиозных школ, остальные сделаны атеистическими. Из этих школ восемь были римско-католическими, одна реформатская, одна иудейская гимназии. А ведь православные в Венгрии есть! Чем же реформаты и иудеи оказались выше православны? Если бы в этой ситуации последовал бы хотя бы тихий голос из Кремля, такая школа была бы.

Вторая мировая война была использована Сталиным, но лишь по счастливому стечению обстоятельств, возбуждавших чувство этнического самосохранения. Если бы нам противостоял не нацистский режим, а любой другой — монархический, республиканский, даже фашистский — мы проиграли бы войну за несколько месяцев.

Как можно оценить весь этот конгломерат политических решений? Как последовательно антирусский! А русские — стержневой православный этнос, опора империи и опора Церкви.

Последний акт коммунистической группы в Думе — акт о денонсации Беловежских соглашений — очередной раз навредил и православным, и русским. Дело в том, что беловежское упразднение СССР де-юре восстанавливало ситуацию до 1922 года и законными становились границы Российской Империи. Де-факто мы их получить не могли, но могли бы на этом стоять де-юре. Коммунисты, даже бессильные, лишившиеся власти очередной раз предали православных и русских людей.

10. Россия будущего: варианты выбора.

** Изоляционизм как симптом культурного упадка*

** Русский этнос в фазе надлома*

** Важнее не сколько земель, а какие земли*

Что бывает, когда имперский этнос начинает вести себя не "по-имперски"? По-видимому, это проявляется двояко: в отказе защитить

старого союзника, старую провинцию, — и в отказе от самой идеи империи, в стремлении к изоляционизму.

В австрийском варианте, например, это в конце-концов привело к изоляционизму, желанию замкнуться в южногерманском, австрийском анклаве. В сегодняшней России такая тенденция есть, она достаточно широко распубликована. Корни явления, конечно, не в сфере этнологии. Это чистейшей воды **культурный упадок**, который, в отличие от этнического, может преодолеваться. Смею полагать, что если русские начинают легко переносить потерю бывших многовековых территорий Российской империи, то вскоре они перестанут по-имперски вести себя и с теми инородцами, которые остались на территории России. Это **взаимосвязанные явления.** Изоляционизм — опасная штука, изоляционисты гораздо менее справедливы и уж точно менее терпимы к малым сим, нежели империалисты. Если учесть, что русским уже объяснили понятие мигрант, будет неудивительно, если в самое ближайшее время о мигрантах заговорят русские.

Я принимаю, хотя и с известными оговорками, этнологическую теорию Л. Гумилева. Как ее осторожно ни применяй — у русских тяжелая фаза, **фаза надлома**. За выход из надлома немцы заплатили едва ли не тремя четвертями жизней, Тридцатилетней войной. Но оставшейся одной четверти немцев вполне хватило не только на битву с численно превосходящим противником в двух мировых войнах, но и на создание немецкой классической философии, немецкого романтизма, потрясающей немецкой музыки, много еще чего и, наконец, нынешней вполне благоденствующей Германии. Сегодня по многим аспектам это мощнейшая держава в Европе.

Так что в нашей шкуре побывали и другие народы. И доказали, что из надлома все-таки выходят.

Неизбежен ли для нас 1453 год? Абсолютно неизбежен, в мире все заканчивается. Завершается история народов, следовательно и государств, и империй. Правда, с одной маленькой оговоркой: бывают этнические подъемы и тогда имперская эстафетная палочка передается по наследству. Это прослеживается, скажем, на примере Ирана. Мы не знаем, кто явится нашим наследником через несколько столетий; восстановится ли Россия как имперский организм или распадется. А может быть, она передаст эстафетную палочку. Я не пророк.

Но позволю себе историческую аналогию. Когда в середине XIII века **Александр Невский** спасал Русь, Русь совсем не хотела, чтобы ее кто-нибудь спасал. Александр Ярославович скончался на 43-ем году жизни, хотя был крепким, здоровым, красивым мужем. Он надорвался, не вынес этой тяжести. Но исторически-то оправдан оказался Александр Невский! Он не знал этнологической теории Гумилева,

руководствовался чувством долга, интуицией, не более того, как многие политики. И остался самым популярным правителем в исторической памяти нашего народа.

Во всяком положении нужно просто достойно себя вести. Что же касается ориентации на будущее, то, как я думаю, возможны **три варианта выбора**.

Можно стать на путь **изоляции** и породить, скорее всего, пренеприятнейшее государство, отпихивающее всех. Тогда большой культуры у нас впереди нет. Державин, Карамзин, Пушкин, Достоевский (ставлю многоточие), наконец, Бунин и Шмелев принадлежат имперской культуре. Если взять другие области, результат получится тот же самый. Мы порвем с собственной традицией. Это возможный путь — он, кстати, спокойный.

Возможно **возвращение к имперскому самосознанию**. Это вовсе не означает, что народ в обязательном порядке должен застолбить границы бывшего Советского Союза или Российской империи на 1913 год вместе с царством Польским и великим княжеством Финляндским. Это — готовность решительно сказать, что империя существует, мы ее сохраняем и готовы принять всех, кто желает остаться. Но исходить мы будем из приоритета существования империи, а не существования республиканских границ в Советском Союзе. Если есть желающие жить в составе исторической России, то они получат необходимую поддержку, любую. Но та территория будет частью империи.

Есть третий путь, не исключающий второго. Я бы его назвал **культурологическим**. Он наиболее продуктивен и возможен только в варианте подлинного культурного подъема. Прецедентов было полно в мировой истории, в том числе и в нашей. Я имею в виду ориентацию на верность органичной для нас культуре — **восточнохристианской**. Тогда нас интересуют, безусловно, все восточнохристианские дела, а это обременительно. Хочу подчеркнуть, что имею в виду не конфессиональную верность. Если вероисповедание — это личное дело каждого отдельного человека, проблема его отношения к Творцу, то вопрос о принадлежности к культуре — дело не человека, это дело народа. Будет культурный подъем — мы можем воссоздаваться в таком ключе.

Тем русским, которые ориентируются на такой вариант выбора, важно не сколько у них будет земель, а главное, **какие** это будут земли. Элементарная геополитика подсказывает, что Россия как классическая двубереговая держава не может держаться за Балтийское и Черное моря мизинцами, а должна все-таки держаться руками.

Что подсказывает культурология вопроса?

Россия — страна восточнохристианского происхождения, восточноевропейская. Вследствие этого она не может подчиняться тем внутренним и внешним процессам, которые подталкивают ее сползание в глубь Азии. Что такое Россия без территорий по Днестру, без Закавказья, без Прибалтики, но со Средней Азией? Я никого не хочу обидеть, и пренебрежение к среднеазиатам мне чуждо, как и агрессивные амбиции в отношении тех, кто уже давно созрел для отделения. Я утверждаю только: Россия всегда экономически, политически, стратегически **тяготела к Балканам и Ближнему Востоку**. Россия — страна восточноевропейской культуры и должна тяготеть к Восточной Европе. Это ее нормальное состояние.

Отовсюду слышится вопрос: а что если Россия опять вернется к имперским амбициям? Я бы ответил так: если она вернется к имперскому сознанию, то честь ей и хвала, а если только к амбициям — тогда плохо. Амбиции — это сугубо территориальные претензии политиков. Гораздо более мощными мне кажутся заявления о том, что та или иная территория — наша земля, и отделяться они могут, оговаривая с нами границы, нормы внутреннего и внешнего поведения. Это было бы спокойной имперской политикой, кстати, уважительной по отношению к соседним этносам.

Многие считают, подобно льюисовскому Мерлину, что империя необходима. Я встречал печальные суждения не только глубоко религиозных православных, но и католиков, и мусульман, что если Россия не восстановится, человечество выйдет на финишную прямую своей Истории. Это убеждение, конечно, лежит вне строго научного анализа, как и еще одно соображение. Византийцы сохраняли империю столько, сколько оставалось сил у имперского этноса "ромеев". Может быть, у них будут свои неприятности на Страшном Суде, но свой национальный долг они выполнили, что могут смело свидетельствовать перед Творцом.

А вот русским рано еще уходить с исторической арены. И передать эстафетную палочку — имперский скипетр — некому.

Андрей Кольев

ИМПЕРИЯ — СУДЬБА РОССИИ

(Личность, общество и государство в имперской нации)

Для современного "россиянина" нет страшнее слов, чем "национализм" и "империализм". Страх этот имеет нематериальные причины. Обыватель-"россиянец" никогда не подвергался в России гонениям от нации или Империи. Но ему очень часто, десятилетиями говорили, что национализм и империализм — это нехорошо.

В (1) М.В.Ильин справедливо отмечает, что сложные понятия Империя, империализм были превращены доморощенными "политологами" в бранные слова. Начало этого превращения было положено русскими либералами конца XIX века, продолжение мутации связано с ленинским определением империализма, как высшей стадии капитализма, а окончательное перевоплощение — с абсурдным либерализмом современной России.

"Демократизация" России оправдала многие термины и понятия, а заодно и явления — в том числе воровство. Но подобно коммунистическому режиму, еще имевшему отдаленные воспоминания о Российской Империи и русском народе, "демократическая" власть и ее пропаганда уже без всяких воспоминаний о прошлом страны, без всякой связи с реальностью, продолжили "дело Ленина". Если у выдуманного Марксом пролетария не должно было быть Отечества (у реального оно обычно имелось), то у выдуманной "демократами" Российской Федерации не должно быть нации, а у населения, лишившегося в результате "демократизации" национального чутья, — представлений о собственном государстве, исторически сложившемся и существовавшем как Империя.

Чтобы понять смысл Империи приходится возвращаться на пути русской философии, заросшие бурьяном марксистско-ленинского и

Андрей Кольев, политолог и публицист, автор многих статей по проблемам государственного строительства и книг “Мятеж номенклатуры” и “Идеология абсурда” (А.Кольев, М., “Интеллект”, 1995).

"демократического" словоблудия, и к тем проблемам, которые сформулировал несколько десятилетий назад Н.Бердяев. Он писал: *"...русский империализм, как всемирно-исторический факт, не был еще достаточно осознан и не был сопоставлен с так называемой националистической политикой. В широких кругах русской интеллигенции этими проблемами мало интересовались и даже считали их несколько "реакционными"* (2, с.107).

Что касается реакционности, то "демократическая" публика считает национализм и империализм крайне реакционными качествами. Сепаратисты всех мастей, мечтающие о дальнейшем расчленении России, принимают национальное только в рамках своих уделов и противопоставляют национальное имперскому. Если же опираться на позицию Н.Бердяева, то национализм — есть начало обособления и индивидуализации, а империализм — начало универсализации, стремление к участию в общемировых процессах. Оба начала не противостоят, но сосуществуют, дополняют друг друга в имперской нации, в националом ядре Империи. Русский империализм неагрессивен, русский национализм носит всечеловеческий народный характер. В этом смысле нашу концепцию можно было бы назвать "национал-империализмом" (по аналогии с концепцией национал-прогрессизма П.Хомякова (3)).

Рассматривая качества личности, общества и государства в имперской нации, взаимосвязь их в Империи, приходится проходить поперек силовых линий официальной российской науки (так быстро перенявшей "демократический" стиль и "демократические" взгляды) и доминирующей политической стратегии, остающейся по ключевым параметрам либеральной и антинациональной. Вместе с тем, оппозиция прорежимным воззрениям находится в прямом соответствии с русской социальной философией, составляющей огромное невостребованное наследие.

Антинациональная и антиимперская идеология

Интенсивные поиски моделей общественного развития соответствуют переломным, кризисным эпохам. Потому современная Россия переполнена экономическими и политическими концепциями, которые причудливо переплетены между собой и практически недоступны для понимания, а тем более — для применения в практике государственного строительства. *"Склад русских интеллигентских мыслей"* (4) постоянно востребован и продолжает пополняться с невиданной быстротой. Новые социальные изобретения обычно имеют на

этом "складе" массу аналогов и прототипов, но оторваны от народного инстинкта и исторической почвы. Потому все попытки их применения на практике проваливаются с неизбежностью прямо у нас на глазах.

А.Боханов, доктор исторических наук, специалист по социально-экономической и политической истории дореволюционной России точно подмечает (5), что думские споры начала века в Таврическом дворце, имевшие явно антиимперский характер, были значимы лишь для 5% населения. Милюковы, Гучковы и их соратники представляли скорее закрытый клуб, чем общественную силу, способную реконструировать страну. Они представляли тот слой общества, который, по выражению профессора И.Озерова, считал достойным занятием для мыслящего интеллигента "играть в карты, попивать при этом и ругать правительство". Основная масса населения России жила в системе традиционных представлений. Именно поэтому рожденная русским либерализмом русская революция оказалась насильственным совращением народа с пути традиционализма, эволюции, органических реформ.

Интеллигентский либерализм с его антиимперской сущностью был с самого начала слепым копированием европейского либерализма, в какой-то степени уравновешивающего уродливые формы европейского абсолютизма. Но европейский абсолютизм существенным образом отличался от российского самодержавия. Российский монарх олицетворял, прежде всего, православную традицию святости верховной власти и защиты подлинной веры. А.Боханов пишет о том, что *"...есть логика имперского бытия, логика особая, в которой много иррационального, внепрагматического. Сама идеология имперства очень мифологична. Русское же сознание вообще крайне восприимчиво к мифу. Поэтому-то и империя со всеми ее атрибутами — грандиозность пространства, величие государственности, святость верховной власти — нашла глубокую опору в самом надежном месте — в умах и душах русских людей. И поселилась в них всерьез и надолго."* (5, с.21). Русский либерализм, не имея возможности выбить из русской души чувство имперской государственности, коверкая самого себя и все дальше уходя от своего зарубежного аналога, всячески отравлял это чувство и добился таки глубокого кризиса всей русской истории.

В традициях российской "народнической" полуинтеллигенции объявлять Империю социальной системой, противостоящей свободе человеческой личности и мирному сожительству народов. С прошлого века полуинтеллигенция, насытившаяся пересказами Вольтера и Руссо, продолжает инициировать раскол и социальные потрясения в российском обществе. Ее антибюрократический, антитоталитарный пафос становится антигосударственным, антироссийским, антирусским.

Как и в начале века, сегодня исходно омертвелые социальные истины чаще всего аранжируются "антиимперский" риторикой. "Империя зла" для современных либералов — это безусловно тот режим, с которым необходимо бороться, который надо ниспровергнуть, несмотря ни на что. Неотъемлемый элемент аранжировки — "общечеловечность", которой якобы лишена Империя, отстаивающая лишь национальный эгоизм и заводящая непросвещенное население в исторический тупик.

Вот несколько тезисов из статьи современных либералов, заранее признающиеся в своей кровной “нерусскости” (6):

"Секрет имперского патриотизма в том, что он — всего лишь идеологический инструмент, используемый для того, чтобы человеку внушить любовь к государству, стоящему над человеком и всецело его себе подчиняющему..."

"Частный, семейный, а не "государственный" человек — это есть наш главный шанс." "Семья важнее государства, патриотизма, великой России". "Какой человеку прок от державного величия, если ему ради него надо еще туже затягивать ременьи если ему не объясняют (а объяснить это невозможно), что оно дает ему лично?

"Русский народ, как и другие, успел разочароваться в имперской власти". "С достоинством, присущим только великим народам, русский народ предоставил право другим жить так, как они хотят и могут” (это пишется о насильственном о расчленении страны).

"Империи создаются и воосоздаются только так — ценой пролитой крови"."Территория даже населенная братьями по крови не стоит пролитой крови — таково сегодня преобладающее в обществе настроение."

"Восстановление СССР плюс "русская идея" — это идеология экспансии в ближнее зарубежье под национальными знаменами, заявка на новую версию русификации, осуществить котрубю оказалось не по силам прежним "интернационалистским" поколениям коммунистов." "Коммунизм и фашизм в России могут быть окрашены только в имперский цвет"

В целом все это можно оценить только как гнусный поклеп на русский народ и злонамеренное невежество по части истории русской государственности.

Современная Россия была потрясена "революцией мэнээсов", перенесших свои технократические методики (пригодные лишь для масштабов производственного участка с примитивной технологией) на почву государственного управления и политических идеологий. Это называется "реализмом", применением опыта "цивилизованного мира".

Замечательный русский философ-консерватор К.Н.Леонтьев писал о другом ("немэнээсовском") реализме: *"Верно понятый, не*

обманывающий себя надеждами реализм должен, рано или поздно, отказаться от мечты о благоденствии земном и от искания идеала нравственной правды в недрах самого человечества." (7). Другой русский философ-богослов С.Булгаков давал такую оценку попыткам узко-рассудочного управления обществом: *"Позитивная наука не в силах раскрыть будущих судеб человечества, она оставляет нас относительно их в абсолютной неизвестности*" (8, с.282). Мэнээсы-технократы до такого понимания подняться не в силах — просто не умеют, не знают такой практики. Их мысль зажата в узких тисках "естественных" прав и свобод человека, открываемых преимущественно личным весьма убогим опытом.

Если говорить о социальных теориях "демократов"-технократов, то они предлагают современному обществу ту или иную систему процветания и изобилия, не выходя за рамки чисто потребительской парадигмы, не решая ключевых вопросов бытия. Даже если подобная схема временно укоренится в государственных и общественных институтах, рано или поздно встает вопрос: "А зачем?" и на поверхность выходит проблема смысла, от которой некуда деться. Благоденствие? А ради чего и что есть действительное благоденствие? Можем ли мы принять его и чем придется поступиться, какие жертвы на алтарь своего благополучия мы положим?

С.Булгаков пишет: *"Для человека, как разумного существа, бесконечно важнее любой специальной научной теории представляется решение вопросов о том, что же представляет собой наш мир в целом, какова его субстанция, имеет ли он какой-либо смысл и разумную цель, имеет ли какую-либо цену наша жизнь и наши деяния, какова природа добра и зла и т.д. и т.д. Словом, человек спрашивает и не может не спрашивать не только как, но что, почему и зачем."* (8, с.261). Именно отречение от поисков смысла привела Россию к ельцинизму.

Показательны в этом отношении результаты опроса, проведенного среди новоизбранных депутатов России в 1990 году (9). Депутаты с готовностью оценивали утверждения типа: "Человек, одобряющий захват чужих территорий, все же лучше того, кто заявляет, что он не любит свою Родину." (тезис поддержало 8%) или "Лучше уж не любить свою Родину, чем поддерживать захватническую войну" (тезис поддержало 44% депутатов). Хотя по поводу последнего утверждения было много негативных комментариев на полях анкеты, депутаты все-таки не бросали эти анкеты в корзину для испорченной бумаги и не стремились взять за шиворот наглых "исследователей". Зато последние были прямодушны и непосредственны, с удовлетворением сделав вывод о крайне слабой выраженности в политическом сознании народных избранников имперской идеологии.

Ответы по другому поводу показывают еще больший "антиимпериализм" опрошенных депутатов. Мнение о том, что "любые преобразования в стране следует проводить в той мере, в какой они не ослабляют нашего положения в качестве великой сверхдержавы" разделили только 16% депутатов, зато тезис "если роль сверхдержавы будет мешать развитию в нашей стране демократии, то нам следует отказаться от этой роли" поддержали уже 48%. В целом доля депутатов, допустивших предпочтение патриотизма — справедливости и великодержавности — демократии, составила лишь 4%.

Все последующие события — крах экономики, крах государственности, разложение социума — вполне логичные последствия столь явно выраженной антиимперской позиции. Россия вдоволь вкусила "демократического реализма"...

Человекобожие либерализма и понимание личности

Самое страшное заблуждение, которого не может избежать практически ни одна система, помещающая человека в центр мироздания — это человекобожие. Все антиимперские теории несут на себе этот порок.

Если строить национально-государственную идеологию или представление об общественном идеале, отталкиваясь от личности человека, то все равно приходится рассматривать проблемы отношения личности и общества, личности и рода, личности и биосферы (ноосферы). Если отталкиваться от понимания личности, как совокупности всех ее социальных отношений, то сами эти отношения становятся предметом для дальнейшего разворачивания представлений об общественном идеале. Можно строить общественный идеал, опираясь на понимание самого общества, рассматривая его существование в форме сложного переплетения личностных и групповых качеств и действий.

Все перечисленные подходы будут вполне (или до определенной степени) равноценны, но только в том случае, если они не игнорируют в построении общественного идеала существенного — смысла употребляемых понятий и их взаимосвязи.

Спекулятивные подходы (недоразвитые политические программы) обнаруживают себя тем, что отсекают, отбрасывают, выводят за пределы своего рассмотрения те или иные социальные факторы. Так, например, российская либеральная идеология (как в коммунистической, так и в "демократической" модификации) грешит тем, что личность ставится во главу иерархии ценностей сама по себе, лишенная каких бы то ни было признаков, формирующих ее.

Человечества как бы нет вокруг этой личности, она сама начинает это человечество формировать вокруг себя сообразно своим интересам и потребностям. Так образуется и реализуется программа человекобожия.

Согласно этой программе, обожествленный человек, не преодолевая, отбрасывает свою телесную оболочку, перестает ее замечать. Он лишается любви к родине, любви к отцу и матери, к ближним своим, лишается чувствительности к боли, способности к переживанию, и упивается своей богоподобной ролью.

Строить общественный идеал на стол зыбкой почве невозможно. Поэтому либералы изолируют свое социальные построения от личности и строят их либо вообще без всяческого фундамента, либо обособленно от представлений о личности (при этом иногда угадывая истину).

Хотя в русской философии теория личности не была достаточно разработана (см. обзор в (8)), но русские философы всегда опирались на некие невысказанные принципы, ставящие препятствие самобожию. Когда С.Булгаков говорил о ценности личности, он прекрасно понимал, что же он берет исходным моментом всего своего построения об общественном идеале. Он писал: *"Человек не может утверждать себя только в себе и на себе,... он выносит центр своего существования за пределы своего я, духовно выходит из себя, рассматривает себя лишь в связи с целым, как его часть, отдает свое я, чтобы восстановить его единение с целым, делает себя в этом смысле формой, воспринимающей абсолютное содержание."* (8, с.35-36). По сути дела мы видим здесь принцип самотрансценденции, который в нашем рассмотрении является фундаментальным качеством "имперскости".

Современные либеральные концепции утверждают самобожие и скатываются в сатанизм, требуя явления сверхчеловека, личного кумира, вождя. В современной России эти кумиры и вожди в калейдоскопическом круговороте сменяют один другого. У нас это называется политикой и реформами, народовластием и демократией. Отсюда и готовность верить лживой пропаганде, вещающей о "светлом будущем" (ранее — коммунистическом, теперь — рыночном).

Соблазн самообожествления, преодоления трагизма истории делают фанатиков коммунизма и либерализма одинаково самонадеянными, одинаково заносчивыми и жестокими. Они верят в божественность своих кумиров, зрят в завтрашнем дне близкое царство свободы и справедливости, не замечая подлости дня сегодняшнего, не противостоя ей.

С.Булгаков пишет: *"Та единственная в своем роде, незаменимая, абсолютно неповторимая личность, которая только однажды на какой-нибудь момент промелькнула в истории, притязает на вечность, на абсолютность, на непреходящее значение, которое может обещать*

только религия, живой "Бог живых" религии, а не мертвый бог мертвых социологий." (8, с.64). Увязнув в этих социологиях, мы то и дело мним себя богами, выталкивая личность в центр мироздания, не понимая что это за личность, в чем смысл ее существования.

Постановка вопроса о смысле мгновенно осложняет антропоцентристские идеологии. Оказывается, что говоря о личности, антропоцентристы хотят разуметь в ней какую-то универсальную оболочку, подходящую каждому индивиду. И каждый индивид как бы допускается к тому, чтобы эту оболочку при необходимости и без всяких трудов примерить на себя. Абстракция аксиологической схемы подменяется конкретным самобожием, универсальным, доступным каждому.

С.Булгаков отмечал, что интеллигенция *"уверовала, вместе с Руссо и всем просветительством, что естественный человек добр по природе своей и что учение о первородном грехе и коренной порче человеческой природы есть суеверный миф, который не имеет ничего соответствующего в нравственном опыте. Поэтому вообще никакой особой заботы о культуре личности (о столь презренном "самоусовершенствовании") быть не может и не должно, а вся энергия должна быть целиком расходуема на борьбу за улучшение среды. Объявляя личность всецело ее продуктом, этой же самой личности и предлагают улучшать эту среду, подобно барону Мюнхгаузену, вытаскивавшему себя из болота за волосы."* (8, с.147). Получается, что в либеральном понимании общественного идеала центральное положение личности есть одновременно и самое неприкаянное ее состояние.

Вопрос о смысле опрокидывает безбожную схему. Оказывается, что личность можно понимать по-разному. Абстрактная личность в схеме либералов лишена всего своего естества, вопрос о ней самой отставлен в сторону, выведен за скобки. В построении С.Булгакова личность обрастает социальными связями, наполняется духом и, не теряя своей телесности, обретает образ Божий. Личность оказывается связанной с семьей, племенем, нацией, государством.

Более того, личность, как абстракция — не универсальна. Она не подходит для употребления всякому, она выявляет в индивиде нечто особенное, а это особенное не у всякого индивида сохраняется в качестве существенной черты. Поэтому С.Булгаков говорит о святых и героях, которых чтит народ: *"Они, те праведники, ради которых существует сырой материал этнографической массы, в них осуществляется миссия народа."* (11, с.444). Они — тот "святой остаток", который своей праведностью оправдывает существование народа.

В замечательной книге К.Касьяновой "О русском национальном характере" (12) есть такие слова: "Раз уж все равно человек — существо

частичное и вписан в контекст своего общества и своей культуры, единственный способ не быть "винтиком", "кирпичиком" и т.д. — это преодолеть свою "частичность" посредством распространения себя на это целое. Наиболее крупные личности, оставившие самый яркий след в истории, и самый сильный отпечаток на том обществе, в котором они жили, именно тем и отличались, что с гораздо большей, чем обычные люди, силой ощущали это общество "своим", как бы продолжением самих себя. Они в него "вживались" с огромной щедростью и, что называется, "без остатка". И оно — это целое — сохранило их: не память о них, но дело их."

В двух приведенных фрагментах мы видим явные признаки иерархии. Индивид может обладать личностными качествами в разной степени. Мы будем говорить об "имперской личности" именно в связи с этой иерархией, требующей не замыкания в своем случано организованном внутреннем мире, а выхода за его пределы, продвижении по ступеням иерархии к святости, пересоздании самого себя вместе с пересозданием социума, мыслимого неотрывно от личности.

Из сказанного выше следует, что основной для понимания личности (в данном случае — личности определенного уровня иерархии) и ее связи с обществом, нацией, государством может быть только религия. С.Булгаков писал: *"Религия есть активный выход за пределы собственного **я**, живое чувство связи этого конечного и ограниченного **я** с бесконечным и высшим, расширение нашего чувства в бесконечность в стремлении к недосягаемому совершенству. Только религия устанавливает связь между умом и сердцем человека, между его мнениями и его поступками."* (8, с.264). *"...религия ...имеет свой собственный способ непосредственно, интуитивно получать нужные для нее истины... Вера есть способ знания без доказательств..."* (8, с.265).

Для России нет иного выбора, кроме обращения к Православию. Иной выбор был бы предательством по отношению к нашим предкам, выносившим и сохранившим для нас Православие вместе с прозрением в нем и через него конечных истин, практику "проектирования" согласно этим истинам государственного (стержень Империи) и национального (стержень культуры) строительства.

Национальное и общечеловеческое

К идее Империи невозможно перейти минуя понятие нации. Негативное восприятие Империи всегда сопровождается негативным или искаженным восприятием нации.

Коммунистическая и "демократическая" идеологические схемы стремятся не включать понятие нации или коверкают его до неузнаваемости. В лучшем случае понятие нации признается как временное неизбежное зло, подлежащее историческому преодолению. Снова возразим такому мировоззрению словами С.Булгакова: *"Человек есть воплощенный дух и, как таковой, состоит из духа и души и тела, — одушевленной телесности. В нем есть личное и родовое начало, мужеское и женственное. Дух есть божественное начало в человеке, имеющее жизнь в себе и раскрывающееся в Боге. Человеческая личность есть личный дух по образу Христову и в этом, онтологическом, смысле она причастна Христу, Его вселенскому вселику. ...Члены тела Христова суть тем самым граждане мира, члены вселенского братства, не интернациональное, но сверхнациональное, духовное объединение."* (11, с.644).

Отталкиваясь от представлений о духовном единстве человечества, легко впасть в заблуждение, которым так часто напоказ грешат политики, скрывая свои честолюбивые замыслы. Показное человеколюбие — это так модно, этого ждут от любого государственного мужа! Но здесь-то как раз и намечается разделительная грань. *"Общечеловеческое может иметь двоякий характер — абстрактно-человеческого, безличностного и вненационального, или конкретно-человеческого, индивидуального и национального."* (8, с.204).

Надо понимать, что конкретность здесь — в рассуждениях С.Булгакова — не носит универсального характера. В противном случае признание существование наций и их неотъемлемости от человеческой природы исчезало бы их уравниванием, безразличием. Отсюда возникает особенность отношения личности к нации: *"Родовое начало, психея есть для человека непреложный факт его собственной природы, от которого онтологически не может, а аксиологически не должен освободиться, ибо это означало бы развоплотиться, перестать быть в своем собственном человеческом чине. Это люциферическое восстание против Творца..."* (11, с.645-646).

Подмена общечеловеческой духовности существует в виде интернационализма, космополитизма и звериного (нездорового) национализма. Абсолютизация родового начала, как и его игнорирование — порочны. Российские либералы, преодолевая извращение родового чувства (лишенный духовности интернационализм), негодуя на его абсолютизацию (шовинизм), впадают в собственную болезнь — болезнь игнорирования этого чувства. Отсюда и утрата чувства Родины, и пожелания поражения собственного правительства в войне, и объявление примата "общечеловеческих ценностей" над национальными интересами... Отсюда и непонимание роли государства, служащего

оболочкой нации; противогосударственные политические установки, уродливые концепции свободы личности... По этому поводу С.Булгаков замечал: *"...бессилие атеистического гуманизма, который не в состоянии удержать одновременно и личность, и целое, и поэтому постоянно из одной крайности попадает в другую: то личность своим бунтом разрушает целое и, во имя прав индивида, отрицает вид (Штирнер, Ницше), то личность упраздняется целым, какой-то социалистической Спартой, как у Маркса."* (8, с.89).

Необходимый баланс можно достигнуть только признав нацию неустраняемой реальностью, связывающей личность с общечеловеческим, а точнее — с надчеловеческим, общественное — с вселенским.

Здравому национальному самосознанию должно понимать, что *"национальность есть для нас и страсть, и бремя, и судьба, и долг, и дар, и призвание, и жизнь. Ей должна быть являема верность, к ней должна быть хранима любовь, но она нуждается в воспитании, просветлении, преображении. Космополитический гомункул вольтеровского и коммунистического образца в жизни не существует... Только национальное есть и вселенское, и только во вселенском существует национальное. Дух един и прост, плоть же, с ее психеей, многочастна и многообразна, "многоразличная Премудрость Божия" (Еф. 3,10)."* (11, с.653)

В русской философской традиции нация понимается как форма человеческого объединения, обусловленная не только и не столько интересами, сколько Идеей. Причем в данном случае Идея рассматривается в качестве первоисточника, определяющего судьбу нации и государства. При этом вопрос об "этничности" или "политичности" нации отходит на задний план. (Здесь речь, конечно же, идет не о научной истине, а о сущностях, смыслах, эйдосах.)

Стоит привести известный тезис классика русской философии Вл.Соловьева о том, что "идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности". Не государство, не народ выбирают Идею "под себя". Идея существует помимо них, ими открывается и познается. То есть, поиск Национальной Идеи связан с выходом за пределы собственных границ: с самотрансценденцией ("человек есть не то, что он есть"). Существующая нация — лишь некоторое приближение к ее Идее, попытка реализации освоения, постижения Идеи.

Вл.Соловьев писал: "Призвание, или особая идея, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа — индивида или нации — и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг, — эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она

определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает она это двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места." (13, с.42). Поиск собственной судьбы, адекватной Национальной Идее, служащей проектом Отечества — вот задача нации.

В сборнике "Из глубины" П.Струве выразил это таким образом: *"...судьбы народов движутся и решаются не рассуждениями. Они определяются стремлениями, в основе которых лежат чувства и страсти. Но всякие такие стремления выливаются в идеи, в них формулируются. Явиться могучей, движущей и творческой силой исторического процесса страсть может, только заострившись до идеи, а идея должна, в свою очередь, воплотиться в страсть."* (14, с.235)) Исходя из данного положения, П.Струве дает следующее определение нации: *"Нация — это духовное единство, создаваемое и поддерживаемое общностью духа, культуры, духовного содержания, завещанного прошлым, живого в настоящем и в нем творимого будущего." "В основе нации всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния."* (14, с.248). Мы видим, что понятие нации здесь определяется не по "составным частям", а по образующим ее процессам. Акцентируется внимание на духовном единстве и культурной общности, выступающих в качестве интегрирующей связки внешних признаков нации. Кроме того, в трактовке П.Струве нация — не только "сообщество чувства", устремленного к автономной государственности. Это "сообщество чувства", заострившегося до Идеи.

Связав понятие нации с духовной реальностью, культурой, прочувствовав ее надприродный характер мы можем избавиться от спора о "политичности" или "этничности" нации, свести его к вопросу о духовных основах национального сообщества. Дальнейшим развитием этого вопроса будет определение соответствующих национальных и государственных интересов, концепция этнических доминант, адекватных концепций гражданского общества.

Нация и государство

Как мы уже отмечали, построение системы общественных идеалов требует здравого понимания телесности человека, его родовых корней. С.Булгаков писал: *"Стремление найти логос национального чувства, понять и привести к возможной отчетливости идеал национального призвания неистребимо коренится в самом этом чувстве,*

которое, как и всякое глубокое чувство, не довольствуется инстинктивным самосознанием, но ищет своего логоса." (8, с.187)

Первоэлемент этого логоса — признание существования нации. Как это не элементарно на первый взгляд, сложность признать самоценность наций, их реальность составляет признак современных идеологий. На худой конец нации придумываются, как была придумана в угоду доминирующей политической доктрине "российская" нация. Не удивительно, что в тексте Конституции Российской Федерации появляется никогда не существовавший "многонациональный народ". (Этот термин вообще абсурден, ибо "народ" здесь — просто населения, а "нация" — этнос. Скажи изготовители этой Конституции "многонародная нация" — вся мифология конфликтности внутри России утратила бы свое законодательное оформление.)

Нацию в России, как и во времена С.Булгакова, стремятся "слепить" из этнографических факторов, разукрасить правовыми нормами и свести к ансамблям песни и пляски. Государственный аппарат применяется для того, чтобы живую реальность нации умертвить в кнъюнктурную абстракцию.

Проблема состоит в том, чтобы понять нацию как трансцендентную реальность, которая реальнее многих видимых вещей. Нацию надлежит, опознавать непосредственным переживанием (чувство национальной идентичности), прозрением высшей миссии (национальная гордость, чувство избранности). "Инстинкт переходит в сознание, а сознание становится самопознанием. А отсюда может родиться и новое национальное творчество. ...национальное сознание и чувство могут известным образом (несмотря на подсознательный характер национальности) воспитываться, и, конечно, также и извращаться." (11, с.441)

Отсюда возникает мысль о государстве, которое родится как оболочка, в которой национальный дух ищет своего воплощения.

Коль скоро наши главные помыслы — о России, то и речь следует вести о русской нации, о русском государстве. В противовес этой позиции российские либералы стремятся выдумать "государство вообще", новый Город Солнца с идеальным правовым порядком, пригодным на любой почве. Не понимая, не чувствуя своей почвы, они не могут создать и эффективной государственности.

Для того, чтобы "довести до конца" экономические реформы (а это значит разрушить русскую государственность до основания без всякой надежды на возрождение), применяется обновленный в соответствии с новейшими методами ведения войны метод выжженной земли. В русскоязычных средствах массовой информации повторяется тот *"самобойкот русского национального самосознания",* который

угробил Российскую Империю в начале века. Зато бессчетными повторениями нелепиц о "многонациональности" и правах этих "национальностей" подогревается племенной сепаратизм, требующий все больших и больших прав и свобод. Одного нет в пропагандистской риторике этого *"союза интеллигентщины с татарщиной"* — русского народа.

С.Булгаков пишет: "*Даже те государства, которые в свое окончательном виде состоят из многих племен и народностей, возникли в результате государственной деятельности одного народа, который являлся в этом смысле "господствующим", или державным. Можно идти как угодно далеко в признании политического равенства разных наций, — их исторической равноценности в государстве это все равно не установит. В этом смысле Россия, конечно, остается и останется русским государством при всей многоплеменности даже при проведении самого широкого национального равноправия." (*11, с.446).

Мы видим, что в русской философской традиции идею государственности порождает (а не обслуживает) духовность и культура, выдерживающая жестокую конкуренцию с другими культурами. С развитием культуры, обретением ею высших форм, чисто этническая государственность (в том числе и полиэтническая, договорная) уходят в прошлое. Конкурентоспособными становятся только те культуры, которые способны нести объединительную надэтническую (но не обязательно безэтническую) функцию и врастать в мировые цивилизации. В этом отношении в (15) справедливо говорится о связи нации с новой культурной дифференциацией. Возражение вызывает лишь жесткая связь этой "новизны" с индустриальным обществом. Надэтничность все-таки может быть обусловлена историческими или географическими причинами.

Итак, обобщая подход русских философов, можно сказать, что нация — это сообщество, объединенное надэтнической культурой, творческим поиском Идеи (смысла, духовной санкции) совместного существования в форме суверенной государственности. Соответственно национализм — просто качество этого сообщества.

Ю.Бородай (16) совершенно справедливо отмечает, что государственное самоопределение — святое право только для нации, которая всегда надэтнична. Верно и то, что этнос, как природное образование, не нуждается в собственной государственности. Это было убедительно показано историческими примерами в работах Л.Н.Гумилева.

При отсутствии в народном самосознании тяги к суверенной государственности — нет нации. Но прочная суверенная государственность — лишь показатель жизнеспособности нации,

Национальной Идеи, способной находить ответы на вызовы современной цивилизации. Суверенная государственность стимулирует укрепление нации, но некоторое время нация может существовать и без государства, а государственность — без нации (например, в случае утраты общей культурной компоненты общественного сознания, утраты национальной идентичности).

Заметим, что не всякое желание суверенного существования выявляет нацию. Оно должно быть обосновано высокой культурой, способной обеспечить надэтническое единство (понятие Отечества), сохранить наследие предков и принять новые качества современного мира — на данном этапе индустриального (постиндустриального). Если пренебречь этим замечанием, то за национальное возрождение можно принять активность клановых или преступных формирований, построенных по этническому признаку.

В работе А.Салмина (17) говорится о том, что большинство авторов, рассматривающих вопросы российской государственности, явно или неявно предполагают универсальную схему образования государства. За основу берется концепция политической нации. В этом случае "государство" и "нация" выступают как две различные ипостаси одного и того же: государственно-организованной общности людей. Тогда "нация — почти всякое сущее на земле государство, признанное de jure, а иногда даже имеющее представительство, признанное de facto или ad hoc."

В этом смысле в Российской Федерации нация как бы уже состоялась вместе с фактом существования государства. (Хотя неиллюзорность существования Российской Федерации можно оспорить серьезными аргументами.) Нация превращается в метафорическое определение государства, принятое в международно-правовом языке, в формальную идентификацию граждан по гражданству. Раскрытию сущности государственного единства это ничуть не помогает.

В реальной жизни, в культурно-историческом пространстве значительно важнее понять насколько принципы политического и духовного единства вытесняют другие принципы, несовместимые с ними.

А.Салмин (17) рассматривает три ситуации, которые можно сформулировать следующим образом:

1) Нормы и ценности политической нации приходятся "впору" стране до такой степени, что кажутся естественными и органичными для нее.

2) Принципы политической нации и культурно-историческая традиция образуют сложный культурно-политический синтез, дополняя друг друга, и действуют в различных измерениях жизни социума.

3) Идея государства-нации, институты государства активно отвергаются существенной частью населения. Результатом может быть

либо крушение государства, либо установление режима, несовместимого с принципами государства-нации, да и нации вообще (как несовместим с ней любой оккупационный режим).

Все три ситуации можно выстроить в цепочку состояний, отмечающий исторические этапы. Вторая ситуация соответствует среднесрочной цели, первая — долгосрочной. Соответственно, третья, по всей видимости, является реальностью Российской Федерации.

Если пытаться проводить аналогию с "классическими" государствами Запада, то следует отметить, что при их образовании идея духовной общности была вытеснена идеей культурного доминирования и унификации. (О том же говорится и в (15).) Более того, нельзя не согласиться с А.Салминым (17) в том, что наличное партикулярное государство-нация и идея национального государства — разные вещи, что государства-нации можно считать побочным порождением достаточно сложного импульса развития. Каждая нация являет собой лишь одно из лиц своей культуры. В государстве-нации идея и ее "лицо" стремятся к совпадению. По нашему мнению, эта идея стремится к вырождению "до лица", т.е. до своей партикулярной видимости.

Добавим, что колониальные империи за счет выкачивания ресурсов из зависимых территорий обеспечили себя средствами для модернизации метрополии. Отсюда и возникает хозяйственная общность "классических" государств, основанная на едином источнике благополучия. Одновременно возникает и общая для таких стран ограниченность государственной "классики". Возможности неэквивалентного обмена с зависимыми странами с течением времени суживаются, а поиск внутренних факторов модернизации остается непривычным.

Россия, как известно, не является и не являлась типичным колониальным государством. Здесь периферия всегда жила за счет центра, метрополии. Поэтому и "не вписывается" Россия в западноевропейские представления о государстве-нации, в государственную "классику". Этого не желали понимать и признавать русские марксисты.

Марксистская традиция отношения к нации, получившая свое завершение в работах Сталина, рассматривалась как продукт капитализма (так же как род, племя — рабовладельческого строя, народность — рабовладение или феодализм). Социализму должна была соответствовать некая новая общность и взаимопоглощение всех наций в будущем. Русские рассматривались уже не как нация, а как носитель "языка межнационального общения" (некоего новояза) и русскоязычной "советской культуры". Русские становились как бы ядром ассимиляции

культур, теряя собственно "русскость", сливаясь с безнациональными русскоязычными "советскими людьми".

Реальный марксизм, реализованный в советскую коммунистическую идеологию, не отрицал нации, но даже способствовал их укреплению, а в некоторых случаях — и обособлению (например, в Средней Азии). Из этих "кирпичей" строилось межнациональное братство, которое должно было интегрироваться вокруг ценностей коммунистической идеологии. Именно поэтому со времен первой союзной Конституции 1922 г. с 4 до 15 увеличилось число "союзных республик" в полтора раза (до 38 в 1989) увеличилось число автономий. Причем, в результате выделения из РСФСР пяти автономий территория национально-территориальных образований поглотила вдвое большую территорию, которая превысила половину территории Российских земель (в границах РСФСР 1989 г.). (18, с.39).

К сожалению, многие элементы социального конструирования в СССР, копирующие западную модель государственности, были продолжены строительством национального государства в Российской Федерации и в бывших союзных республиках. При этом не видно никакой идеи национального государства (сакральной, этно-культурной или государственной), кроме безосновательного политического уравнения наций и этносов, что усиливает этноконфессиональное противостояние и грозит распадом государства.

В (18) А.Салмин отмечает разрушительные установки антикоммунистической оппозиции 1988-1989 гг.:

1.Идея нерушимости внутрисоюзных границ. Следствие — усиление у региональных элит ощущения их легитимности.

2.Истолкование идеи обновления союзного договора как идеи нового союза старых республик.

3.Отказ от понимания искусственности национально-территориальных образований и готовность заключить союз именно между такими искусственными субъектами.

4.Поощрение автономий к повышению их статуса. Фактически была принята идея "коренной нации", подталкивающая народы и их лидеров к самоопределению любой ценой.

Естественным следствием всего этого было создание альтернативного центра власти на базе структур РСФСР ("теневое государство"). Поток ошибок а был усугублен тем, что Межрегиональная депутатская группа не смогла сформировать ничего похожего на теневой кабинет. Ее политической стратегией было чистое разрушение, замешанное на ненависти к имперской идее и вылившееся в ненависть к собственной стране. Чистое разрушение привело к тому, что в конце 1991

г. после захвата власти российским руководством управлять страной было некому и она была безжалостно расчленена.

Еще один каверзный вопрос государственного строительства в России состоит в том, могут ли национальные интересы противоречить интересам государственным и наоборот? Интересные размышления на этот счет содержатся в работе (16). (Можно сослаться также на развернутую концепцию "плавильного котла" К.Касьяновой (12).) Здесь указывается, что в процессе территориальных приобретений, бесспорно укрепляющих государственность, могут возникать "химерные" этнические смешения, нарушающие архетипическую совместимость фундаментальных этнических доминант. Так государственным интересом может быть выход к Балтийскому морю, а национальным — предотвращение смешения с прибалтийскими немцами, опасными засилием в правящей российской бюрократии, которая в конце концов деформирует жизнь нации, а затем и саму геополитику. Т.е. речь идет о том, что фундаментальным национальным интересом является работа "плавильного котла", в который не должны попадать "тугоплавкие" для данной цивилизационной модели элементы.

Здесь необходимо возразить. Приведенный пример показывает, что национальные интересы — понятие непростое. Оно не ограниченно совокупностью внешнеполитических проблем. Пробивая себе выход к морю, Россия должна была одновременно решать и другую национально-государственную задачу — задачу обеспечения своей культурно-исторической неприкосновенности. Решение этой задачи могло бы состоять в том, чтобы оградить экономическую и административную систему от преждевременного проникновения в нее подданных, еще не успевших почувствовать и доказать свою преданность Отечеству. То есть речь шла о том, чтобы проводить на новых территориях имперскую политику (поначалу напоминающую в общих чертах "классическую" колониальную), и только с течением времени включать население в "плавильный котел" русской нации. Коль скоро решение не было найдено, нанесен ущерб и нации, и государству. Поэтому предложенное деление на национальные и государственные интересы вряд ли целесообразно.

Национализм

Коль скоро признается существование нации, необходимым дополнением к этому признанию должно быть и признание национализма.

Причины извращенных трактовок национализма опираются чаще всего на такие идеологические посылы:

1.Отождествление национального и этнического.

2.Отрицание ценности национального в современном мире.

3.Утверждение тоталитарной сущности национализма и его близости к коммунизму. (Такое представление о национализме, складывается у тех, кто формирует свое антинациональное мировоззрение на основании чтения газеты "Завтра" и наблюдений за выходками Жириновского.)

Типичным проявлениям этого извращенного взгляда в современной политологии является статья П.Е.Канделя (19), которую мы разберем в качестве примера.

Пытаясь дискредитировать исторический опыт национализма, автор разрывает историю на два периода. Первый период — "когда национальное чувство было практически тождественным экономическому интересу и демократическому умонастроению", второй связан с превращением национализма в XX веке в орудие "самосохранения социально-экономических структур, доминирование которых вступает в противоречие с логикой экономики." Как, откуда, почему объявился этот излом истории автор не собирается сообщать читателю.

Все прочие выводы следуют как бы сами собой:

- национализм "сплошь и рядом выражался и в экспансионистских претензиях, в которых никак не обходилось без пренебрежения этническими границами, и во всякого рода утеснении национальных меньшинств";

- "национализм заведомо может быть лишь антитрадиционалистским, ибо сама традиция носит не национальный, а племенной характер";

- "там, где национализм не является средством преодоления традиции, а, напротив, опирается на нее, его консолидирующая и мобилизующая функции оказываются подчинены целям, далеким от модернизации или вовсе ей противоположным".

П.Е.Кандель не видит разницы между "большой" национальной традиции, неразрывно связанной с традицией государственности, и "малой" этнической традицией, которая в гипертрофированном виде превращается в этноцентризм, убивающий и этнос и нацию. Именно поэтому грехи этноцентризма относятся на счет национального чувства.

Автор пытается бездоказательно констатировать, что национализм и тоталитаризм одинаково антиплюралистичны, возводят в ранг высшей абсолютной ценности социальную монолитность и попираются на систему предустановленных целей. Кроме того,

национализм становится "удобным средством формального перевоплощения архаичных структур общественного сознания и устаревших социальных институтов, при сохранении их сущностных основ".

С этим вполне можно согласиться. Только с нашей точки зрения П.Кандель тут невольно высказывает истину: национализм принципиально несовместим с революционизмом и крайне бережно относится к отечественной истории. Чего не скажешь о либерализме, к адептам которого в полной мере можно отнести П.Канделя.

Именно либеральной риторике столь свойственны инсинуации на тему национализма. Национализму приписывается принципиальная конфликтность, опора на люмпенизированные слои общества, сведение проявлений человеческой личности к национальным характеристикам. Все это — не более, чем уловка с целью разоружить оппонента с помощью вымученного морализаторства. (Так уж у нас повелось у "демократических" публицистов — если какая-либо политическая сила ищет опоры не в номенклатурных коридорах, то обязательно объявляется выразителем интересов люмпенства.)

К этому добавляется еще и опора на научную харизму — статья изготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований. Реальная основа для теоретического спора — история Отечества, богатство русской общественной мысли — полностью исчезает из "фундаментальной статьи". Это тоже способ либеральной аргументации, почерпнутый у выпускников школы марксизма-ленинизма.

Оставляя в стороне явно ненаучные всплески либеральных эмоций, мы снова обратимся к русской философии, которой вполне достаточно, чтобы не заниматься мучительным переводом философских построений любимых либералами мыслителей на русский язык.

Одна из трактовок принадлежит Вл.Соловьеву: *"...христи-анская истина утверждает неизменное существование наций и прав национальности, осуждает в то же время национализм, представляющий для народа то же, что эгоизм для индивида: дурной принцип, стремящийся изолировать отдельное существо превращением различия в разделение, а разделение в антагонизм"* (13, с.52).

Противоположное понимание национализма представляет И.Ильин: "...национализм проявляется прежде всего в инстинкте национального самосохранения, и этот инстинкт есть состояние верное и оправданное. Не следует стыдиться его, гасить или глушить его; надо осмыслить его перед лицом Божиим, духовно обосновывать и облагораживать его проявления." (20, с.281).

Анализ текстов двух авторов показывает, что здесь противоречие в большей степени обусловлено разным освоением нововведенного

термина. Мы предпочитаем опираться на разработки И.Ильина, который большее внимание уделил пониманию национализма.

И.Ильин указывает на возможные "затмения" национального чувства:

1) *"...чувство и воля националиста прикрепляются не к духу и не к духовной культуре, а к внешним проявлениям народной жизни, — к хозяйству, к политической мощи, к к размерам государственной территории и к завоевательным успехам своего народа. Главное — жизнь духа — не ценится... или являясь средством для неглавного, т.е. превращаясь в орудие хозяйства, политики или завоевания."*

2) *"...чувство и воля националиста, вместо того чтобы идти в глубину своего духовного состояния, уходят в отвращение ко всему иноземному."* (20, с.284).

Смирить разночтения на наш взгляд необходимо следующим образом. Национализм у каждой нации свой. Европейский национализм, замешанный на феодальном праве силы всегда будет деструктивным и не в состоянии создать Империи.

Отличие русского национализма от европейских (да и азиатских) "национализмов" состоит в осуществлении "проекта" Российской Империи, обеспечивающего русской нации жизненное пространство и материальные ресурсы, соответствующие ее историческим масштабам и самобытности.

Можно говорить и шире о национализме истинном и мнимом (21). К истинному национализму относится национализм духовный, великодушный, нравственный, о котором писал И.Ильин, к мнимому — бездуховный квази-национализм, не осмысляющий своих вселенских задач, не чувствующий ценности отечественной истории, замкнутый в пренебрежении к другим народам.

Если же говорить о национализме, как о понятии, привязанном к понятию "нация", то это не более и не менее, чем новое социальное качество преодолевшее безотчетность чувствования и разобщенность восприятия Родины, превращенное духовными переживаниями и размышлениями в явление, которому доступно развитие и совершенствование. В этом смысле мнимый национализм лучше, чем отсутствие национализма вообще. Точно так же, как больной дух быть может и выглядит страшен, но все же лучше, чем бездушие. Больной дух можно лечить и воспитывать, баздушие — нет.

Имперское государство

Во множестве определений, так или иначе, разными словами выражается одно: Империя — тип государственности, ориентированной на общемировые цели и достигшей контроля над целым геополитическим регионом.

Согласно (18) Империя — промежуточная государственная форма между племенными союзами или территориальными государствами и идеальной космократией. Реальные Империи, нередко отождествлявшие себя с космократией (мировым государством), могли тем не менее быть лишь функцией геополитического порядка: порядок был империей, Империя была порядком. Империя восходит к прототипу универсально организованной и вовлеченной в глобальные отношения власти, каким было видение государственности со стороны Церкви (особенно католической): любая государственность должна быть вписана в надгосударственную космократию при главенстве церкви.

Индустриальное общество трансформирует идею Империи. В современном мире Церковь как институт уже не может удерживать под контролем надгосударственную космократию. Империя теперь может существовать лишь в качестве отдельного государства, в котором Церковь — уже не доминирующий институт, но религия — доминирующий компонент национально-государственной идеологии. (В этом смысле ни большевистская РСФСР, ни СССР, ни гитлеровская Германия империями не были, хотя и несли в себе некоторые существенные черты Империи.)

Если определять же Империю через идеи, отрицающие ее, то к таковым мы должны отнести разнообразные социальные мифологии, рождаемые "федерализмами" и "сепаратизмами".

И.Ильин писал: *"Вот откуда разложение власти: федералисты ничего не понимали и нынче ничего не понимают в государстве, в его сущности и действии. Тайна государственного импонирования; сила его повелевающего и воспитывающего внушения; секрет народного уважения и доверия к власти: умение дисциплинировать и готовность дисциплинироваться; искусство вызывать на жертвенное служение; любовь к Государю и и власть присяги; тайна водительства и вдохновение патриотизма — все это они просмотрели, разложили и низвергли, уверяя себя и других, что Императорская Россия держалась "лакеями и палачами"* (20, с. 152).

Ему вторит один из ведущих публицистов и мыслителей русского зарубежья "первой волны" И.Солоневич: *"Можно было бы предположить, что полтораста петлюр во всех их разновидностях окажутся достаточно разумными, чтобы не вызвать и политического и хозяйственного хаоса — но для столь оптимистических предположений никаких разумных данных нет: петлюры режут друг друга и в своей*

собственной среде" (4, с.63). *"Всякий истинный федералист проповедует всякую самостийность только, пока он слаб. Когда же он становится силен,- или ему кажется, что он становится силен, — он начинает вести себя так, что конфузятся самые застарелые империалисты. Федерализм есть философия слабости..."* (4, с.237). *"...всякий сепаратизм есть объективно реакционное явление: этакая реакционная утопия предполагающая, что весь ход человеческой истории — от пещерной одиночной семьи, через племя, народ, нацию — к государству и империи — можно обратить вспять."* (4, с.238).[1]

В противовес русским мыслителям современные российские "демократы" видят причины катаклизмов, разъедающих государственность, вывернутыми наизнанку. Так они полагают основной причиной краха Российской Империи и распада СССР "перегруженность центра" властными полномочиями и угнетенность бесправной периферии и "титульных республик". Для них необходимость федеративного устройства России обусловлена ее огромными размерами и множеством компактно проживающих на территории России самобытных народов. Сюда приплетается саморазоблачительный пример о самостоятельном статусе Польши и Финляндии в Российской Империи[1].

Более мягким вариантом антиимперского теоретического построения (в предыдущем варианте мы имеем не только "теории", но и агрессивную антигосударственную практику) можно считать уже цитированную нами работу (16). В ней автор противопоставляет

---

[1] Единственное, с чем нельзя согласиться у Солоневича, так это с утверждением, что каждый народ — есть народ империалистический (4, с.15, с.225). Только тот народ, который ведет за собой нацию и создает ее цивилизационный и государственный стержень может считаться империалистическим. У Солоневича здесь, скорее всего, оговорка или подразумеваемое доопределение — "народ" = Народ.

[1] Либеральные иллюзии в отношении статуса Польши и Финляндии породили серьезные проблемы для России еще в прошлом веке. С присоединением Польши текстильные фабрики Лодзи и Белостока стали конкурентами исконно русским текстильным центрам. Никаких административных мер для развития центральных регионов предпринято не было. А Финляндия в результате того, что ей была дарована возможность иметь собственную конституцию, смогла в составе Российской Империи повысить свой статус от провинции до автономии. В результате Польша и Финляндия в конце концов стали независимыми государствами. Этого же сценария расчленения ослабшей Империи добиваются современные сепаратисты-федералисты для "республик в составе Российской Федерации.

имперский принцип государственного объединения и национальный принцип.

Первый он связывает с насильственной политикой, а второй считает естественным. Можно подумать, что объединение в едином государстве может быть безнасильственным! Само государство — есть материализованная воля нации, насильно навязывающая этнографической массе единство. Ниже автор смягчается и признает, что нация строится хотя и с применением элементов насилия, но все-таки по моделям "естественной" или "соборной" общности, хотя и не сводится к ним. Еще ниже говорится о том, что нация немыслима без сочетания элементов соборности и принудительной социальности, их органического сочетания.

В качестве признака нации, автор предлагает принять наличие "многослойной полифонической культуры, претендующей на мировую значимость" при сохранении в глубине этой культуры этнографической многоцветности. Но далее следует противопоставление российской и русской культуры: мол Пушкин с Гоголем — российские поэты, а вот Кольцов — только русский". Это либо прямо противоречит предыдущему утверждению, либо демонстрирует, что русские для автора — не нация, а этнос.

Ю.Бородай разрабатывает следующую схему развития этноса в нацию. По мере развития возникает космополитизация этноса, размывание и утрата его самобытности. Т.е. этнос, создавший нацию, обречен на гибель через этническое самоотречение. Проводится аналогия с зерном, которое должно умереть. Утверждается ложный принцип: либо этническая самобытность, либо политическое (социальное, экономическое) доминирование. По нашему мнению здесь неправомерно говорить о гибели, нужно говорить об инобытии, неизмеримо более высоком, чем этническое бытие. И нет здесь никакой утраты самобытности. Наоборот, есть навязывание своей самобытности другим этносам, хотя это и требует определенной трансформации ее.

Автор пишет, что этнос-строитель нации должен полюбить тех, кто отстаивает свою "особость", природный нрав. Наоборот, нация должна особость этносов подавить, иначе нации не быть.

Принцип "Россия — для русских" Ю.Бородай называет идиотским. При всем уважении у другим его мыслям, тут согласиться нельзя никак. Ведь отрицание упомянутого принципа означает, что любить надо все, но только не русское, что русским надо умереть, чтобы на их костях проросла "российская нация", а место "русскости" заменила "российскость".

Когда говорят о нации и этносе "либо-либо", то демонстрируют топливно-энергетическую теорию этно-социогенеза (почерпнув ее

отчасти у Л.Гумилева). Природная правда тут есть. Но не хватает человеческой правды. Человеческая правда — это необозримые ресурсы интеллектуальной деятельности в поисках стратегий выживания и конкуренции с другими этносами, нациями, цивилизациями. Бородай приводит пример вечноживучей самобытности евреев. Но тут дело именно в особой самобытности, а не самобытности вообще. Другого такого этноса просто нет.

"Нация отличается от империи духовно-этнической совместимостью этносов, если угодно, их стихийной заданной или исторической наработанной взаимной комплиментарностью — их потребностью уживаться вместе, дополняя друг друга, действовать сообща", — пишет Ю.Бородай. Это совершенно неверно! Империя отличается от нации тем, что может совмещать в себе любые этносы, а не только комплиментарные.

Ю.Бородай правильно говорит об ущербности реставрационных проектов левых (СССР) и правых (Российская Империя). Но дело не в их нежелательности, а в нереалистичности ожиданий близких результатов. Новые технологии политического доминирования и конкуренции резко снижают возможности силового доминирования над территориями. необходимо рассчитывать на длительную борьбу за перерождение этно-сепаратистских "верхов", экономическое доминирование и культурную экспансию.

Империя и империализм

С античных времен противоречие меду суверенитетом городов-государств и расширяющимися империями дотянулись до наших дней.

И.Солоневич пишет: *"Империя — это мир. Внутренний национальный мир. Территория Рима до империи была наполнена войной всех против всех. Территория Германии до Бисмарка — была наполнена феодальными междунемецкими войнами. На территории Империи Российской были прекращены всякие межнациональные войны и все народы могли жить и работать в любом ее конце."* (4, с.15). *"Германские племена, наводнившие Европу и разгромившие Римскую империю, к имперскому строительству оказались совершенно неспособными... историческим выражением этой личной узости послужил феодализм, разложивший Европу и пытавшийся разложить Россию. Только на больших расстояниях от этого феодализма — на индейских просторах Америки или на угро-финнских болотах Москвы, удалось создать огромные демократии — демократические каждая по-своему..."* (4, с.256).

Для того чтобы понять универсальность принципов Империи для построения любого крупного государства, достаточно взглянуть на публицистику отцов-основателей США (22). Весь пафос их лозунгов и призывов показывает, что создаваемая американская республика несла в себе все признаки Империи. Федерализм и республиканское правление были лишь формой воплощения Империи. Этот федерализм и эта республика по своему происхождению и по смыслу своего существования прямо противоположны политическим стратегиям сегодняшних российских "федералистов", так любящих приводить нам в пример Соединенные Штаты.

И.Ильин писал: *"Россия велика, многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была единосоставным, простым народным массивом и не будет им. Она была и будет Империей, единством во множестве: государством пространственной и бытовой дифференциации, и в то же время — органического и духовного единения."* (20, с.157). Так же как Рим, как государственная система США, Российский национальный организм выполнял имперскую задачу. Российская Империя умиряла этническую конфликтность на огромных пространствах Евразии. Как только государственный механизм России ослабевал, начиналась война всех против всех. И сейчас мы видим, что республиканские полуфеодальные режимы насмерть грызут друг друга, растаптывая в своем "самоопределении" имперский принцип надэтнического права. Именно уход российской государственности с территории Чечни, отказ России от своей имперской миссии породил тот ужасный криминальный нарыв, который пришлось вскрывать тупыми инструментами полуразвалившейся армейской машины.

Государственные формы возникают из тех задач, которые история ставит перед той или иной нацией. Империя — это приемлемая для нации государственная форма, дающая ей силу высказать наиболее существенное слово в истории: слово, принадлежащее одной из цивилизаций, существующих на планете.

Россия сочетает свою государственную форму с задачей объединения народов в единую цивилизацию, хранящую разноплеменную самобытность в русле общенациональной культуры, но подавляющую извечно жестокие междоусобицы (какие мы видим, например, между осетинами и ингушами, армянами и азербайджанцами, чеченцами и русскими, сербами и хорватами). Так было в прошлом, так должно быть и в будущем.

Согласно Солоневичу, русскую Империю создали два принципа: уживчивость и "не замай" (4, с.215). Более подробно смысл русской "доминанты" определяется им через уживчивость, организованность,

упорство, боеспособность и умение подчинять личные интересы интересам целого (4, с.234).

Запад, находящийся в постоянном кипении, при своем полуостровном положении всегда испытывал удивление над бескрайней "пустыней" России, перед ее внутренней стабильностью и могуществом. Сотни лет европейские государи пытались выбраться со своего полуострова и заставить Россию жить по своим законам — межфеодальным соглашениям, "общественному договору", руссоизму и вольтерьянству...

И.Солоневич говорит об этом: *"Польша семьсот лет разбивала себе голову о Россию. И, разбив окончательно, плакалась всему миру на русский империализм."* (4, с.72). Именно по этим же причинам Запад и его "агенты влияния" среди российских интеллигентов запугивали себя и весь мир русским империализмом, русским "черносотенством", российской "нецивилизованностью", советским ядерным потенциалом (который СССР, в отличие от США, ни разу не применял против других стран), "тоталитаризмом". Они радуются любой трещине в российском государстве, любой вестернизации и успокоятся либо когда их основательно "успокоят", либо когда Россия рассыплется в прах и исчезнет подобно Римской империи.

Если исходить из представления о России, как о принципиально имперской цивилизации, то многое становится ясно в процессе отщепления от нее обширных территорий. Как только Империя ослабевала и замыкала свои интересы в рамках метрополии, ее периферия сразу начинала тяготеть к сепаратизму и внутри самой Империи выделялось ядро новой метрополии. Именно поэтому от Империи отделились Польша и Финляндия (другие территории обособлялись временно). Россия, пережив катаклизмы гражданской войны, смогла снова выйти из своих пределов и вернуть другие территории, первоначально решительно отпавшие от нее. Современная ситуация повторяет признаки этого процесса. Как только СССР замкнулся на своих собственных проблемах и отступил из Восточной Европы, Латинской Америки, Вьетнама, Индии, Ирана, Афганистана, начался процесс отмежевания периферии.[1]

Процесс обретения сателлитов — безусловный успех Империи, доказательство жизнеспособности соответствующей ей цивилизации.

---

[1] Парадокс существования СССР состоял в том, что при внешней имперскости Советского государства, отсутствовала установка верхов общества на национальное бытие (не говоря уж о национально-имперском бытии). Империя без усиления национального начала превращалась в топливо для мирового этногенеза.

Разноплеменность Империи — также доказательство ее цивилизационной перспективы.

Известный общественный деятель России начала XX века В.В.Шульгин (книгу которого современные "демократы" сочли "жутко антисемитской") писал (23, с.196-199): *"История знает немало примеров, когда побежденные нации неизмеримо выигрывали от того, что победители становились их властителями. Классическим примером такого положения вещей, когда быть побежденным значило приобщиться к более высокой культуре, являются победы Рима... Во времена Атиллы и других варваров победа склонилась на сторону охватившего греко-римский мир кольца. Результаты? Результат — остановка человечества на тысячу лет, в течение которого оно предавалось всяким мракобесиям, какие только можно себе представить. И для чего? Только для того, чтобы через девять веков начать танцевать снова от "печки". Только для того, чтобы под именем "ренесанса" возобновить культурную нить, оборванную варварством; возобновить как раз на том месте, где она порвалась... Только для того, чтобы кодекс Юстиниана, употребленный варварами на растопку, был под именем "римского права" восстановлен в качестве недосягаемого образца юридической мудрости... Сколь ни почтенны были подвиги отдельных царей, царьков, князей, князьков и всяческих народных героев бесконечного числа наций, сражавшихся против Рима, все же их патриотическая деятельность с точки зрения практического результата была ужасно нелепа... Если сравнить mentalitete Пилата с неистовством ячейки изуверов (она, однако, была тогдашним правительством еврейским), то станет ясно, насколько римская культура возвышалась над психикой некоторых из окружавших ее народов и народцев."*

В условиях противоборства цивилизаций малые и средние народы теряют всякие шансы на независимое существование. Только включение в одну из цивилизаций позволяет им сохранить в новых условиях свое этническое своеобразие. Странам, образовавшимся при разделе СССР грозит растворение в западной городской цивилизации, которая на этой территории может быть только безнациональной и бездуховной. Вторая возможность — поглощение Исламской цивилизацией. И в первом, и во втором случае за этим последует нескончаемая вереница конфликтов, которые уже возникают на наших глазах, унося тысячи жизней, ломая судьбы миллионов. И только возвращение "под сень дружеских штыков" России дает шансы на благоденствие, связанное с присущим русской цивилизации дружелюбием ко всем народам, объединенным в служении общенациональному долгу.

Только это возвращение теперь будет определяться пользой русской нации, а не мифами о "дружбе народов".

Россия никогда не была "тюрьмой народов" или колониальной империей, как утверждают ее самые злобные клеветники. Более того, население окраин Российской Империи всегда имело преимущество перед населением центральных великорусских областей. Российская Империя, в отличие от Великобритании, Испании и других колониальных империй, никогда не превращала включенные в ее состав территории в объект варварской эксплуатации и геноцида. Именно поэтому, несмотря на жестокие войны и жесткие природные условия, была обеспечена стабильность огромного государства. "Выражение, что Россия была тюрьмой народов, пытались утвердить в умах заседавшие в Циммервальде злобники. Но эти злобствующие были собраны и финансированы Германией, которая вела против России войну и стремилась к ее разделению путем раздувания всяческих сепаратизмов." (23 , с.203).

Попытка создать на месте Империи "национальные государства" отбрасывает живущие в них народы к средневековому неофеодальному существованию, уродует государственные структуры, убивает этническую общность фальшивкой "либерализма". Но приходится признать, что процесс создания феодально-этнических уделов на территории России уничтожает и будущее великорусского народа. Размежевание этнических групп населения по сути дела означает разрушение государства-хранителя русской культуры. Распад российской государственности неизбежно ведет к нищете и вырождению великорусского народа, к утрате этнической самобытности и самоуважения. При таком итоге всякие государственные реформы обращаются в преступление.

В отличие от Западной Европы, где столкновение наций через попытки завоевать друг друга (и потому рождало феодальные структуры), в России происходила в основном колонизация пространства, которое не было необходимости завоевывать (завоевание Ермаком Сибири — типичный исторический миф). Русская нация завоевывала простор, а не государства, покоряла материю, а не народы. Именно поэтому в России сложилась имперская нация.

* * *

Противопоставить идее целенаправленного разрушения Российского государства и русской нации мы можем только понимание того, что объединительная имперская сущность нашего государства, его масштабы и мощь соответствуют масштабам русской миссии. РОССИЯ

МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ. Задача России состоит в том, чтобы укрепиться как национальное государство, и подготовить себя к новому имперскому строительству.

Литература

1.М.В.Ильин, Слова и смыслы: Деспотия. Империя. Держава., "Полис", N2, 1994.

2.Н.А.Бердяев, Судьба России, М.:Советский писатель, 1990 с.107-113.

3.П.М.Хомяков, Национал-прогрессизм. Теория и идеология национального выживания и развития России, Библиотека РОС, Выпуск N1, 1994.

4.И.Л.Солоневич, Народная монархия, М.:"Феникс",1991, с.30-31.

5.А.Боханов, По плечу ли России европейский камзол.... "Родина" N8, 1995.

6. И.М.Клямкин, Т.И.Кутковец, "Кому в России нужна империя?", "Сегодня" 01.02.96.

7.К.Н.Леонтьев. О всемирной любви. цит. по кн. "Русская идея", М:"Республика", 1992.

8.С.Н.Булгаков, Героизм и подвижничество, М.:"Русская книга", 1992.

9.М.А.Урнов, Освобождаясь от тоталитаризма (исследование политического сознания народных депутатов России), "Полис" N1, 1991.

10.С.С.Хоружий, После перерыва. Пути русской философии., СПб: "Ателейя", 1995.

11.С.Н.Булгаков, Сочинения в двух томах, М.:"Наука", 1993, 2 т., с. 444.

12.К.Касьянова, О русском национальном характере" М.: Институт национальной модели экономики, 1994, с.82.

13.В.С.Соловьев, Смысл любви. Избранные произведения, М.: "Современник", 1991, с.42.

14.П.Б.Струве, Исторический смысл русской революции и национальные задачи, Из глубины: Сборник статей о русской революции, М.: Изд-во МГУ, 1990.

15.Э.Геллнер, Нации и национализм, М.: "Прогресс", 1991.

16.Ю.М.Бородай, Пути становления национального единства, "Наш современник", N1, 1995.

17.А.М.Салмин, Россия в ожидании политического воплощения: нация, государство, Федерация, "Российский монитор" N5, 1995.

18.А.М.Салмин, Союз после союза. Проблемы упорядочения национально-государственных отношений в бывшем СССР, "Полис" N1-2, 1992.

19.П.Е.Кандель, Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире, "Полис", N6, 1994.

20.И.А.Ильин, Наши Задачи. Статьи 1948-1954 годов, М.:"Рарог", 1992.

21.Протоиерей Владислав Свешников, Заметки о национализме истинном и мнимом, М.:"Рарогъ", 1995.

22.Федералист. Политические эссе А.Гамильтона, Дж.Мэдисона и Дж.Джея, Изд. группа "Прогресс" -"Литера", 1993.

23.В.В.Шульгин, Что нам в них не нравится..., М.: "Хорос", 1992.

Арсений.Гулыга

ФОРМУЛЫ РУССКОЙ ИДЕИ

Русская идея как постсовременная проблема

Русская идея переживает сегодня второе рождение, становится культурной реальностью нашего времени. Одни считают ее философией будущего. Иные относятся, напротив, отрицательно. Чтобы судить о ней, ознакомимся с сутью дела.

Чем не является русская идея? Подчас уверяют, что русская идея – «идеология русского империализма» (1). Для того, чтобы придерживаться этого взгляда, не обязательно быть эмигрантом «третьей волны». На страницы бывшего «Коммуниста» читаем аналогичное: «..."Русская идея" – в значительной степени государственная имперская идея» (2). Пусть не удивляет нас совпадение взглядов антикоммуниста и посткоммуниста, не будем доискиваться причин столь удивительного единомыслия, в том и другом случае перед нами стремление скомпрометировать духовную историю России.

Фонд Горбачева провел в 1992 году конференцию на тему «Русская идея и новая российская государственность». Выступавшие говорили о чем угодно, меньше всего – о русской идее. Вот характерные заявления. О.Р.Лацис: «Мы не знаем, что такое русская идея». Д.В.Драгунский: «Когда говорят о русской идее, у меня по коже пробегает легкий мороз. Потому что на самом деле это просто идея российской империи, не более того и не менее».

Не удивительно, что из-за рубежа к нам приходят призывы забыть о русской идее, отказаться от нее, отречься как от устаревшей затеи, вносящей лишь рознь между народами. В марте 1993 года состоялась международная конференция по русской философии. Американский славист Дж.П.Скэнлан рекомендовал нам избавиться от «невроза уникальности», которым мы якобы страдаем; для этого, по его мнению, русскую идею пора сдать в архив, «она ставит только преграды между Россией и цивилизованным миром» (3). Известный польский (а

Арсений Владимирович Гулыга, известный философ и писатель, автор книг “Кант”, “Шеллинг”, “Гегель” (М., “Соратник”, 1994). Настоящая статья представляет собой переработанные главы из книги “Русская идея и ее творцы”(М.,“Соратник”, 1995).

ныне американский) специалист по русской политической истории XIX века Андрей Валицкий солидаризировался с ним: «Нет необходимости замыкаться в рамках какой-то русской идеи» (4).

Уточним: термин «русская идея» родился под пером Достоевского. В объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год он писал: «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях» (5). К этой идее Достоевский впоследствии возвращался неоднократно.

В 1888 году Соловьев выступил с лекцией в парижском салоне княгини Витгенштейн с призывом к объединению христианских конфессий. Лекция была опубликована (сначала на французском языке) под названием «Русская идея». Соловьев писал, что русская идея «не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристического, что она представляет собой лишь новый аспект самой христианской идеи, что для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них» (6).

Перу Н.А.Бердяева также принадлежит книга под названием «Русская идея», смысл которой – «братство народов, искание всеобщего спасения». Есть у Бердяева еще более лапидарная формула русской идеи: «все ответственны за всех» (7). Верить надо, видимо, создателям и носителям русской идеи, а не ее тенденциозным интерпретаторам.

Главные носители русской идеи – Достоевский, Соловьев, Федоров. Их предшественники – Карамзин, Хомяков. Их последователи – Розанов, Бердяев, Булгаков, Франк, Лосский, Карсавин, Ильин, Вышеславцев, Флоренский, Лосев и многие другие.

Карамзин – новое имя для историка русской философии. Обычно ее начинают с Хомякова: именно он ввел в философию понятие соборность. Но, по моему убеждению, автор «Истории государства Российского» – создатель современного русского языка, чутко почувствовавший веление времени и выразивший русское историческое сознание в четких формах, сыграл в подготовке русской идеи не меньшую роль, чем Хомяков – теоретик православия. Нравственный пафос русской мысли идет от Карамзина. История, для Карамзина, – школа морального воспитания народа, «завет предков потомству», дополнение, разъяснение настоящего и пример для будущего.

Достоевский вырос на Карамзине. И в наши дни «История государства Российского» не потеряла своего значения. Недаром в Советском Союзе ее не издавали и поливали грязью. А эмигрант И.Ильин

в своей книге «Сущность и особенности русской культуры» поставил на первое место среди рекомендуемой литературы.

Русская культура, по Ильину, – дитя исторических катастроф. Войны, далеко не всегда успешные, обрушивались на Россию беспрестанно. Москву жгли татары, поляки, французы. Но Россия, как феникс, возникала из собственного пепла и вновь расцветала. Русская идея всеобщего спасения родилась из катастрофического прошлого страны. Сегодня весь мир, несмотря на видимое благополучие, сползает к катастрофе. Поэтому опыт России преодолевать беду важен для всех. Точнее, – для тех, кто эту беду предчувствует и убежден, что ее можно избежать. Для тех, кто полагает, что пока растет производство и благополучно работает полиция, ничего дурного не произойдет, для тех русская идея не существует.

В историческую жизнь народа входит его географическое положение. От имени иных народов провозглашалась претензия на то, что они существуют «без пространства». В России было наоборот: пространство без народа; огромные массивы степей и лесов, которые требовали освоения. Действовал своеобразный пространственный императив, открывавший «за далью даль». Ширь русской земли, считал Федоров, рождала характеры предприимчивые, предназначенные для географического и космического подвига. «Новое небо и новая земля», предсказанные в Откровении св. Иоанна, не могли испугать, скорее, – влекли к себе. Апокалипсис – любимое чтение Достоевского. Эсхатологическое напряжение свойственно всей русской философии.

Россия – конгломерат народов. Даже то, что сегодня официально именуется Россией, то есть Великороссия (кроме нее есть Малая, Белая, Червонная Русь), даже эта часть России представляет собой федерацию, разноплеменное объединение, некогда мирно сосуществовавших народов. «Россия – тюрьма народов», уверяли большевики, они постарались (не без успеха) добиться этого. До революции формула звучала иначе: «Россия – семья народов» (Вл. Соловьев). Сегодня весь мир – семья народов с одной судьбой, и опыт старой России, вошедший в русскую идею, поучителен.

Почему Россия могла стать семьей народов? Не последнюю роль сыграло географическое расположение страны, ставшей своеобразным мостом между Европой и Азией. Кто такие русские, европейцы, проникнувшие в Азию, азиаты, населяющие Европу? И те, и другие – «евразийцы».

«Евразийство» – так называлось идейное течение, возникшее после революции в русских эмигрантских кругах. Для евразийцев Россия – это Запад и Восток одновременно, «синтез двух с преобладанием последнего» (8). Европейская цивилизованность и азиатская

самобытность – вот наше предназначение. Русским присущи открытость другим культурам, терпимость, стремление понять и принять . инакодумающего и инаковерующего. Ужиться с ним. Симбиоз двух культурных регионов, постоянный диалог между ними в пределах одной страны определил лицо нашей культуры.

Отсюда характерная черта, подмеченная Достоевским, – «всемирная отзывчивость», то есть способность откликнуться на чужую беду, пережить ее как свою, помочь, порадоваться радости другого, принять его в свою среду, перевоплотиться самому. «Русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способны из всех народов вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия» (9). Это – Достоевский. Его позицию можно сравнить с позицией Ивана Солоневича: «Русская национальная идея всегда перерастала племенные рамки и становилась сверхнациональной идеей, как русская государственность всегда была сверхнациональной государственностью» (10). А вот мнение Бердяева: «Русский народ не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира; всегда в русской душе боролись два начала – восточное и западное» (11).

Стоит рассмотреть западное, прежде всего немецкое влияние на русскую мысль. И здесь есть точная дата, когда немцы открыли русским арсенал своей мудрости – год французской революции. Весной 1789 года Николай Карамзин посетил в Кенигсберге Иммануила Канта и оставил подробную запись их беседы. С тех пор Кант – наставник русских. Его почитали, с ним спорили, иные его отвергали, порой проклинали, но без него не могли обойтись. Особенно важна была «Критика способностей суждения» и та часть первой «Критики», где речь шла о диалектике. Кант говорил о диалектике мысли, русские, как и немецкие последователи Канта, отнесли диалектику к самому бытию. Кант говорил о примате практического разума, но оставил систему, начинающуюся с теоретической философии. Соловьев открывает свою систему этикой, которую строит, опираясь на Канта и Шопенгауэра. Противоречие – признак истины. Этот докторский тезис Гегеля – аксиома для Карсавина, Вышеславцева, Франка, Флоренского. Огромное влияние оказал Шеллинг, его идеи положительной философии стали определяющими для русских.

Важнейшая проблема практической философии – судьба родины. Должна ли Россия идти дорогой западного прогресса или искать собственные пути? Ответ на этот вопрос разделил русскую интеллигенцию на два стана – славянофилов и западников. Бердяев

хорошо сказал о них: «И те, и другие любили Россию, славянофилы как мать, западники как дитя» (12) . Мать оберегают, дитя воспитывают. К чему это привело? Наследники западников – нигилисты и революционеры всех мастей апеллировали к воспитательной роли насилия. Здесь многое пришло из Германии (Маркс и Энгельс), многое по-русски утрировано. В XX веке они одержали победу, завели страну в тупик и уходят в небытие. Поэтому русские отвернулись от этого искажения «русской идеи».

Иное дело славянофильский комплекс идей – любовь к России как к матери. Я наберусь смелости утверждать, что и эта чисто русская проблема не обошлась без немецкого влияния. Русские устояли перед Наполеоном, разбили его. Немцы учили нас: Клаузевиц – генералов, Фихте – мыслителей. «Речи к немецкой нации», призывавшие к борьбе за национальную самобытность, были прочитаны не только в Берлине, но и в Санкт-Петербурге. Русская идея возникла как преодоление односторонностей западников и славянофилов, синтез двух позиций в единую теорию мировой культуры.

Православие – важнейший источник русской идеи. Благочестие сочеталось в России с безбожием. Споры о Боге прошли в интеллигентской среде через весь X1X век. Спорили горячо, не считаясь со временем, вечерами и ночами. Рассказывают, что однажды во время такого затянувшегося спора кто-то предложил поужинать, на что Белинский возмущенно воскликнул: «Мы еще не решили вопрос о существовании Бога, а вы хотите есть» (13). Не знаю, остались ли тогда голодными участники спора, но в дальнейшем русский народ предпочитал порой заботиться не о хлебе насущном, а выяснять свое отношение к Богу. После революции были казнены (в основном без суда) десятки тысяч священников, разрушены многие тысячи монастырей и церквей. При этом русские – религиозный народ. Окруженная ореолом мученичества, воспринимаемая как носитель нравственной чистоты, церковь быстро восстанавливает свои позиции. Воплощается в жизнь то, что было предсказано летом 1917 года, когда в португальской деревне Фатима явилась детям Богоматерь и предрекла близкую катастрофу в России, а затем духовное возрождение страны, спасительное для всего мира.

Главная проблема Канта и его последователей – свобода. Для решения антиномии свободы была написана «Критика чистого разума». Кантовское решение проблемы: эмпирический мир лишен свободы, она существует только в ноуменальном мире. Нравственное поведение требует действовать ноуменально в эмпирическом окружении. Православная религия сразу ставит верующего в ситуацию ноуменального мира, требует вести себя вопреки эмпирии. В

неопубликованной главе к роману «Бесы» Достоевского есть примечательный диалог. Ставрогин спрашивает епископа Тихона, может ли он своей верой сдвинуть гору. Ответ: если Бог велит, то смогу. Возражение Ставрогина: получается, как если бы Бог сделал это сам. Епископ не согласен: нет, это сделаете вы сами, но вера должна быть безграничной.

Православие более, чем западные ветви христианства, наделяет человека свободой воли. Если человек захочет, то, уповая на Бога, он может сдвинуть гору. Важно не то, что это произойдет, а что человек убежден в этом. Отсюда следующие пассажи у Ильина и Бердяева: «Православный русский верит в свободную волю и свободную совесть» (14). «В глубине русского народа заложена свобода духа большая, чем у более свободных и просвещенных народов Запада... Огромность свободы есть одно из полярных начал в русском народе и с ней связана "русская идея"» (15).

Поэтому вызывают улыбку нынешние наивные призывы и здесь «учиться у Запада». Дайте, мол, нам протестантизм с его индивидуализмом и предопределением, а то пропадем! В.Хорос надеется на то, что «будут развиваться в русском православии реформационные течения, способные выполнить функции, аналогичные европейскому протестантизму» (16). Нужны ли нам такие функции? Каждому свое!

Я не хочу сказать, что наши духовные дела в идеальном порядке. Есть в русском характере черта прямо противоположная личной свободе. Толстой назвал ее – «роевое начало», потребность прильнуть к таким же, как ты, подобно пчеле, прилипающей к рою. Безусловно, русская черта – привязанность к России в целом и к родным местам, к языку, к соотечественникам. Отсюда – ностальгия, тоска по родине, если теряешь ее даже на непродолжительное время. Быть за границей любопытно, но неуютно, несмотря на бытовые удобства: тянет домой, к родным устоям, за которые привычно держаться. Неистребима потребность в общении с близким (пусть, первым встречным) – не просто в обмене информацией, а в стремлении излить душу, вести доверительный разговор, когда тебя понимают и ты понимаешь с полуслова, а то и вовсе без слов – глазами, жестом, мимикой, ибо и так все ясно, хотя говорить можно без конца. Эту потребность быть частью целого, частью общей судьбы Толстой выразил в образе мужика Платона Каратаева («Война и мир»). Дворянин Чаадаев, бросивший вызов русской истории, четче других сформулировал это русское кредо: нами владеет прежде всего ощущение связи с отечеством, семьей, идейной средой; человек не имеет другого предначертания, как эта работа по уничтожению личного бытия и замены его бытием социальным и вполне безличным. Отсюда самозабвение в общих начинаниях. Воинская доблесть в первую очередь.

Роевое начало – залог успеха. Но и знак беды. Беду предчувствовал Достоевский. Его «Легенда о Великом инквизиторе» взята не из головы, а из глубин русского сердца, в которых он увидел готовность и даже потребность отказаться от личной свободы и ответственности, переложить их на кого-нибудь другого, верить и повиноваться ему, и – «непременно всем вместе». Достоевский предвидел Сталина – не человека, но явление.

Чуя беду, Достоевский всем своим творчеством стремился разбудить и укрепить присущее русской душе личностное начало. В этом смысле Достоевский – антипод Толстого, который видел в роевом начале только благо. Достоевский глубже проник в суть дела. И в русскую душу. Личностное начало испокон веку присуще русской культуре. Иногда приходится читать, что проблема личности возникла в России только в период становления буржуазных отношений, чуть ли не с Пушкина. Это неверно.

Христианская идея свободной личности изначально была принята православием. Каждая душа сама по себе «внемлет Богу», сама принимает решение и отвечает за него. Прочтите жития святых, каждый из них – личность. Более того, учитель жизни. Прочтите протопопа Аввакума, он говорит о личной ответственности на Страшном суде: «Несть помощника тогда и несть предстателя, ни отец сыну, ни мать дщери, ни друг другу несть помогающего, кождо от дел прославится или осудится» (17). Андрей Болотов, русский просветитель XVIII века, чьи «Записки» являют лучшую русскую прозу того времени – тоже личность, не идущая за «всеми» в своих решениях. А «История государства Российского», где выпукло и любовно вылеплены неповторимые русские характеры!

Русский характер – это не только «маленький человек» Акакий Акакиевич, но и «большой человек» – древний князь, гордо бросающий «Иду на вы», победитель Мамая Дмитрий Донской, казачий атаман Ермак, императрица Екатерина Великая, Суворов – имя им легион. Рачительный хозяин Хорь – тоже типично русский человек.

Как же совмещалось в русской душе роевое начало с личностным? Вот так и совмещалось. В русском национальном характере совмещаются противоположности. И непрерывно переходят друг в друга. Конечно, и у других народов можно найти подобные противоположности. Но только в России «тезис оборачивается антитезисом» (18).

Бросаться из крайности в крайность – типично русская черта: от бунта к покорности, от пассивности к героизму, от созидания к разрушению, от расчетливости к расточительству (от «купца» к «ухарю») и наоборот. Можно говорить о максимализме русского характера.

«Подлинно, – писал Н.А.Бердяев, – есть в русском духе устремленность к крайнему и предельному» (19).

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнугь, так уж сплеча.
....
Коль простить, так всей душой.
Коли пир, так пир горой.

Об антиномизме и максимализме русского характера, о взаимном превращении крайних противопопожностей забывать нельзя. Тем более, что наши недоброжелатели, акцентируя порою внимание на одной стороне дела, делают вид, что другой не существует. Искажение выдают за истину.

Органическое единство общего и единичного нашло выражение в понятии ***соборности.*** Это зерно русской идеи, центральное понятие русской философии, слово, не поддающееся переводу на другие языки, даже на немецкий – самый всеобъемлющий по части философской терминологии.

Собор – это церковь. В храм Божий приходят все вместе, следуют общему ритуалу, но каждый остается самим собой, возносит к Превышнему свою персональную молитву, держит ответ перед ним за свои поступки, ожидая воздаяния. Другое значение слова собор – собрание, церковный съезд; немецкий эквивалент – das Konzil. На этом основании С. Франк предложил соборный переводить как Konziliarisch. Л.Карсавин возражал, отмечая, что соборный не означает «признающий соборы как высший авторитет», карсавинский перевод – symphonisch («соборность – это симфония, гармоническая согласованность, всеединство»).

Н.Лосский был убежден в непереводимости термина. «Слово "соборность", – писал он, – уже принято в немецкой и англо-американской литературе. Содружество (Fellowship) английских и православных христиан, существующее в некоторых городах Великобритании и Соединенных Штатов Америки, издает даже журнал под названием «Sobornost» (20). Журнал «Sobornost» выходил в Англии *в* середине нашего века, ныне он прекратил свое существование; в ходу негативные оценки соборности. Так, живущий в Англии И.Голомшток утверждает: «Соборность – типично русское понятие, но я продолжаю считать, что национальные особенности здесь не при чем. Каждый народ проходит стадию коллективного сознания. Потом это рассыпается.

Русское сознание просто отстало от европейского» (21). Другое аналогичное мнение: «Соборность есть особое дорефлексивное состояние жизни» (22). Даже такой высокообразованный автор, как Г.Померанц, заявляет: «Соборность компенсирует недостаточную оформленность личности» (23).

В православных кругах придерживаются традиционной точки зрения: «Соборность – краеугольное понятие нашего времени, живущего под знаком двух полярно противоположных систем: абсолютного индивидуализма и абсолютного коллективизма» (24).

Соборность – слияние индивидуального и социального. Это общее, которое включает в себя богатство особенного и единичного, о чем писал Гегель, встречая подчас непонимание, поскольку оставался в сфере абстрактного мышления. Да, именно немцы поставили проблему неформального общего (ведь это и есть суть соборности) как реапьность абстрактной мысли. До Гегеля эта проблема занимала Шеллинга, которому принадлежит идея системы категорий: понятие становится конкретным в философской системе, где каждая категория занимает строгое место и связь с целым позволяет определить понятие. А начало, как всегда, – у Канта. Я имею в виду знаменитый параграф 77 «Критики способности суждения», где речь идет о недостаточности средств формальной логики. Силами рассудка нельзя постичь органическое целое. В обычной логике частное отличается от всеобщего случайными признаками, а в организме эта связь необходима. Поэтому, утверждал Кант, можно представить себе «другой рассудок», который не дискурсивен, а интуитивен, который необходимо ведет к связи частей.

Такова была давняя мысль Канта. Еще в 1772 году в письме к М. Герцу (это письмо за девять лет до «Критики чистого разума» было первой заявкой на этот труд) Кант противопоставляет обычный, дискурсивный рассудок интуитивному, божественному, которому известны прообразы вещей. «Однако, наш рассудок со своими представлениями не является причиной вещей, кроме морали с ее добрыми целями» (25). Очень важную оговорку делает Кант!

Русская мысль перевела разговор в область этики и религии, подала соборность как интуитивную очевидность, веками воспитанную православием в народе. Хомяков писал: «...В вопросах веры нет различия между ученым и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар ведения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все было едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия. Таков догмат, лежащий в глубине идеи собора» (26). По мысли Хомякова, соборное

единство есть «единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви». В блестящей работе С.С.Хоружего «Хомяков и принцип соборности» (27) справедливо отмечается, что соборность для Хомякова есть тождество единства и свободы, проявляемое в законе духовной любви, а сама свобода определяется в согласии с апостолом Иоанном как свобода самоосуществления в истине. Другие атрибуты соборности – органичность, благодать, любовь.

Историк русского богословия Г. Флоровский, признавая заслуги Хомякова, называет если не источник его вдохновения, то во всяком случае конгениального ему немецкого автора. Это тюбингенский теолог Иоганн Адам Мелер (Moehler). Откроем его работу «Единство церкви, или принцип католицизма» (1825). Читаем: «Католический принцип, объединяя всех верующих в единство, не устраняет при этом отдельной индивидуальности, ибо каждый индивид продолжает существовать в качестве живого члена церковной общины. Отдельная жизнь как таковая имеет свои особенности, которые не должны исчезнуть; воистину целое перестанет существовать, если пропадут особенности отдельных индивидов, из которых оно складывается. Именно благодаря множеству особенностей индивида, благодаря их свободному и непринужденному развитию, возникает организм, «цветущий и плодоносящий» (28).

Мелер был учеником Шеллинга и Гегеля, их диалектику он применил для критики протестантизма, перекладывающего на индивида все дела веры. Православные мыслители были убеждены в том, что католицизм, критикуя протестантизм, не устоял перед противоположным соблазном и построил строго регламентированное христианство. Вот мнение Бердяева о соборности как православной добродетели: «Соборность противоположна и католической авторитарности и протестантскому индивидуализму, она означает коммюнитарность, не знающую внешнего над собой авторитета, но не знающую и индивидуалистического уединения и замкнутости» (29) . В другом месте Бердяев противопоставляет соборность коммунистической соборности, коллективизму, где подавляется личность в ущерб навязанной извне «общей воле».

Насколько соборность укоренена в жизни? Вячеслав Иванов, поэт и философ, рассматривает соборность как идеальную величину. «Соборность – задание, а не данность, она никогда еще не осуществлялась на земле всецело и прочно, и ее также нельзя найти здесь или там, как Бога». По мнению Иванова, рассматривающего феномен соборности, «нет ни типического явления в жизни, прямо и всецело ему соответствующего, ни равного ему по содержанию логического понятия.

Смысл соборности такое же задание для теоретической мысли, как и осуществление соборности для творчества жизненных форм» (30) .

Можно подумать, что Иванов не был знаком с работой С. Трубецкого «О природе человеческого сознания», где понятие соборности раскрывало суть поставленной проблемы. Трубецкой исходил из Канта, определившего познавательные формы как трансцендентальные. Он упрекнул Канта за то, что тот не провел достаточного различия между трансцендентальным и субъективным. Трансцендентальное, по Трубецкому, соборно. Во всех актах теоретического и этического характера мы держим внутри себя собор со всеми. И вот его вывод: «Сознание не может быть ни безличным, ни единоличным, ибо оно более, чем лично, будучи соборным» (31).

Упреки С. Трубецкого основательны и справедливы – только в отношении неокантианства. Сам Кант знал различие между субъективным и трансцендентальным; он ввел понятие трансцендентального, чтобы возвысить знание над субъективностью. В гносеологическом плане русская соборность означает то же, что и немецкая трансцендентальность.

Но главное – практический, социальный аспект. Анализ соборности в этом плане содержит работа С. Франка «Духовные основы общества», к которой мы еще вернемся: сегодня она особенно актуальна. После краха фашизма и социализма порой слышишь, что любая общность плоха, уродует человека, ведет к насилию, если не физическому, то духовному. Не буду ссылаться на ученые трактаты, назову популярный «воспитательный» фильм для молодежи «Волна». Это не искусство и не хроника, это публицистика: в американской школе учитель проводит эксперимент – для учеников создается некое сообщество «Волна», где есть своя иерархия, дисциплина, ритуал. Ребятам это нравится, но учитель объясняет им, что таков путь к Гитлеру. Идея фильма: любая общность ведет к тоталитаризму, только индивидуальность самоценна.

Сегодня из США приходят и иные идеи. «Нынешняя критика политического либерализма приходит из Америки, возвращая в Западную Европу понятие об общности. Новая коммунитаристическая критика либерализма во многих отношениях более убедительна, чем прежняя, ориентированная на противостояние (доброй) общности (дурному) обществу. Ее острие направлено как против тоталитаризма, так и против либерализма» (32). Процитированная немецкая работа посвящена полемике с коммунитаризмом (не путать с коммунизмом) – учением об общности. Коммунитаризм – последнее, можно сказать, постсовременное слово американской социальной мысли.

Постсовременность – возврат к достижениям прошлых эпох. Наши мудрые соотечественники еще в прошлом веке пришли к выводу:

существуют различные виды общности, есть ложная, но может быть и подлинная. Тяга к общности – не стадный инстинкт. Будущее человечества – в высокой общности, где личность полностью раскрывает себя. Идея соборности решает эту проблему, проблему космической эпохи. Человечество начинает со стадности, затем преодолевает ее **и** рождает более высокую общность. Индивидуализм способствует выходу из стадности, но сам он – не высший плод культуры.

Что касается ложной общности, то этот вид социальной организации может представлять собой опасность для человечества. Сюда относятся связи, основанные на представлениях о национальной исключительности («раса господ», «избранный народ»), преступные организации (мафия), организации с тайными целями (масонские ложи), политические партии «нового типа», куда трудно было войти, а еще труднее выйти (КПСС, НСДАП и др.). Все эти общности построены по иерархическому принципу, открывают бездну преимуществ для «своих» и направлены на подавление «иных». Соборность отличается от этих видов общности своей открытостью, общедоступностью и человечностью. Будущее принадлежит соборности.

Хомяков говорил, что спасать надо не человека, а человечество. Вл. Соловьев отвергал индивидуализм. Идею личного спасения он называл «средневековым миросозерцанием», делом прошлого. Спасаться надо не отдельными делами, а одним, общим делом человечества. «Философия общего дела» – это уже наименование учения космиста Николая Федорова. В русском космизме идея соборности обрела деятельные черты. Абстрактные призывы Соловьева к добру воплотились здесь в конкретную программу: человечество должно объединиться против извечного врага смерти, вернуть к жизни ушедшие поколения, для размещения и прокормления которых надо освоить космос.

Павел Флоренский, поясняя идею соборности, берет для сравнения русскую песню. Она гетерофонична, то есть допускает полную свободу голосов при сохранении гармонического единства, в ней нет раз навсегда неизменных партий, при каждом из повторений напева появляются новые варианты как у запевалы, так и у хора. Последний нередко вступает не в том месте, как ранее, а то и вовсе не умолкает во время запева. Единство достигается внутренним взаимопониманием, каждый более или менее импровизирует, но тем не разлагает целого, – напротив, связывает прочней, ибо общее дело вяжется каждым исполнителем – многократно и многообразно. Суммируя некоторые идеи труда «У водораздела мысли», Флоренский писал: «Живя, мы соборуемся сами с собой – и в пространстве, и во времени, как целостный организм, собираемся воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр. и пр.

Подобно мы собираемся в семью, в род, в народ и т. д., соборуясь до человечества и включая в единство человечности весь мир» (33) .

У Ильина читаем: «Русский поющий хор есть истинное чудо природы и культуры, в котором индивидуализированный инстинкт свободно находит себе индивидуальную и верную духовную форму и свободно слагается в социальную симфонию... Коммунистическая революция есть в действительности глубокая историческая реакция: попытка вернуться к доисторической первобытной коллективности, к недифференцированному состоянию души и общества» (34).

Лосский писал: «Соборное единение различных народов предполагает возможность взаимопроникновения национальных культур. Как аромат ландыша, голубой цвет, гармоничные звуки могут наполнять одно и то же пространство и сочетаться воедино, не утрачивая своей определенности, так и творения различных национальных культур могут проникать друг в друга и образовать высшее единство». (35) Соборность – категория всемирного единения. О соборном единении различных народов мечтал Николай Лосский.

В философском плане понятие соборности тесно связано с древней диалектической категорией всеединства, означающего взаимное проникновение, тождественность частей и целого. Сохраняя свое многообразие, эти части едины друг с другом и со своим цепям вплоть до полного совпадения, но и сохранения своей неповторимости. Эта идея возникла у досократиков, а через средневековую схоластику и возрожденческий пантеизм влилась *в* немецкую классику. Шеллинг называл свое учение философией всеединства. Не ссылаясь на Шеллинга, В. Соловьев положил идею всеединства (в разных аспектах) в основу своего мировоззрения. У последователей Соловьева эта идея получила широкое распространение.

Составная часть русской идеи – эсхатология. Помимо евангельских корней она впитала в себя и немецкую их трактовку. Кант (в своем маленьком шедевре «Конец всего сущего») мог позволить себе иронию над Апокалипсисом: развитие беспредельно, считал он. Но уже у Шеллинга идея конца истории приобретает более строгий, «позитивный» смысл: бесконечный прогресс опасен, пора остановиться. Русская эсхатология активна и оптимистична. Русские видели в последней книге Евангелия предупреждение человечеству: катастрофа наступит, если люди не предотвратят ее, последнее в их силах. Русская эсхатология гуманистична, она предполагает не уничтожение, а преображение человечества. Здесь уместно вспомнить о «сверхчеловеке» Ницше. Для Соловьева и Федорова сверхчеловек – это будущий человек, который преодолеет свою главную беду – подчинение смерти, и встанет на один уровень с Богом.

Каков облик будущего «сверхчеловека», победителя смерти? Федоров высказывает гипотезу, поражающую воображение: будущее человечество он видит «всеединым существом». При сохранении личности! Это будут особые узы, связывающие людей. Федоров находит их в образе Троицы, где Бог един и выступает в трех ипостасях. Так и человечество – по образу и подобию Бога станет бессмертным, единым, многоликим. Мировое всеединство при сохранении индивидуальности – такова космическая соборность Федорова, его идея. Бердяев согласен с тем, что космическое предназначение человека играет в «русской идее» главную роль.

К какому выводу мы пришли? Повторим: русская идея – это предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении. Она родилась в России, но опиралась на западную, прежде всего немецкую философскую культуру. Ее источники: русский исторический опыт, православная религия, немецкая диалектика. Русская идея имена целью объединить человечество в высокую общность, преобразовать в фактор космического развития. Сегодня русская идея (порой – под другими именами) возрождается, наполняя особым смыслом наше потускневшее автомобильно-электронное бытие.

Остается ответить на вопрос, почему идея объединения и спасения человечества называется русской? Случайно ли, что она родилась именно в нашей стране, или существует глубинная связь между перечисленным комплексом идей и жизнью русского народа? Постараемся обосновать последнее.

Не надо напоминать о наших просторах, о разноплеменности русского народа. Есть и еще нечто существенное, на что обратил внимание В. В. Розанов в своей крайне важной для нашей темы статье «Возле "русской идеи"...». Это – общая тягостная ситуация русской жизни. Народ, живущий в смирении и терпении, не может не тянуться к мечте о всеобщем братстве. Вот побудительные причины «для всякого народа в унижении» (36) мечтать о лучшей доле не только для себя, но и для всех. Розанов цитирует одного из героев Достоевского: «Истинный Вечный Бог избрал убогий народ наш, за его терпение и смирение, за его невинность и неблистанье, в союз с Собою: и этим народом он покорит весь мир своей истине...».

По горькой иронии судьбы народ, выносивший идею всеобщего братства, был вовлечен в кровавый катаклизм, в котором вместо обетованного рая на земле и спасения он оказался ограбленным, раздавленным и поставленным на грань уничтожения. Сегодня русская идея прежде всего звучит как призыв к национальному возрождению и сохранению материального и духовного возрождения России. Русская идея актуальна сегодня как никогда, ведь человечество (а не только

Россия) подошло к краю бездны. Вот почему омерзительны все сегодняшние попытки представить русских в своей идее как народ рабов и одновременно агрессоров.

Постсовременное мышление актуализирует прошлое на более убедительном уровне. Русская идея – это составная общечеловеческой христианской идеи, изложенная в терминах современной диалектики. В ней сформулирована цель. Не средства. Но великая цель. Это уже много.

Формула русской культуры

Формула русской культуры немудреная — «православие, самодержавие, народность». Принадлежит она министру просвещения при Николае II С.С.Уварову. Свою знаменитую триаду он сформулировал в 1832 году в пояснениях к отчету об инспекции Московского университета (опубликовано в сборнике постановлений министерства народного просвещения, СПб, 1876).

В религии — единственное надежное средство воспитания морали. Человек по природе зол. Его нужно воспитать к добру, для этого нужна «этическая община», каковой является церковь.

Не следует смешивать нравственность и мораль. Для воспитания морали необходимо представление об идеале, с которым человек обязан соотносить свое поведение. Образы христианской религии, ее категорическая заповедь любви к ближнему – наиболее общедоступное и действенное средство морального воспитания, которое необходимо сегодня прежде всего.

Без православия нет русской культуры. Православная церковь – единственный социальный институт, оставшийся неизменным на протяжении веков. Православие принесло нам письменность и государственность. Мощная киевская держава – прямой результат принятия Русью христианства; освобождение от татарского ига и возвышение Москвы, собравшей вокруг себя русские земли, связано с именем Сергия Радонежского. Пересвет и Ослябя – герои Куликова поля, свято-витязи, монахи и одновременно воины, сражавшиеся в рясах поверх доспехов. Не только русская воинская доблесть, не только повседневный труд и быт, но и русское просвещение носило религиозные черты. Ломоносов, Державин, Болотов – глубоко религиозные люди. Русскую классику X1X века понять вне православной религии невозможно. Откуда патриотический пафос «Истории государства Российского»? Откуда нравственный подвиг Татьяны Лариной? Куда устремлены помыслы Гоголя? Как понять героев Достоевского и Толстого? Философские идеи Владимира Соловьева? А русский

религиозно-философский ренессанс, выступивший достойным продолжателем художественной классики и выдвинувший русскую философскую мысль на мировой уровень. Что питало его? Где искать побудительные причины всего того, что составляет духовную гордость земли русской? Русская культура и православие в основе своей нерасторжимы, тождественны.

Сегодня мы осознали глубину нашего падения, и помыслы о национальном возрождении связываем с деятельности церкви. Это уже общественное движение. В культуре – возрождение интереса к отечественной традиции. Есть у нас свои национальные ценности, которые приносят катарсис русскому человеку. Нация – общность святынь, религия – их создатель и хранитель.

Я вспоминаю, как в Москву приезжал мюнхенский профессор философии Райнхард Лаут, чтобы выступить перед столичной интеллигенцией и раскрыть ей значение православия. Запад, говорил он, ждет от России духовности, той, что дал Достоевский и его последователи. Достоевский – вершина мировой культуры. На вопрос, почему он не переходит в православие, Лаут ответил, что в этом нет необходимости: он и так прекрасно чувствует себя в православном храме. В последнем я мог убедиться воочию: Лаут истово молился в Тропаревском храме св. Михаила Архангела, ничем не отличаясь от местных прихожан.

Автор выпущенной в Вене книги «Русская душа» Катарина Бета, принявшая православие, популярно растолковывает смысл этой религии. «В восточном благочестии доминирует не идея справедливости, а идея любви» (37). Православие отвергает индивидуальное спасение в пределах человеческой истории, спасение – космическое событие, в которое вовлечена Вселенная. «Антропология, космология и вера в спасение находятся здесь в неразрывном единстве... в конце времен при всеобщем спасении вместе с людьми превратится старая земля в «новую землю» и старое небо в «новое небо». Творческое преобразование творения охватывает не только человека, но и весь универсум» (38).

* * *

Самодержавие. Речь идет не об абсолютизме, безграничной и бесконтрольной власти, тем более – не о тоталитаризме. Такой властью – неправой и кровавой большевики наделили Ленина и Сталина, а русские цари правили с оглядкой на закон и совесть, общественное мнение. Николай I, указывая на собственную грудь, говорил: «Все должно исходить отсюда». (Но в груди – сердце, и, как известно, царь отменил

большинство смертных приговоров, вынесенных судом вождям неудавшегося дворянского бунта в декабре 1825 года). Его наследник Александр II стал вводить на Руси либеральные нравы, отменил крепостное право (Сталин снова ввел его в виде колхозного строя) и так плохо охранял себя, что (после ряда неудавшихся покушений) был убит на улице.

Теоретик самодержавия И. Ильин отмечает: «Самодержавие отвергает, осуждает и исключает абсолютизм, а абсолютизм отвергает основное в правах Государя, ибо он не признает его ЗАКОННЫМ монархом, он отрицает его высокое призвание верховного субъекта права, он снижает его звание до звания *тирана,* он разлагает и разрушает самую правовую форму монархии» (39). Другой сторонник монархии с ним солидарен: «Самодержавие ...есть активное самосознание народа, концентрированное в одном лице» (40).

Изъяны самодержавия известны всем: оно легко перерастает в абсолютизм; Ленин-Сталин, правда, обходились без трона. А изъяны других форм правления'? Сегодня только и слышно «демократия», так ли она безупречна? Цену русской демократии показал февраль 1917 и октябрь 1993 года: демократия быстро выродилась в охлократию (власть толпы) и демонократию (власть «бесов», по Достоевскому).

Еще в древности демократия скомпрометировала себя процессом Сократа. «Пятьсот афинских торговцев и матросов приговорили Сократа к смерти за неправильные философские убеждения» (Зощенко). Ученик Сократа Платон виден в демократии «жесточайшее рабство». Кант во всем был антиподом Платона, но сходился с ним в неприятии демократии. «Демократия неизбежно есть и деспотизм» – его слова (41).

Выдвинув тезис, Кант мыслит об антитезисе, и если не формулирует синтез, мы чувствуем истину в наличии двух противоположных положений. Демократия вырождается в деспотизм, таков тезис. Антитезис заключается в заботе о правовом устройств« государства, преодолении беззакония. Правопорядок требует трех условий: 1) правильной конституции, 2) многовекового опыта, 3) доброй воли. Если нет хотя бы одного из этих условий – ничего не получится. Поэтому осторожнее с демократией, прислушайтесь к Канту, не верьте на слово мнимым народоправцам!

Павел Флоренский, томясь на Лубянке в ожидании казни, написал политическое завещание – трактат «Предполагаемое государственное устройство в будущем», исполненный тревоги за судьбу родины. Трактат сохранился в архивах госбезопасности и был недавно опубликован, он достоин внимательного прочтения. «Бюрократический абсолютизм и демократический анархизм равно, хотя и с разных сторон уничтожают государство... Политическая свобода масс в государствах с

представительным правлением есть обман и самообман масс, но самообман опасный, отвлекающий в сторону от полезной деятельности и вовлекающий в политиканство. Должно быть твердо сказано, что политика есть специальность столь же недоступная массам, как медицина или математика и потому столь же опасная в руках невежд, как яд или взрывчатое вещество. Отсюда следует соответственный вывод о представительстве: как демократический принцип оно вредно и, не давая удовлетворения никому, вместе с тем расслабляет целое. Ни одно правительство, если оно не желает краха, фактически не опирается на решение большинства в вопросах важнейших и вносит свои коррективы; а это значит, что по существу оно не признает представительства, но пользуется им как средством для прикрытия своих действий» (42).

А вот предостережение другого мудрого патриота – Ивана Ильина: «Замечательно, что на введении демократии в грядущей России настаивают, во-первых, неосведомленные и лукавые иностранцы, во-вторых, бывшие российские граждане, ищущие ныне разложения и погубления России. На самом деле «демократия» не есть легко вводимый и легко устрояемый режим. Напротив – труднейший... Демократия предполагает исторический навык, приобретенный народом в результате долгого опыта и борьбы, она предполагает в народе культуру законности, свободы и правосознания; она требует от человека – политической силы суждения и живого чувства ответственности. А что же делать там, где всего этого нет? Где у человека нет ни имущественной, ни умственной, ни волевой самостоятельности? Где все подготовлено для своекорыстия и публичной продажности? Где дисциплина не сдерживает личного и совместного произвола? Где нет ни характера, ни лояльности, ни правосознания? Все-таки вводить демократический строй? Для чего же? Чтобы погубить государство и надругаться над всеми принципами демократии? Чтобы все кончилось коррупцией, безобразной смутой и разложением государства? И все во имя доктрины?» (43). Как будто предвидел Ильин сегодняшнюю нашу ситуацию.

Демократия для своего существования, считал Ильин, предполагает в народе чувство государственной ответственности, собственного достоинства, элементарной честности, политического кругозора. Всего этого наш народ за десятилетия рабского состояния был лишен. Народ нищ, подавлен, запуган, развращен. Вот почему нельзя вводить в России демократию любой ценой. Нет, н« демократия нужна нам сегодня, а «твердая национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая сверху выделить свои подлинно лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве. Только такая диктатура и может спасти

Россию от анархии и затяжных гражданских войн» (44). Ильин отвергает альтернативу – либо тоталитарное рабство, либо последовательная демократия. По его мнению, дано третье – либеральная диктатура.

Горячим сторонником демократии среди русских мыслителей-эмигрантов был Б. Вышеславцев. Демократию он, правда понимал как форму не власти, а права. «Власть народа можно критиковать, как и всякую другую власть» (45).

Монархия обладает для нас целым рядом несомненных достоинств. Прежде всего это символ единства страны. Монарх возвышается над партиями и национальностями. Дореволюционная Россия была содружеством народов благодаря царю. Смертельная национальная вражда – порождение послеоктябрьской диктатуры.

Самодержавие вытекает из православия: царь – помазанник Божий. Он носитель не только высшей власти, но и высшей благодати. Увидеть его – катарсис. Лев Толстой рассказывает о волнении молодого Ростова, увидевшего Александра I («Война и мир»). Сверхъестественная аура возникла по инерции и вокруг лжесамодержца Ленина, еще больше – вокруг Сталина (очень уж старался, да и выигранная война помогла). А вот Брежнев, как ни пыжился, все равно выглядел случайной, анекдотической фигурой. И дело тут не только в маразматической внешности и одиозной политике, просто после горького многолетнего опыта народ понял: тоталитарные временщики – не от Бога, а от дьявола.

Тоталитаризм – порождение XX века. Тоталитаризм означает проникновение государственного контроля и насилия во все поры жизни. Завели его на Руси коммунисты. Ни один монарх не вмешивался в хозяйственную деятельность подданных, в их личные дела. Нет большей клеветы, чем обвинять старую Россию в тоталитаризме, Это делают те, кто хочет скомпрометировать прошлое народа, чтобы дезорганизовать его в настоящем и будущем. Такие хотели бы видеть «суверенные» клочки России, но как черт ладана боятся возрождения монархии.

Есть в легитимной монархии еще одно бесспорное преимущество: отработанный механизм передачи власти. Наследник известен, его сызмальства готовят к высокой роли (и высоким обязанностям!). «Король умер, да здравствует король!» А тут, что ни смена «генсека» (а теперь и президента), то государственный переворот. Сталин пробирался к власти тихой сапой, отстраняя и уничтожая: соратников – соперников. Хрущев (устраняя Берию) ввел в Москву танки, сам слетел в результате дворцовой интриги. А как назвать происходящее сегодня? Если это демократия, то что такое бюрократическая олигархия, разбой и надувательство? Демократия, как известно, есть господство «с помощью народа и для народа». Наши «народоправцы» принимали

только первую часть формулы – «с помощью народа», вторая часть в их понимании звучит — «для себя».

«Демократия – это средство, а не цель» – из откровений Хрущева («Бодался теленок с дубом»). Для Хрущева (и некоторых других) это действительно было средством «жить не по средствам», схватить власть и насладиться всласть. Иное дело, демократия как цель, как благо народа, которому дают править там, где он должен быть хозяином – в собственном поле, доме, на предприятии. В этом плане русские цари были подлинными демократами. Страна процветала, а самодержец от народа не отгораживался. Не мчался на бронированном автомобиле, давя зазевавшихся прохожих. Романовы прогуливались без охраны. Пушкин не придумал заключительной сцены в «Капитанской дочке», такое бывало повсеместно, и не только в XVIII веке. Николай II любил ходить пешком, здоровался за руку с прохожими, а на Светлое Воскресенье христосовался с солдатами.

Демократия **как цель –** достойное завоевание культуры. Люди неравны (по природным данным и по имущественному положению), установить полное равенство невозможно (об этом мог мечтать только Петр Верховенский: «Мы всякого гения потушим в пеленках»), но недопустима и другая нелепость – привилегии по происхождению или по «номенклатуре»; равенство прав и возможностей – великое достижение.

Подлинный аристократизм – демократизм духа и быта. Аристократ не кичится ни своим происхождением, ни богатством (если таковое имеется). Хорошим тоном у дворян считалось не кичиться своим положением; отсюда – «хождение в народ», стремление «опроститься».

От единовластия нам не уйти. Весь вопрос в том, какого рода единовластие нас ожидает: выросший из демонократической анархии бюрократический абсолютизм или «либеральная диктатура», как предрекал ее И. Ильин, оставивший, правда, без уточнения это понятие. Впрочем, все ясно: нам не нужна диктатура пролетариата, как понимал ее Ленин, – не ограниченная законом, опирающаяся на насилие. Повторять прошлое нет нужды. Дай нам Бог диктатуру, ограниченную законом и опирающуюся на моральное сознание. Либеральный значит свободный (но отнюдь не слабый, речь идет о сильной власти). Либеральная диктатура свободна от беззаконий, коррупции и прочих достижений «развитого социализма» и постсоциалистического беспредела. Где ее взять? Кто возложит на себя ответственность? И по какому праву?

Не по избирательному, которому «место в крематории» (П. Флоренский). Выборы – не панацея. Гитлер пришел к власти парламентским путем. Жизнь короля во Франции была продана большинством в один голос. Русского царя убили вообще без голосования с помощью «демократического централизма» – по команде

из центра. «Большинство – это глупость. Разум всегда у немногих», – предупреждал Шиллер. Победа на выборах – «ловкость рук» (и средств массовой информации). Сила – тоже не право на власть. Танки на улице – признак бессилия (по крайней мере, умственного). Помимо традиционной легитимности существует только одно бесспорное право – государственная мудрость, она покоряет своей очевидностью.

«На созидание нового строя, долженствующего открыть новый период истории и соответствующую ему культуру, – писал Флоренский, – есть одно право – сила гения, сила творить этот строй. Право это одно только не человеческого происхождения и потому заслуживает названия божественного. И как бы ни назывался подобный творец культуры – диктатором, правителем, императором или как-нибудь иначе, мы будем считать его истинным самодержцем и подчиняться ему не из страха, а в силу трепетного сознания, что перед нами чудо и живое явление мощи человека» (46).

Но где гарантия, что перед нами именно «чудо», а не очередной самовлюбленный, безграничный, обезумевший выскочка? Есть отработанный механизм ограничения законом самовластья, и мудрость правителя состоит прежде всего в том, что он свято его соблюдает, – принцип разделения властей. Кант называл этот принцип «республиканизмом» и считал осуществимым в рамках монархии. Одна инстанция издает законы, другая управляет на основании этих законов, а третья судит и контролирует. Монарх стоит над ними как воплощенное правосознание.

Фридрих Великий – герой Канта, вошел в историю не только отчаянной вооруженной борьбой за сохранение Пруссии, которую готовы были уничтожить европейские державы, но и тем, что заложил основы немецкого правосознания. Характерна легенда о мельнике из Сан-Суси. Рядом с летним дворцом Фридриха стоит мельница. Говорят, что ее шум мешал королю. Он хотел купить мельницу, но хозяин отказался ее продать. Фридрих подал в суд и проиграл дело. Пришлось королю смириться. Скорее всего так не было, но легенда красноречива.

На право надейся, а сам не плошай! Когда нет моральных устоев, ни что не поможет, рухнет любое право. Совместима ли политика с моралью? Безусловно. Более того, истинная политика не может сделать ни шага. не присягнув заранее морали. Кант, который придерживался такого мнения, указал и гарантию моральной политики – гласность, Именно гласность решает и кантовскую антиномию демократии, предотвращает возможные злоупотребления ею. Нет демократии там, где тайком от имени народа творится беззаконие, демократия только там, где действуют открыто, творя народное благо.

Гласность – великое благо. Отмена цензуры открыла глаза на сущность режима. Стало ясно. что виноват не только Сталин, но и его предшественник «со товарищи». Открыто заговорили о послеоктябрьском антирусском геноциде и о других наших бедах.

Увы, все переходит в свою противоположность, «разум становится безумием, благодеяние – злом» («Фауст»). В недобросовестных (аморальных) руках печать, радио, телевидение превращаются в средство массовой дезинформации, в орудие манипуляции сознанием. Голос комментатора – не глас Божий. Как можно верить телевещателю, который уверяет, что расстрел парламента — лучшее средство укрепить народовластие?

Русские склонны к покаянию: чувство вины – основа морали. Расставаясь надолго или навсегда, русский просит простить его: «прости, прощай» (немец в подобных случая просто желает всего хорошего – Lebwohl), но без предела каяться нельзя. Чтобы рана зажила, надо ее, очистив, оставить в покое.

В 1947 году повелось мне видеть на сцене театра им. Геббеля (Берлин) пьесу Сартра «Мухи» – парафраз «Орестеи» Эсхила. История о том, как сын царя Агамемнона Орест отомстил убийцам своего отца, убил мать Клитемнестру и ее сообщника Эгисфа, который захватил трон Агамемнона.

Сартр использовал древний сюжет для экзистенциалистских размышлений о свободе личности. Режиссер Юрген Фелинг перенес акцент на актуальную дня послевоенных немцев проблему вины и покаяния. Перед зрителями гнетущая картина города Аргоса, проклятого богами за совершенное в нем цареубийство, – стены домов испачканы запекшейся кровью (а, может быть, экскрементами), люди в траурной одежде, и висит над городом черное солнце. Боги Аргоса (и царь Эгисф) ловко держат народ в оцепенении, нагнетая истеричное состояние непрерывного самооплевывания. Режиссер как бы говорил: да, мы, немцы, несем ответственность за фашизм, но нельзя без конца тыкать нам это в лицо, дайте передохнуть, взгляните на себя.

Сегодня нас, русских, обвиняют в смертных грехах, – действительных и мнимых: мы приняли Ленина, затем Сталина, затем Брежнева, мы империалисты и захватчики. Гитлер всего на несколько недель опередил нас. Мы – антисемиты, антигрузины, антибелоруссы и т. д. и т. п. Мы должны только каяться, каяться и каяться, посыпать голову пеплом и рвать на себе рубашку.

Мы, действительно, попали в беду, но чтобы покончить с ней, чтобы вырваться из трясины, нужны ориентиры, нужны опоры, в том числе и в истории. Нельзя жить одной «чернухой». Неужели в прошлом у нас все черным-черно и не на что опереться?

* * *

Что такое народ? Ап. Григорьев полагал, что народ это собирательное лицо, слагающееся из черт всех слоев общества, высших и низших, образованных и необразованных, богатых и бедных, слагающееся не механически, а органически; литература бывает народна, когда она выражает взгляд на жизнь, свойственный всему народу, определившийся с большей полнотой в передовых слоях.

Народность русской классической литературы состоит в том, что она раскрывает сокровенную жизнь национальной души. Воплощением такой народности был и остается Пушкин. Недаром сам поэт называл себя «эхо русского народа». Гоголь говорил, что Пушкин есть, «может быть, единственное явление русского духа». Белинский любил повторять эти слова. С них начал свою знаменитую пушкинскую речь Достоевский, который обрисовал духовный облик русского народа, отметив как наиболее его характерную черту «всемирную отзывчивость», т.е. способность к пониманию любой другой культуры, стремление к объединению человечества.

Вот почему нет оснований опасаться русского шовинизма: его как массового явления нет и быть не может. Когда мы говорим «мы», «наши», это не призыв к вражде, это не значит «бей других», это призыв к внутренней солидарности. Сегодня мы на краю пропасти и только общими усилиями можем от нее отползти. Отсутствие национального самосознания – причина наших бед, спасение – в национальном возрождении. Иван Ильин пишет по этому поводу: народ с колеблющимся инстинктом национального сохранения не может отстаивать свою жизнь на земле; народ должен чувствовать свое единство, сопринадлежность, самобытность. «Национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ к духовному расцвету. Это есть некий *восторг* (любимое выражение Суворова) от созерцания своего народа в плане Божьем и в дарах его Благодати... в национальном чувстве скрыт источник достоинства, которое Карамзин обозначил когда-то как «народную гордость»; в нем также – и источник единения, которое спасало Россию во все трудные часы ее истории; и источник государственного правосознания, связующего «всех нас» в живое государственное единство» (47).

Национальный вопрос сегодня находится в центре многих социальных коллизий. В нашей стране отношения между народами осложнены некомпетентным административным, порой преступным вмешательством в их жизнь. Говорили о «дружбе народов», а воспитывали вражду. Где, когда целые нации подвергались гонениям и

депортации, сгонялись с насиженных мест и отправлялись, как преступники, на поселение? Для иных Россия превратилась в «тюрьму народов», из которой надо бежать, сломя голову.

Национальный вопрос запутан у нас до предела. Начать с того, что мы живем во власти формальных, догматических представлений о природе наций. Мы все еще толкуем о сталинских «четырех признаках» – общность экономики, территории, языка и «психического склада». Пример евреев и цыган однако показал, что можно сознавать себя нацией, не имея ни своей территории, ни общей экономики. Вопрос о национальной территории оказался особенно порочным в последние годы. «Это наша земля», – говорят армяне в Нагорном Карабахе и требуют присоединения его к своей республике. «Нет, наша», – отвечают азербайджанцы, и начинается междоусобица, конца которой не видно. «Уходите с нашей земли, мигранты и оккупанты», – говорят эстонцы русским, забывая, что за землю эту заплачено и русской кровью, что в эту землю вложен и русский труд, что рядом их соплеменники финны спокойно уживаются со шведами, шведский язык обязателен, как и финский, хотя шведов в Финляндии всего пятая часть населения.

Вопрос о единстве языка крайне важен для жизни нации, и все же не он определяет ее бытие: швейцарская нация говорит на трех языках; евреи, отправляющиеся на вновь обретенную родину, заново учат иврит. Русские эмигранты во втором и третьем поколении порой едва говорят на родном языке, но считают себя русскими и тоскуют по родной земле.

«Психический склад» – это уже нечто более серьезное. Разумеется, речь идет не о каких-то отдельных черты характера, принадлежащих только данному народу, этого нет, есть некая целостность «народной души», которая входит в более широкое понятие национальной культуры. Единство культуры, понимаемой как система ценностей, – вот главный признак нации. Здесь много иррационального, совершенно необъяснимого, но это реальность, с которой приходится считаться: образ жизни, традиции, привычки, взаимоотношение и взаимодоверие, то, чем мы больше всего дорожим, без чего мы чувствуем себя несчастными.

Нация являет собой органическое единство, частью которого чувствует себя человек от рождения и до смерти, вне которого он теряется, становится незащищенным. Нация – это общность судьбы и надежды, если говорить метафорически. Прав Бердяев: «Все попытки рационального определения национальности ведут к неудачам. Природа национальности неопределима ни по каким рационально-уловимым признакам. Ни раса, ни территория, ни язык, ни религия не являются признаками, определяющими национальность, хотя все они играют ту или иную роль в ее определении. Национальность – сложное историческое

образование, она формируется в результате сложного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу в ходе духовно-культурного процесса, созидающего ее неповторимый духовный пик. И в результате всех исторических и психологических исследований остается неразложимый и неуловимый остаток, в котором и заключается вся тайна национальной индивидуальности. Национальность – таинственна, мистична, иррациональна, как и всякое индивидуальное бытие» (48).

Разрушение традиционных устоев (веками сложившейся системы ценностей) губительно для нации. Коммунистический режим, хозяйничавший в нашей стране, только этим и занимался. Целью было «слияние наций», а точнее – превращение народов в легко манипулируемое быдло. Современные этнические конфликты – прямое следствие такой политики.

Нация – это общность святынь. В былые времена «русский» и «православный» были синонимами. Если ты крещен, все права тебе и полное доверие, никто не станет спрашивать о папе и маме, дедушке и бабушке, вычислять, сколько процентов в тебе «чистой» крови – пятьдесят или двадцать пять. Этот расистский бред – порождение наших дней, казарменно-социалистических порядков.

Нации не собираются сливаться, но не нужно устанавливать дополнительные перегородки между ними. Национальность – вопрос не происхождения, а поведения, не «крови», а культуры, того культурного стереотипа, который стал родным. Это то, что немцы называют Wahlheimat. Каждый волен сам выбирать себе национальность, нельзя в нее затаскивать, нельзя из нее выталкивать. Можно жить среди русских и не принимая их «веру». (Тогда только не надо претендовать на лидерство, нельзя рассматривать народ как средство, как материал для манипуляции, это вызывает протест и эксцессы). Полное приятие культуры народа, слияние с ней, готовность разделить судьбу народа, делают любого «иноверца» русским, как, впрочем, и немцем и т. д.

Разумеется, национальную принадлежность не выбирают, как галстук. Это происходит порой бессознательно, просто чувствуют неразрывную связь с людьми, со средой, в которой вырос, со святынями. «Мы сознаем себя членами нации, – пишет С. Булгаков, – потому что реально *принадлежим* к ней, как к живому духовному организму. Эта наша принадлежность совершенно не зависит от нашего сознания; она существует до него и помимо него и даже вопреки ему. Она не только есть порождение нашего сознания или нашей воли, скорее, наоборот, само это сознание национальности и воля к ней суть порождения ее в том смысле, что вообще сознательная и волевая жизнь уже предполагают некоторое бытийственное ядро личности как питательную и

органическую среду, в которой они возникают и развиваются, конечно, получая затем способность воздействовать и на самую личность» (49).

Главное в проблеме нации – самосознание. Народ (этническая категория) становится нацией, только осознав свою индивидуальность, живое место в общечеловеческой семье. Если пульс национального сознания падает, народ болен; повышенный пульс тоже болезнь; как и всюду, нужна мера. Дав отпор Наполеону, русские показали себя нацией, классическая литература появилась на гребне национального подъема. Уваров, говоря о «народности», имел в виду национальное самосознание.

Современная трагедия русского народа – утрата национального самосознания. Большевики добились своего: в стране возобладал групповой интерес, взаимная неприязнь классов и этнических групп, исчезло чувство взаимной общности. Последний раз оно проявилось в Отечественной войне против нацистской Германии. Гитлеровцев мы победили под национальными лозунгами; но вскоре нас стали уверять, что победа классовая.

Сегодня недавние теоретики классовой борьбы видят всюду национальные отличия, даже там, где их нет, отрывают одну часть народа от другой. Н. Лосский, осуждая украинских сепаратистов, писал в свое время: «...Чувствуется как нравственно предосудительное – предпочтение ими провинциальных обособленных ценностей совместному творчеству всех трех ветвей русского народа, создавшего великую державу с мировой культурой. Сама замена многозначительного имени Малороссия именем Украина (то есть окраина) производит впечатление утраты какой-то великой ценности: слово Малороссия означает первоначально основная Россия в отличие от приросших к ней впоследствии провинций, составляющих большую Россию» (50).

Иван Ильин писал: «Мы должны быть готовы *к* тому, что расчленители России попытаются провести свой нелепый и враждебный опыт и в послебольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы» и «федерализма» российским народам и племенам на погибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на процветание, врагам России на торжество» (51). Ильин при этом уверен: «Россия не погибнет от расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново» (52).

Большая Россия – это Великороссия, Малороссия, Белоруссия. Есть еще Червонная Русь, о которой в энциклопедическом словаре сказано, что это всего лишь «историческое название Галиции в зарубежных источниках XVI – XIX веков». Но за Карпатами живут люди, которые и сегодня продолжают считать себя русскими: депо, видимо, не в источниках, а в истоках. Кстати, зарубежный источник XX века – энциклопедический словарь Брокгауза 1927 года сообщает, что русские

состоят из великороссов, малороссов, белорусов и русин – обитателей Галиции и Прикарпатья. Русины – такого слова нет ни в одном нашем справочнике, разве что в этимологическом словаре русского языка, составленном немцем Фасмером.

Итак, русские в узком значении слова – это великороссы, в широком – совокупная Русь.

О неразрывном коренном единстве русских народов свидетельствует история казачества. Запорожцев Карамзин называл «малороссийские казаки». Пополнялась Сечь и выходцами из Московии. Но вот Екатерина II перевела сечь на Кубань, то есть в Новороссию, которая являлась частью Великороссии. Остались ли казаки украинцами? Мои предки – кубанские казаки считали себя великороссами. Русь изначально возникла как многонациональное государство, как братство народов не только славянских, не только христианских. Раздвигались границы (иногда с помощью оружия), но никто из присоединенных народов не был ущемлен в правах. Сохранялась традиционная культура, уважались верования и каждому представлялась возможность преуспеть в любой области.

Татарские военачальники занимали крупные посты в русской армии, грузин Багратион – великий русский полководец; во главе русской церкви стоял мордвин Никита Минов (патриарх Никон); армянин Лорис-Меликов занимал высший государственный пост империи, а немецкая принцесса Софья фон Цербст стана русской царицей Екатериной Алексеевной.

Новая Русь на древних устоях

Сегодня родина в беде. Как и три с половиной века назад, Россия ввергнута в смуту. Народ бедствует, страна расчленена и подавлена иноземцами и мнимыми русскими (говорят и пишут по-русски, а мыслят и ведут себя как враги России). В ходу иноземные деньги, на экране – чужая речь. Преступно расточаются наши богатства. Живем, как в условиях оккупации. Чего фашисты не добились силой оружия, навязано нам силой денег и антинациональной политикой. Люди озлоблены и развращены.

Уместно ли в этих условиях вспоминать о русской идее? Рассуждать о всемирном единении и космическом преображении человечества, когда повсюду льется кровь и многие живут за гранью нищеты? Какая там всемирная отзывчивость, когда не отзываются на призывы помочь в беде и восстановить справедливость!

И все же, кто во мраке ночи не стремится к солнечному свету? Я напомнил о смуте XVI века с тем, чтобы наглядно предстала и картина ее преодоления. Только силою национального единства и соборного согласия Россия выздоровела тогда и стала могучей державой. Так должно быть и теперь. Именно так понимал русскую идею И. Ильин. Он указал на актуальный патриотический смысл ее в современных условиях. До космического преображения человечества далеко, а спасать Россию нужно сегодня.

Спасти Россию может только национальное возрождение и сплочение. Нас много. Мы – большинство в стране. Неужели нам не найти общую программу действий? Мы – русские. Россия – это не только Великороссия, Малороссия и Белоруссия, но также и Новороссия, Червонная Русь, казачьи земли на юге и востоке, земли, освоенные русским трудом и не уступленные по договору другому государству (как была продана Аляска). Все территориальные акты коммунистов и посткоммунистов, искромсавшие Россию, незаконны и недействительны.

Русская нация полиэтнична, имеет много корней. Поэтому она так многочисленна. Русская нация вообще – не родство «по крови», важно здесь – не происхождение, а поведение, тип культуры. Русским можно не родиться, важно стать. Но вовсе не обязательно становиться. В России множество народов, но русских всегда отличала национальная терпимость, именно она превратила Россию в мощное государство, каким была наша страна в течение веков. Хватит болтать об отсталости России! Наша родина была цветущей страной, опорой европейской культуры. Кто кормил Европу хлебом? Кто дал Европе лучшую литературу? Кто спас Европу от нашествий Наполеона и Гитлера? Русских славили – в начале прошлого века немцы, французы – в середине нынешнего. Так проникнемся же гордостью за нашу родину, возлюбим ее, сделаем все для ее возрождения.

В русской идее нет стремления утвердить свою исключительность и покорить другие народы. Социальные порядки, насаждавшиеся Сталиным от имени русского народа и силою русского оружия, противоречили духу русской культуры и историческим традициям России. Пришла пора вернуться к истокам. Что нужно для этого?

Необходимо прежде всего возродить единое национальное самосознание, истребленное, задавленное, опозоренное и униженное коммунистами и посткоммунистами. Необходимо возродить уверенность русского народа в своих силах, в способность самим устроить свою жизнь, охраняя и развивая собственную самобытность. Русская философская мысль, изгнанная на многие десятилетия из нашего обихода, возвращается к нам сегодня как путеводная звезда, призванная вывести

нас из мрака и запустения. Не признавать ее значения сегодня невозможно. Задача состоит в более глубоком ее освоении и дальнейшем развитии.

Другая важнейшая задача – укрепить государство. Государство – воля нации, пробуждающая, организующая ее материальные и духовные силы. Самым большим пороком для государства является слабость. Россия всегда была сильна своим государством. На нас без конца нападали; отбивалось государство, оберегая независимость и свободу. Казаки раздвигали пределы русской земли. Но всегда сохраняли верность престолу и вере, знали, что за их спиной стоит держава, оплот которой составляет русская нация. Русские не создавали колоний, не уничтожали местное население; возникали новые края с равными правами. Русскому государству по писаной истории – тысяча лет, на самом деле оно много старше. Наш долг перед предками – не допустить развала России, воссоздать национальную государственность.

Какую форму правления нам избрать? Есть среди нас сторонники монархического строя, о преимуществах которого сказано в начале книги. Есть сторонники социалистического выбора, убежденные в том, что после 1917 года ошибочно был избран путь насилия, а направление указано верно. Есть народоправцы, сторонники демократии. Не станем в спорах растрачивать силы, сейчас главное – национальное сплочение в духе той соборности, которую вынашивали теоретики русской идеи. В конце концов внешние формы государства не определяют его сущность. Последняя проявляется в том, как государство оберегает национальные интересы, действует ли оно на пользу или во вред народу. Нищий народ – укор правительству. Пусть народ сам решит вопрос, какую форму правления установить в России, как управлять страной.

Гражданином России является каждый, кто связал себя с судьбой родины, кто считает себя россиянином независимо от национальности, родного языка и вероисповедания, кто, достигнув совершеннолетия, назвал себя россиянином. Наши соотечественники за рубежом при их желании обладают всеми правами граждан России.

Россия – не националистическое и не нацистское государство. Все нации равны, ни одна не имеет преимущественных прав на территории России. Каждая нация имеет право развивать свою культуру, иметь школы на родном языке, прессу, литературу, театр. Но не более того: государство должно быть единым, делиться по территориальному признаку (области или губернии).

Русское государство не вмешивалось в частную жизнь. Подобное вмешательство называется тоталитаризмом и заведено было у нас Лениным, Троцким, Сталиным. Но государство и не просто цепной пес у порога, лишь охраняющий спокойствие дома, как считают либералы.

Государство разумно устраивает общественную жизнь: регулирует экономику, проявляет заботу о занятости, обеспеченности, здоровье населения, его просвещении. Государство охраняет собственность – частную, общинную, общенациональную (все три вида собственности имеют право на существование, каждая должна выявить свои преимущества).

Православная религия – стержень русской культуры. Православная церковь — единственный социальный институт, оставшийся в России неизменным на протяжении тысячи лет. Без веры нельзя: обожествляют вождей и материальные блага, мнимые русские насаждают эту псевдоверу. Истинно русский человек, даже атеист (двум поколениям русских людей прививали безбожие), тянется к национальным святыням, а, следовательно, и к православию. Русская идея укоренена в православии, но говорит философским языком, а поэтому доступна человеку рационалистически мыслящему.

Век XX-й оказался губительным для России. Большевизм и борьба с фашизмом оплачены в первую очередь русской кровью. Нынешний сатанизм – тяжелейшая беда, но путь к спасению обозначен. Если верить О. Шпенглеру, XXI век принадлежит христианству Достоевского. Таков путь нашей надежды, надежды на возвращение к духовным истокам.

Постсовременность являет собой не похоронный звон, а благовест, возвещающий возрождение утраченного.

Литература

(1) Янов Л. Русская идея и 2000 год. Нью-Йорк, 1988, с. 321. На обложке книги – карикатурное изображение православной иконы: нимб святого выкроен из советского герба; в глазах автора «русская идея» – программа экспансии, где церковь и власть действуют заодно.

(2) Хорос В. Русская идея на историческом перекрестке. «Свободная мысль,, 1992, № 6. с, 36.

(3) «Новый мир». 1993, №1, с. 9.

(4) «Вопросы философии», 1994 Хо 1, с. 66 и 72.

(5) Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 18, с. 37.

(6) Соловьев В. С. Соч. в 2-х гг., М., 1989, т. 2, с. 24б. О русской национальной идее как воплощении христианского идеала писал Вяч. Иванов (См. Иванов Вяч. Разное и вселенское. М., 1994, с. 371). О православных корнях русской идеи см. Аксючиц В. Бог и отечество – формула русской идеи. «Москва», 1993, № 1, с. 120 – 127.

(7) Бердяев Н. Русская идея. Париж, 1971, с. 96 и 202.

(8) Флоровский Г. Евразийский соблазн. «Новый мир», 1991 №1, с. 206.

(9) Достоевский Ф. Полн. собр. соч., т. 26. с. 131.

(10)Солоневич И. Народная монархия. М., 1991, с. 16.

(11) Бердяев Н. Русская идея, с. 6.

(12) Там же, с. 41.

(13) Iljin I. Wesen und Tigenart der russischen Kultur. Zuerich, 1944, S. 101. Ср. у Достоевского: «вроде Белинского: сначала решим вопрос о Боге, а уж потом пообедаем» (Неизданный Достоевский. М., 1971, с. 289).

(14) Iljin I. Op cit., S. 83.

(15) Бердяев Л. Русская идея. с. 48.

(16) «Свободная мысль», 1992, № 6, с. 46.

(17) Житие протопопа Аввакума. Иркутск, 1979, с. 166.

(18) Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1918, с. 16.

(19) Там же, с. 54.

(20) Лосский Н. Условия абсолютного добра. М., 1991, с. 246.

(21) «Еврейская газета», 1991, 12 марта.

(22) Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности.«Вопросы философии», 1992 Хо 1, с. 55.

(23) «Столица», 1991 №27 (33), с. 63.

(24) Струве Н. Православие и культура. М., 1992, с. 181.

(25) Кант – Герцу, 21 февраля 1772 года.

(26) Хомяков А. Избранные сочинения. Нью-Йорк, 1955, с. 266.

(27) Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994, с. 20.

(28)Moehler J. A. Die einheit in der Kriche oder das Prinzip des Katolizismus. Darmstadt, 1957, S. 114.

(29) Бердяев Н. Русская идея, с. 166.

(30) Иванов В. Родное и вселенское. М., 1994, с. 100 – 101.

(31) Трубецкой С. Собр. соч., т. 2. М., 1994, с. 498.

(32) «Gemeinschapht und Gerechtigkeit». Hrsg. von M.Brumlik und H. Brunkhorst. Franrfurt/M., 1993, S. 10.

(33) Флоренский П. Сочинения. М., 1990, т. 2, с. 343.

(34) Ильин И. О грядущей России. Джорданвилл, 1991, с. 123

(35) Лосский Н. Условия абсолютного добра. М., 1990, с. 323.

(36) Розанов В. В. Среди художников. М., 1994, с. 347.

(37) Beta Katharina. Die russische Seele, Wien, 1988, S. 76.

(38) Ebenda, S. 104. «Если ныне любая церковь примет эти понятия. желанное церковное единство прийдет к нам» (там же, с. 159).

(39) Ильин И. О грядущей России. С. 105.

(40) Хомяков Д. Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль, 1983, с. 152. Достоин внимания термин И. Солоневича «соборная монархия».

(41) Kant I. Akad. Ausgabe. Bd. VIII, S. 352.

(42) «Литературная учеба», М., 1991 № 3, с. 97.

(43) Ильин И. О грядущей России. С. 144.

(44) Там же, с. 147.

(45) Вышеславцев Б. Кризис индустриальной культуры, Нью-Йорк, 1982, с. 220

(46) «Литературная учеба», М., 1991 № 3, с. 98.

(47) Ильин И. О грядущей России. Джорданвилл, 1991, с. 266.

(48) Бердяев Н. Судьба России. М., 1918, с. 97.

(49) Булгаков С. Из размышлений о национальности. М., 1914, с, 3.

(50) Лосский Н. Воспоминания. Мюнхен, 1968, с. 15.

(51) Ильин И, О грядущей России, с. 177

(52) Там же, с. 180

Игорь Артёмов

РОССИЯ: ИМПЕРИЯ ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Пережив в течение XX столетия несколько связанных между собой этапов национальной катастрофы, Россия входит в XXI век с громадным потенциалом развития. Огромная территория и ресурсы, сравнительно высокое качество населения, умеренные нормы потребления, выгодное геостратегическое положение — вот лишь некоторые характеристики — слагаемые успеха.

Очевидным свидетельством этого является усиление охвативших Россию, Белоруссию, Украину и некотрые другие территории объективных интеграционных процессов. Однако имеено здесь возникает вопрос: как и с кем строить новое здание российской государственности, которое должно возникнуть на руинах “коммунистического рая”.

Прежде чем перейти к рассмотрению существующих “объединительных” проектов, попытаемся определить ЦЕЛЬ, ИНТЕРЕСЫ и ПОТРЕБНОСТИ нашей страны в подобного рода союзах а также ОСНОВУ и НАПРАВЛЕННОСТЬ подобного объединения.

* * *

Анализ развития истории человечества ясно свидетельсвует, что *устойчивой и жизнеспособной является лишь та цивилизация, которая при возможно большем разнообразии индивидуальных, региональных, этнических и иных типов является максимально единой в области духовных идеалов, общегосударственной морали, нравственных ценностей, то есть вырабатывает цивилизационное единство.*

В силу объективных и субъективных причин на значительной части территории России, а затем СССР такого единства не образовалось. В результате распад СССР, ускоренный энергией Запада и пятой колонны внутри страны, стал все же явлением закономерным. Нельзя счтать прочным одеяло, сшитое из лоскутков гнилыми нитками. Именно

Игорь Владимирович Артемов, кандидат исторических наук, Председатель Правления Русского Общенационального Союза

поэтому СССР не восстановим ни по форме (территория, название) ни по сути (идеология, образ жизни).

* * *

Перспективу имеют государственные образования, ориентированные в будущее.

Век XIX был веком Великих Империй. Век XX — веком по преимуществу национальных государств. Последние Империи (британская, французская, бельгийская) существовали в нем скорее по инерции и окончательно исчезли после Второй Мировой войны.

Россия никогда не была Империей в общепринятом смысле, ибо русская метрополия скорее “выводила в люди”, чем эксплуатировала народы инонациональной периферии.

Распад СССР был обусловлен не только глобальным концептуальным поражением марксистской идеологии, предопределившим системный кризис экономики, культуры и силовых организмов страны. При коммунистах резко проявилась тенденция превращения Исторической России из государства преимущественно русского (славянского) в расово-национальный конгломерат под названием “Союз Советских Социалистических Республик”, нежизнеспособный, а потому обреченный на исчезновение.

Есть все основания считать, что век XXI будет веком Мировых Цивилизаций.

Основные контуры их ясно видны уже сегодня: активно идет интеграция Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в единое экономическое и цивилизационное пространство, все чаще заявляет о себе как о едином целом исламский мир, объединенная Европа очевидно приобретает черты германо-романского единого пространства, наконец американская (атлантическая) цивилизация, теряя контроль над частью своих прежних протекторатов, а вместе с этим и мировую гегемонию, все явственнее локализуется в Западном полушарии.

Каким хотим видеть мы место России в этом, не столь отдаленном, будущем?

* * *

История человечества знает несколько типов имперской государственности. К первому из них относятся империи, ярким метеором блеснувшие при жизни своих основателей и исчезнувшие либо полностью переродившиеся сразу после их смерти. Так было с государствами Александра Македонского, Атиллы, Чингисхана,

Тамерлана, Наполеона, Третьим Рейхом Гитлера. Несмотря на их существование в разные эпохи, у государств этого типа есть одна общая черта: очень активная волевая нация в исторически короткие сроки пыталась объединить под своей властью духовно и этнически чуждые народы. И всюду — с одним закономерным итогом: после ожесточенного сопротивления покоряемых сами державные строители переживают острейший национальный кризис и зачастую исчезают с исторической сцены.

Ко второму типу относятся империи, которые опираясь на прочное государственное ядро, в течение долгого времени постепенно силой золота и оружия объединяли вокруг себя различные народы и территории, в том числе цивилизационно чуждые. Это Римская, Османская, Британская империи. В отличие от империй первого типа, они просуществовали достаточно долго. Характерной чертой их внутренней политики являлось стремление либо полностью ассимилировать покоренные народы, ввести единый имперский образ жизни (Рим, Османская империя), либо создать национальные резервации, ограничив их жителей в политических правах (по сути дела, первой ввела принцип апартеида — раздельного существования — Британская империя). В результате та из империй, которая добилась наибольшего смешения культур и этносов (Римская), погибла, создав на своих обломках основу для развития иных культур. Две другие сократились в XX столетии до размеров первоначального государственного ядра, объединяющего в основном близко родственные этнические группировки. Оставшиеся в составе этих государств инородные общности до сих пор служат источником конфликтности (курды в Турции, ирландцы в Великобритании и др.). Необходимо отметить, что наиболее жизнеспособной из империй данного типа оказалась та, которая наиболее последовательно проводила принцип раздельного существования различных цивилизационных комплексов: на развалинах Британской империи появилось Британское содружество наций, существующее до наших дней.

Наконец, в основе империй третьего типа — Византии, Китая, Персии, России — лежал иной принцип: этнокультурная близость большинства объединенных народов. Такие сообщества людей Данилевский называл культурно-историческими типами, Тойнби — цивилизациями, Лев Гумилев — суперэтносами. С нашей точки зрения, наиболее точным является определение Данилевского, однако в публицистической статье проще употреблять термин “Государство-цивилизация”. Особенностью империй третьего типа является то, что все они, за исключения погибшей под силовым давлением соседних

цивилизаций Византии, существуют до наших дней и сохраняют значительный потенциал развития.

Это позволяет нам прийти к заключению: в многовековой истории человечества успешным и долговременным оказывалось лишь то государственное строительство, где инстинктивно или осознанно ставилась цель собирания народов своего суперэтноса, своей цивилизации.

* * *

Черты принципиального, цивилизационного отличия России от окружающего ее мира были отмечены еще великими русскими мыслителями XIX столетия (А.С.Хомяков, братья Киреевские, Н.Я.Данилевский, К.Н.Леонтьев и другие). Ими и продолжателями этой духовно-интеллектуальной традиции (К. П. Победоносцев, М.П.Погодин, И.А.Ильин) была разработана в общих чертах концепция особого славянского культурно-исторического типа. Основы ее сохраняют значение и в наши дни. Здесь мы подходим к формуле будущей России: ГОСУДАРСТВО — ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

Потребности и интересы России, как государства, всех слоев и групп ее населения, заключаются в тесном и долговременном объединении с народами и территориями, которые:

- составляют с Россией единое этно-культурное и цивилизационное целое;
- имеют ясно выраженную политическую волю к подобному объединению;

Только при выполнении двух этих условий объединение может быть устойчивым, а силы его участников направлены на созидательную деятельность, а не на выяснение вопросов типа: "кто главный" и "кто кого кормит".

Исходя из цивилизационного принципа можно легко выявить глубинные причины неработоспособности СНГ. В его основу большинством участников был заложен лукавый принцип: взять от России побольше при полной неопределенности собственных обязательств и полном же отсутствии ответственности за их исполнение. Участники СНГ (например: Россия и республики Средней Азии и Закавказья) принадлежат к разным цивилизационным комплексам, ставят перед собой разные цели. Именно это, а не отсутствие единой политики в области цен, налогов, экспортных тарифов и внутригосударственных законодательств, лишает СНГ политического будущего и позволяет относиться к “Союзу Независимых Государств” как к переходной форме политико-консультативного объединения, призванной соблюсти

внешние приличия при переходе от старых (СССР) к новым государственным формам.

Русская цивилизация — бесспорно, цивилизация Православная. Русский этнос как духовно-культурное явление создан из разрозненных славянских племен с принятием христианства. Подняться на уровень Нации — строительницы великой мировой державы — нам позволила реализованная в период Московского царства идея Третьего Рима, государственного хранителя вечных христианских истин. После падения в 1453 году под ударами турок-османов Византийской империи (второго Рима) Московское царство осталось единственным мировым центром Православия, приняв на себя духовную миссию Византии и государственную — Римской империи (первого Рима). Основные положения идеи Третьего Рима были высказаны в письмах монаха Псково-Елизаровского монастыря Филофея царю Василию III. Два Рима пали, а третий — Россия — стоит до тех пор, пока не исчезли в русском народе основы православия и национального самосознания. Осознание этой идеи определило русский народ, как нацию, выполняющую свою историческую миссию — до конца истории охранять Истину от посягательств иноверцев и нести Ее Свет сопредельным странам. Эта идея позволила создать мировую империю — так как в самой сути Третьего Рима содержится духовно выверенный принцип собирания народов. Русская история знает три основных пути государственного строительства: воссоединение с братскими православными народами (Украина, Белоруссия, Бессарабия, Грузия и Армения и др.); крещение языческих племен (Поволжье, Север, Сибирь); разгром и усмирение агрессивных иноверческих очагов (Казань, Астрахань, Крым, Кавказ). Все три исполнены глубоким смыслом — укрепления и защиты Православной цивилизации.

Современному человеку может показаться, что метод цивилизационного деления, в основе которого лежат духовно-религиозные ценности, устарел, что в наш безбожный век миром правят иные идеи. На поверку же оказывается, что суета века сего — лишь поверхностное явление, а в критические моменты своего бытия народы руководствуются глубоко укорененными в национальном сознании культурно-историческими представлениями. Яркий пример этого — симпатии разных народов в югославском конфликте. Казалось бы, наемникам платят и сербы, и босняки, и хорваты, но чеченец и азербайджанец едут воевать за боснийских мусульман, белорус, украинец и русский — за сербов, галичанин и литовец — за хорватов. А ведь все они воспитывались в одной социалистической стране — СССР!

Не смогли изменить глубинных цивилизационных ориентиров и так называемые различия социально-экономических систем. Расстрел

Верховного Совета России в октябре 1993 года вызвал бурю возмущения в Греции, и совершенно холодно, можно даже сказать — с одобрением — встречен в Польше, хотя греки жили в капиталистической стране — участнице НАТО, а поляки — при социализме, на родине Варшавского договора. Приведенные факты (а перечень их можно продолжать до бесконечности) говорят, что даже современные люди, погруженные в нирвану видимого материального благополучия, при столкновении с истинным мировым процессом — где решаются вопросы о Жизни и смерти, Добре и Зле, Вечности и небытии — выбирают духовные ориентиры своих предков. Если же эти ориентиры, позволяющие историческим народам выжить даже в самой неблагоприятной ситуации, будут разрушены, все современные нации канут в Лету, и человечество исчезнет с лица Земли.

Итак, величие Державы, создаваемой Нацией, обуславливается величием ее Духовной идеи. Центральное место в этой триаде занимает Дух, следом в иерархии ценностей идет Нация, и уж затем — Государство, территория, пространство, “почва”, т.е. факторы внешние. Эту градацию ценностей хорошо осознавали наши предки, жертвуя территорией и даже единством нации во имя сохранения чистоты духовного идеала. Именно для решения такой задачи Москва шестьсот лет назад пожертвовала территорией Западной Руси и западнорусским населением, перекрыв таким образом каналы возможных иноэтнических и инокультурных влияний. Московские Даниловичи пожертвовали территорией и частью населения, отказавшись от политических компромиссов с Литвой, суливших воссоединение русских земель и народа. Но в перспективе именно эта линия обусловила накопление в Великороссии огромного духовно-нравственного потенциала, с лихвой окупившего временные потери. В тот период был сохранен Дух, возрождена Нация — и только затем возвращена и многократно умножена Территория. В ином случае нам грозила бы судьба западных малороссов, которые при сохранении некоторых внешних форм традиционной обрядности и отрывочных воспоминаний о своем русском происхождении, фактически стали орудием Западной цивилизации в ее наступлении на Восток. Так ветви дерева, срубленные и отделенные от родных корней, разлагаясь, становятся питательным наземом для соседних деревьев.

* * *

Итак, главная задача государственного цивилизационного строительства — сохранить духовную чистоту и этническую целостность созидающего народа. Обсуждение того, как это сделать, требует

отдельного обстоятельного разговора. Отметим при этом, что попытки сконструировать новую национальную идею, новый идеологический фундамент (например, использующий элементы славянских языческих культов), способны только усугубить духовный кризис нации. Совершенно очевидно, что формирование нового национального сознания возможно лишь на духовном фундаменте Православной Церкви, которая более тысячи лет является сердцевиной русской идеологии. Мы должны возродить такую русскую государственность, в которой Православная Церковь, сохраняющая незыблемость своих канонов и догматических основ, будет играть роль духовной опоры, учителя и воспитателя нации, приобретет дух самоотверженной сосредоточенности в борьбе за Святую Русь.

Вторая вытекающая отсюда задача — воссоздание Империи, максимально полно объединяющей духовно близкие народы восточноправославной цивилизации.

Конечно, “цивилизационно чистых” империй не бывает. В их составе всегда присутствуют “чужие”. Именно они представляют основную опасность для прочного государственного существования. Чем сильнее отличаются духовные основы присоединенных племен и основного народа, тем острее антагонизм между ними, тем больших затрат потребует удержание чужеродных анклавов. Эта “энергия удержания” истощает имперскую нацию. Расходовать “энергию удержания” есть смысл лишь тогда, когда она окупается важным геостратегическим положением удерживаемой территории или ее экономическим значением.

Вторая опасность заключается в различиях демографического потенциала. Если рождаемость чужаков значительно выше, чем у имперской нации (а у “своих” показатели рождаемости всегда близки, из-за этнокультурного сходства), то результатом будет разрушение межнационального равновесия. На наших глазах разворачивается процесс выдавливания русских не только из республик Прибалтики, Средней Азии и Закавказья, но и с Северного Кавказа, Тувы, Якутии, Татарии и др., то есть из районов, где русские жили столетиями и в некоторых местах составляли устойчивое большинство! В случае нашей национальной беспечности сходные события развернутся на одной шестой части мировой суши. Гексли сравнивал инонациональные анклавы с высокой рождаемостью внутри сравнительно мононационального государства (86% населения России составляют славяне) с раковыми клетками. Они демонстрируют такой же бурный рост избыточной живой массы и выбрасывают метастазы в другие районы страны (в нашем случае это кавказские мафии, появившиеся во всех крупных городах). Как и в результате онкологического

заболевания, подобная болезнь для государственного организма чревата смертельным исходом.

Здесь хотелось бы предостеречь всех, кто лелеет надежду на некое “православно-мусульманское единство” и “славяно-тюркский симбиоз” на территории бывшего СССР. Понятен соблазн обрести в мусульманском мире мощного, динамично развивающегося союзника в противостоянии России и Запада. Но мировая история не знает примеров длительного и надежного союза между православными христианами и мусульманами[1]. Напротив, в критические моменты, начиная со времен Киевской Руси, мусульмане предпочитали объединяться с Западом против нас (в XII-XV вв. Орда постоянно объединялась с Литвой против Москвы, в XVI-XVII вв. Крымское ханство и Турция зачастую воевали с Россией в союзе с поляками, то же самое происходило в период Крымской войны, в годы Первой и Второй мировых войн и сегодня происходит на Балканах).

Сторонники евразийской утопии имеют возможность наблюдать эксперимент в Казахстане. Республика, населенная двумя примерно равными по численности национальными общинами, являет собой яркий образец казахской этнократии.

К примеру, в руководстве администраций (от главы администрации до руководителя аппарата) областей, в которых казахи составляют явное меньшинство населения, казахи составляют:

- Карагандинская область — шесть из восьми;
- Павлодарская область — семь из девяти;
- Тургайская область — шесть из девяти;
- Северо-Казахстанская область — восемь из девяти;
- Гурьевская (“Атырауская”) область — семь из восьми;
- Алма-Атинская область — восемь из девяти;
- г. Верный (“Алматы”) — девять из одиннадцати.

В 1992-95 годах из Казахстана в Россию уехало свыше 700 тысяч русских. А куда будут уезжать русские из “Евразийского Союза”, когда численность тюрок и славян сравняется на всем пространстве прежней империи (а это может случиться очень скоро, примерно в 2015 году)? Очевидно, что славянские и мусульманские народы не могут нормально уживаться в одном государстве — будут доминировать либо одни, либо другие. И если демографическая обстановка складывается не в нашу пользу, в русских интересах провести скорейшее размежевание. Угрозу с юга инстинктивно ощущает большинство

---

[1] В статье осознанно не затрагивается Китай и проблема китайской экспансии на территорию России — это предмет отдельного и самостоятельного исследования (Авт.).

русских людей (социологические опросы показывают, что от 60% до 80% русских испытывают разные формы неприязни к мусульманам вообще и к кавказцам особенно. И не случайно. Южная опасность в ближайшее десятилетие может стать роковой для русской нации. Тем более странно, как умудряются не замечать ее некоторые слои патриотов, призванных наиболее чутко отражать чаяния своего народа. Едва только заходит речь о славяно-тюркском антагонизме, на свет Божий является тезис о мировых силах, которые спят и видят — как бы стравить между собою Русь и исламский мир. Безусловно, в мире есть влиятельные силы, извлекающие выгоду из любого конфликта традиционных цивилизаций. Но сколько бы мы не грозили им пальцем, мы не заставим мусульман полюбить нас и стать верными друзьями. Упаси Бог дожить до глобальной конфронтации России с исламской цивилизацией, нам есть куда направить энергию исламского взрыва, но и пацифистской болтовней мусульманский разлив не остановить. Лучший способ избежать драки с соседом — жить на разных территориях. Лучший способ предотвратить столкновение русской нации с исламской экспансией — возможно более полное национально-государственное размежевание. (Это, кстати, и единственное решение чеченской проблемы — проведение государственной границы примерно по Гребенской линии и выведение за пределы России Горной Чечни).

Отрезая от России Среднюю Азию и Кавказ, мы оставим в прошлом огромный пласт русской истории, культуры — “Кавказского пленника” и “Белое солнце пустыни”, воинскую славу генерала Скобелева и успехи первых русских нефтедобытчиков. Ностальгия по этому недалекому пошлому долго еще будет бередить русское сердце. Но мы обязаны помнить, что расширение империи на Юг происходило в ту пору, когда на русскую женщину приходилось шесть-семь рожденных детей, а на узбечку и туркменку — по четыре. В период между переписями 1897 и 1914 годов численность русских в подданстве Российского Государя возросла на 49%, а узбеков — только на 27%, казахов — на 18%. Славянский элемент державы тогда не только десятикратно превосходил тюрок по численности, но и обладал более высокой жизненной энергией.

Теперь положение резко изменилось. За 25 лет, с 1959 по 1993 годы, узбекское население увеличилось на 218%, таджикское — на 217%, киргизское — на 206%. Число славян за тот же период возросло едва на 20%, преимущественно за счет старения населения и за счет притока чужой крови, а начиная с 1991 года оно стремительно сокращается. Ясно, что такая динамика в рамках одного государства коренным образом меняет статус державосозидающей нации и ставит ее под угрозу ассимиляции. Сегодня, когда русская нация тяжело больна, мы не можем позволить себе роскошь включать в состав Российского

государства обширные инородные районы, да тем более эпицентры демографического взрыва.

На поздних этапах державного строительства, в связи с изменением вектора национальной идеологии, произошли события, эхо которых отзывается в настоящем. Во-первых, в 1773-1815 годах в состав России вошли земли с многочисленным иудейским населением, мировоззренческие ценности которого резко антагонистичны ценностям православной цивилизации.

Во-вторых, в 1818-1881 годах в пределы Российской Империи были включены обширные регионы, принадлежащие исламскому миру. В некоторых своих проявлениях исламская цивилизация давала вспышки агрессивного антагонизма (Чечня), в некоторых — представляла пассивную опасность в силу очень прочной родовой социальной структуры (Средняя Азия). За годы советской власти среднеазиатские народы не только сохранили традиционные ценности, но существенно увеличили свой демографический потенциал и стали активно вытеснять русских.

Интересно, что обе “мины замедленного действия”, заложенные под империю, сработали примерно через 150 лет. Первая, иудейская — в начале XX века; вторая, мусульманская — в конце нашего столетия. Последствия первого взрыва налицо, его рикошетным действием вызвана также “перестройка”, последствия второго взрыва нетрудно предугадать.

* * *

Создавая заново свою государственность, мы должны избежать ошибок прошлого и отсечь представляющие потенциальную угрозу территории, как отсекают пораженные гангреной конечности во имя жизни и здоровья всего организма. Это относится в первую очередь к исламским республикам Средней Азии и Кавказа. Большие сомнения вызывает также пребывание в составе грядущей империи Галиции и Литвы — их удержание сулит больше минусов, чем плюсов.

Очевидно, что основу будущей Российской государственности должно составлять объединение современной Российской Федерации, Белоруссии и Украины. Союз этих трех республик представляет собой самодостаточную державу с территорией 18 млн. кв.км, населением в 210 млн. человек, богатыми агроклиматическими ресурсами и полным набором полезных ископаемых. Культурно-духовная близость восточных славян, являющихся, по сути, ветвями одной нации, тесные экономические и политические связи делают возможным безболезненное поэтапное воссоединение Белоруссии с Российской Федерацией, а затем

и с Украиной. Этапами на пути к единству могут стать: таможенный союз, объединение денежных систем, объединение пограничных войск и стратегических вооруженных сил, создание межпарламентской ассамблеи и т.д.

Недостатками получающегося государственного образования будут:

- ограниченный выход к морю на западном направлении;
- уязвимость в районе Западной Сибири, где только узкая перемычка Транссиба и действующий лишь полгода Севморпуть связывают европейскую и азиатскую части империи;
- наличие ряда инородных анклавов с антагонистическим настроением населения (Северный Кавказ, татарско-башкирский регион, Галиция, Якутия, Тува).

Проблема выхода в Балтику может быть решена втягиванием в орбиту российской государственности Эстонии и Латвии, за счет превосходства русского экономического, интеллектуального и демографического потенциала.

Укрепление геополитических позиций в Сибири придется решать воссоединением русских казачьих и целинных земель Южного Урала и Юго-Западной Сибири (т.н. “Северный Казахстан”). При достаточно мудрой и целенаправленной политике русско-казахский узел можно развязать мирным путем, используя углубляющуюся экономическую зависимость Казахстана от России и естественное стремление жителей указанных территорий к воссоединению.

Горная Чечня и Тува могут без особого ущерба быть выведены из состава России. Что касается Татарии и Якутии, то их пребывание в составе империи необходимо — в случае их выхода внутри России обозначатся линии внутреннего разлома, пострадает стратегическая целостность государственного пространства. Но дополнительная энергия удержания этих территорий вполне покрывается доходами от эксплуатации их недр.

Жизнь заставит примкнуть к нашей империи или быть ее долговременными союзниками целый ряд государств со славянским или инонациональным православным населением (Армения, Болгария, Сербия, Греция, возможно Словакия, Македония, Молдавия, Грузия и проч.).

* * *

Ходом истории перед нами в очень жесткой форме поставлен вопрос: быть или не быть России великой державой? Более того: жить или не жить русской нации на белом свете? И мы стремимся в такой же

жесткой форме дать свой исторический ответ на вызов истории. У русских есть шанс сохранить и восстановить большую часть созданной предками империи, а главное — обеспечить ее длительное устойчивое существование. К этому обязывает нас наша историческая миссия Третьего Рима. Идея Третьего Рима исключает замыкание русских людей в сфере узкоэтнических интересов, не позволяет уклониться от государственно-цивилизационного строительства. Но эта же идея исключает подражание Риму Первому, который превратился в разноплеменное сборище и пал под ударами варваров.

Третий Рим должен стоять до скончания веков, ибо четвертому — не быть.

Андрей Хохлов

ПРОЛЕГОМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Последнее десятилетие нынешнего века ознаменовано невиданной концентрацией власти, ресурсов, капитала, средств связи, технологий в руках владельцев транснациональных корпораций. По подсчетам специалистов сегодня практически вся мировая экономика контролируется 238 корпорациями, среди которых около половины принадлежат семейным кланам. Этот узкий круг богатейших людей мира у многих ассоциируется с пресловутым “тайным правительством” (или, как выразился философ Иван Ильин, “мировой закулисой”).

Злую волю “теневого мирового жандарма” многие в России склонны видеть в разрушении аристократической культуры прошлого и в инспирировании российской катастрофы 1917 года. Многие современные отечественные интеллектуалы полагают, что в нынешних бедах русской нации виноваты Римский Клуб, МВФ и другие организации мондиалистского толка.

Тлетворной идеологии технологической модернизации, процессам глобального изменения в политической системе и фрагментации культурных основ современной цивилизации наши патриоты пытаются противопоставить весьма своеобразно интерпретируемый “оледенелый” идеал Российской Империи времен Государя Николая II. Между тем, в упорном игнорировании происходящих вокруг изменений заключается причина слабости новых русских патриотов, сознание которых, можно смело утверждать, остается “оборонным”, а точнее — “диссидентским”.

Попробуем рассмотреть перспективы развития России, русской нации и государственности в контексте происходящих в мире изменений.

Империи в общемировых процессах

Андрей Анатольевич Хохлов, кандидат социологических наук, специалист в области этнополитических и национально-государственных проблем, автор серии публикаций на эту тему.

Прежде всего необходимо заметить, что Имперская идея никогда не исчезала, не растворялась в исторических катаклизмах. Современное мироустройство стоит на имперских принципах так же, как и сто, двести лет тому назад. Изменились лишь формы, в которых эта идея репрезентируется в культурной действительности. Как и раньше геополитический интересы империй сталкиваются в зонах повышенной конфликтности — на Балканах, Ближнем востоке, в Закавказье... Соответственно изменившимся условиям конкуренции между империями меняются и стратегии отстаивания национальных интересов крупных держав: торговые войны, миротворческие военные экспедиции, промышленный шпионаж, усиление финансово-кредитной зависимости вечно "развивающихся" регионов. **Вместо войн за территории, которые велись в прошлые века, происходит "холодная" война за ресурсы.**

Далеки от реальности выводы некоторых аналитиков о стабильности связей внутри экономической и властной пирамиды западных имперских структур. Так, еще недавно процветающие промышленные гиганты вроде "Дженерал Моторс", сегодня приходят в упадок. Ведущие телекомпании ABC, CBS, NBC уступают эфир мелким телефирмам, удовлетворяющим локальные и частные интересы зрителей. Специалисты по продаже компьютеров заговорили о закате монополии IBM. Тот же характер имеют и политические процессы — вместе с идеологией японской модернизации рушится влияние либерально-демократической партии Японии, в Италии и Испании уходят со сцены проамериканские режимы, Норвегия и Британия проявляют сдержанность в оценке планов объединения Европы, все больше регионов планеты втягиваются в процесс фрагментации, разностороннего утверждения сепаратистских тенденций.

На этом фоне разного рода теории "мирового заговора" выглядят малоубедительно и являются категориями кризисного сознания, характерного для периода кризисной перестройки интеллектуальных элит. Эти теории фактически носят антиимперский, а в скрытой форме — и антигосударственный, характер.

Противоборство имперских систем относится к явлениям естественного порядка. Поэтому естественны и попытки поглощения ими хаотизированных регионов, попытки управлять которыми и контролировать их ресурсы возможно лишь в ситуации тотального (хотя и не всегда явного) господства. Речь идет не только о технологическом доминировании, но и о подчинении своему культурному, цивилизационному влиянию.

Таких возможностей по отношению к России, тем не менее, нет ни у США ни у многих других западных держав. Хотя попытки их

культурно-идеологической экспансии становятся более интенсивными по мере ослабления военного, идеологического и геополитического потенциала нашей страны.

Следует признать, что проникновение чуждых культурных модулей в национальное пространство русской имперской системы носит амбивалентный характер: то, что не ассимилируется национальной средой и ментальностью, разрушает цивилизационные основы России, но органично заимствованные идеологемы, модели поведения, ценности способствуют выводу страны из системного кризиса. поэтому совершенно напрасно отдельные русские интеллектуалы приписывают западной плутократии столь огромные способности в умении разрушать другие цивилизации. Западные цивилизационные основы подвергаются не меньшей коррозии, вызванной соприкосновением с русско-православной или исламской цивилизациями.

К проблеме межцивилизационных контактов мы вернемся чуть ниже. Здесь же заметим, что границы современных технологических империй являются не политическими, а культурно-психологическими маркерами. Тем не менее, антагонистические в цивилизационном отношении системы в разной степени, но все же подвержены влиянию общемировых процессов.

Тенденции постиндустриального мира

Общие тенденции социальных изменений, характерные как для Запада, так и для остального мира, можно консолидировать по трем основным признакам:

1) де-массификация,
2) де-идеологизация,
3) де-централизация.

Безусловно, растущая индивидуализация средств и способов потребления товаров и услуг, свобода выбора стилей жизни и политических доктрин, относительная доступность культурного наследия, подрывают базу тотальных идеологий. Рискнем утверждать, что в XXI веке “восстания масс”, о котором писал Хосе Ортега-и-Гассcет, не произойдет. Впрочем, и радикальной атомизации общества, культуры, власти, также не предвидится.

Дело в том, что на наших глазах меняются лишь формы и способы актуализации властных отношений, а вовсе не сами отношения. Подтверждением могут служить примеры, свидетельствующие о формировании устойчивого стабильного баланса между процессами укрепления частной жизни (например, семья снова становится значимой

ценностью для молодого поколения) и повышения авторитета политических институтов.

Примечательно, что и регионализация не затрагивает основных принципов эффективного управления государственной машиной. Что же касается роста локальных сепаратизмов, то причины данного явления лежат в плоскости традиционной дихотомии: конвергентные-дивергентные процессы. При этом усиление дивергентных тенденций обусловлено реакцией местных элит на ослабление центральной власти, вызванное внутренними структурными конфликтами. Иными словами, малейшее отступление от имперской философии влечет за собой жесточайшее наказание провинившегося. Центральные элиты перестают восприниматься в качестве стратегической силы в тот момент, когда они объявляют о демократизации своей сущности.

Другой причиной антицентралистской направленности современной политики следует назвать влияние “революции сознания”. Сегодня самоопределение общественных групп в условиях информационного давления происходит не классических каналов социализации. В конце XX века уже не родители, не социальное окружение влияют на идейно-политический выбор. Самосознание человека определяет структуру и содержание общественных институтов. Границы, разделяющие людей, и социальные группы, являются воображаемыми, но закрытие этих границ осуществляется с помощью вполне реальных “объективных” орудий. Нелепые, с точки зрения реалистического подхода к национальным проблемам, явления типа боснийского братоубийства или чеченского конфликта, служат зловещим подтверждением конкретности субъективного фактора в общемировом развитии.

Обвальную деидеологизацию современных общественных систем также можно отнести к типичным признакам нового имперского порядка. Уходят в прошлое отвлеченные тотальные идеологии — коммунизм, либерализм, социализм, — вместе с партийно-политической структурой и пропагандистскими технологиями. Мировые режимы ставят во главу угла политическое благополучие наций и государств, объединенных в транснациональные союзы, где первую скрипку играют державы, претендующие на роль устроителей цивилизации. Борьба идет не ради победы очередного “изма”, а во имя конкретных политических целей: жизненное пространство, рынки товаров и рабочей силы, мировое господство.

Тот факт, что никто не посягает на внешние побрякушки “суверенитета” — вроде флага, гимна, национального президента и т.п. — лишь подтверждает очевидную истину: идеологии предназначаются

для элит тех регионов, которые образуют периферию имперских пространств.

Так, тезис о защите демократии в мире, который употребляют американские стратеги, является слегка архаичной моделью национальной имперской доктрины США и адресован суверенным колониям в Восточной Европе и Юго-Восточной Азии.

В такой ситуации борьба коммунистических и демократических группировок на имперских пространствах России должна быть расценена как антиимперская политика, которая стимулирует рост сепаратизма, препятствует становлению целостной стратегической элиты русской нации и открывает дорогу чужим имперским устремлениям.

Сейчас необходимо взглянуть правде в глаза, а не прятаться от реальности за привычными рассуждениями о враждебном заговоре против России. Предстоит или изменить представление о характере мировых процессов и принять участие в них в роли империи, или очередной раз превратить страну в площадку для чудовищного социального эксперимента.

Если стратегические элиты России выберут первое, придется провести технологическую модернизацию, изменение функций и структуры политической системы, вернуться к относительной культурной “открытости” в противовес изоляционизму (или относительной “закрытости” в противовес абсолютной прозрачности). На втором пути нас ожидает либо загнивание в условиях политической изоляции, либо “братство народов” на развалинах русской цивилизации.

Постиндустриальный империализм вносит радикальные изменения в социальную стратификацию общества. Традиционная опора современной либеральной демократии — средний класс — уже не является интегрирующей силой. Он истончается и утрачивает свои функции перед лицом колоссального неравенства, которое отныне становится важнейшим признаком нового социального порядка в постиндустриальном мире. Физический капитал перестает быть определяющим фактором во властных пирамидах, его место занимает информация. “Революция менеджеров” кардинальным образом изменила структуру политического поля, сделав научные знания инструментом актуальной имперской политики. В геополитическом отношении формируются наднациональные союзы, использующие культурные организации, международные объединения типа Парижского клуба, которые осуществляют целенаправленное структурирование политического пространства в рамках вполне гегемонистской концепции “мирового порядка”.

Постиндустриальная фаза развития империализма на Западе характеризуется следующими ключевыми признаками:

1) власть в глазах большинства обывателей становится анонимной;

2) менеджеры и управляющие теснят владельцев корпораций, создавая основы для капитализма без капиталистов;

3) в социальной структуре общества остаются только два класса: владельцы и пользователи информации (плюс обслуживающий персонал), с одной стороны, и стремительно нищающая масса наемных работников — с другой;

4) развал прежних основ стабильного общества (традиционная семья, культура, идеология) компенсируется усилением религиозности, причем не всегда христианской;

5) потребительский гедонизм замещает идеологию;

6) в сферу политики вторгаются новые социальные движения, принципиально не имеющие отношения к традиционным идеологическим построениям;

7) насилие в повседневной жизни становится одной из основных проблем общества.

К вышесказанному следует добавить, что в XXI веке значительно возрастает незащищенность личности. Пресс власти, информации, анонимных социальных сил лишает индивида возможности свободного выбора стилей жизни, поэтому уже сегодня можно говорить о кризисе философии прав человека. именно тотальная незащищенность личности определяет характер становления новых коллективных идентичностей в Европе и США.

Не исключено, что на смену борьбе капитализма с коммунизмом придет противостояние индивидуальных и коллективистских начал в общественной жизни. Степень жестокости будущего конфликта зависит от глубины разочарования людей в перспективах построения мирового порядка на рациональных принципах. взрыв этнонационализма и сепаратизма лишь усиливает это разочарование.

Несмотря на очевидные успехи технологического империализма, в сфере организации глобального социально-политического и экополитического пространства, кризис социальной справедливости грозит обернуться настоящим бедствием для современных олигархических режимов. Примечательно, что проблемы бедности и социального неравенства не решаются в рамках действующих технологических- имперских проектов.

Не менее острым вопросом для технологического Запада остается и радикальная трансформация культурного ядра, которое размывается волнами миграций из афро-азиатских регионов. Грозит бедой и политика религиозного синкретизма, ослабляющая роль христианских ценностей в структуре западной идентичности. Не

удивительно, что революция сознания вызывает к жизни интерес к формированию основ западной цивилизации на языческих принципах или на базе нетрадиционных религиозных доктрин.

Десакрализация институтов власти (но не самой власти) существенно затрудняет управление политическими субъектами. Если учесть, что дробление идеологического и социального пространства является неотъемлемым атрибутом информационного общества, то контроль за глобальными процессами в мире может быть обеспечен лишь при наличии согласия между стратегическими элитами. Подобное согласие представляет собой комплекс временных договоренностей, заключенных многочисленными “центрами власти” друг с другом перед угрозой экономических кризисов и масштабных экологических катастроф.

Мы видим нарастание хаоса, импульсивность человеческого поведения в условиях информационного “ига”, непредсказуемость экономических процессов — все это является обратной стороной технологического империализма, характерного для западной цивилизационной модели. Вместе с тем, выхолащивание из сознания людей религиозной “картины мира” создает проблемы в объяснении и понимании причин происходящих социальных изменений.

Русская цивилизация в контексте современности

Россия не может остаться в стороне от глобальных процессов. Это не означает, что большинство негативных аспектов становления новых общественных отношений и новых форм власти в обязательном порядке будут воспроизведены в России в том же виде.

Дело вовсе не в оторванности нашей страны от общемировых тенденций, а в особенностях того исторического опыта, который накопила России в ходе развития русской цивилизации. Приняв это во внимание, можно с уверенностью утверждать, что принципы соборности, взаимопомощи и этнокультурной терпимости существенно повлияют на философию и практику нового мирового порядка.

Нынешняя нравственная растерянность населения и атомизация общественных структур России свидетельствуют не о глубинной катастрофе “примордиальной” Руси а лишь о замечательной способности русской цивилизации возрождаться в качественно новом обличии без изменения своей сущности (Святой Руси). Как говорил поэт, России свойственно идти “путем зерна”. Отмирание ветхих вор быта и властвования открывает дорогу для появления новых, более органичных процессов социального развития.

Это позволяет надеяться, что в XXI век русская цивилизация войдет как имперская, технологически зрелая держава, опирающаяся на собственные культурно-исторические ценности.

Русский вариант технологического империализма предполагает наличие:

1) православного фундаментализма в идеологии, как стабилизирующего фактора национальной “картины мира”,

2) эффективных стратегий индивидуального экономического поведения при доминировании в общественном сознании коллективистских установок,

3) решительный отказ от концепта “современность” (канал цивилизационной экспансии Запада в других странах) и признание многомерности и мультивалентности культурно-исторического развития.

Более подробный анализ русского варианта технологического империализма мы надеемся дать в последующих публикациях.

Петр Хомяков

ИМПЕРИИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ И БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ

В развернувшейся в настоящее время острой политической борьбе одним из видов оружия является дезинформация. Выступает она не только в виде явной лжи. Гораздо опаснее невидимый яд концептуальной дезинформации, когда сознание противника запутывается ложными ассоциациями, заставляющими поверить, что белое это черное и наоборот.

Одним из таких мифов является отождествление национальных и государственных интересов. Миф этот связан с исключительно сложными проблемами и имеет давнюю предисторию. Важнейшее его следствие — отказ видеть различие между национальной и бюрократической империей.

Но сначала несколько фактов.

В Российской империи наделы русских крестьян были в среднем в 2-5 раз (в зависимости от региона) меньше наделов местных инородцев. В Российской империи на целый ряд нерусских народов не распространялась рекрутская повинность. В Российской империи к 1914 году среди дворянства только 45% было православных (русских, украинцев, белорусов, армян и грузин вместе взятых). Таким образом, русских среди российского дворянства было менее 30-35%.

В Советском Союзе при проведении коллективизации в русских областях, раскулачиванию безоговорочно подвергались хозяйства, размером более 5 гектаров, или имеющие в своем распоряжении трех и более лошадей. Вместе с тем, в Советском Союзе в Грузии размер только личных приусадебных участков вплоть до 90-х годов составлял до 5 гектаров, а особое разрешение требовалось только при превышении этого размера (что однако бывало нередко). А в Татарии и республиках Северного Кавказа в личном семейном хозяйстве разрешалось держать лошадей, количество которых нередко превышало три. Добавим к этому, что во время Великой Отечественной войны представители малых

Петр Михайлович Хомяков, доктор технических наук, профессор, автор многих статей по проблемам современной политики России и книг “Национал-прогрессизм” и “Национализм без социализма”.

народов (численностью менее 20 тысяч человек) призыву в армию не подлежали. Сравним эту ситуацию с классическими образцами, которые преподносит нам история.

Классическим типом империи считается Римская. Однако римские граждане в империи имели преимущества, как юридические, так и экономические. Италия потребляла больше, чем производила. В империи Третьего рейха, целью существования государства было обеспечение преимуществ для немцев за счет других народов. В Британской империи эксплуатация колоний давала "сверхприбыли", которые так или иначе шли в фонд потребления всей метрополии — Англии. Так что же такое империя? Был ли империей Советский Союз? Была ли империей царская Россия ?

По-видимому можно дать два определения империи. Первое. Империя — это сильное большое многонациональное государство с авторитарным режимом правления. Но в таком определении мы скользим по поверхности фактов, не постигая их сути. Зачем и кем создается такая империя, что и кто держит разные народы в едином государстве? На этот вопрос можно ответить, дав более точную формулировку. Империя — это сильное большое многонациональное государство с авторитарным режимом правления, созданное с целью обеспечения преимуществ ведущей нации, образующей империю, несущей ответственность за нее перед Историей.

И здесь мы подходим к главному вопросу, приковывающему обостренное внимание всей патриотической публицистики, всего современного патриотического движения в России. Что первично — нация или государство? И еще один вопрос, связанный с первым — для чего создается государство?

Большинство серьезных исследователей при всем различии политических взглядов считают государство не целью, но средством. Тогда совершенно очевидно, что наше второе определение империи логично отражает образование сильного государства в интересах нации. Нация и образует империю, своей волей и мощью заставляя служить себе земли и народы.

С этой, заведомо идеализированной, точки зрения Римская и Британская империи, Третий рейх и подобные государства безусловно являются империями. А Россия ни в царском, ни в советском варианте классической империей не была.

В развитии любой системы, в том числе государства как организации, можно наблюдать подмены и искажения первоначальных целей. Часто государство вместо того, чтобы быть инструментом организации коллективной жизни людей и борьбы со злом, само может становиться источником зла. Тогда оно служит только своим

функционерам, бюрократии, теряет национальную природу. Тогда и только тогда возникают так называемые "классовые" проблемы.

Профессиональные группы, естественные в любом большом коллективе, превращаются в "классы" тогда, когда они присваивают себе, пользуясь своим положением, неадекватную долю общественного пирога. Попытки преодолеть такое расслоение общества не означают, что распределение должно быть равным. Коротко говоря, оно должно быть справедливым. Ограничимся пока этим постулатом.

Не обязательно группами, узурпирующими плоды общих усилий нации, будут государственные служащие. Но если это происходит, государство из инструмента, превращается в цель. Вот тогда процесс построения национальной империи может выродится в процесс построения империи бюрократической. И тогда нация, взявшаяся за построение империи, оказывается ее основной жертвой. Это происходит потому, что ведущая имперская нация в данной ситуации лишена противоядия против бюрократического произвола, длительное время рассматривая цели империи и нации как совпадающие. При этом не входящие в ведущую нацию этнические группы объединяются для защиты собственных интересов, отчасти нейтрализуя бюрократический гнет для себя. В итоге основная тяжесть бюрократического правления падает на имперскую нацию.

Именно тогда в правящий класс активно инфильтруются инородцы. В Российской империи это были немцы, мусульмане и поляки. Ну а про подобный процесс в советской бюрократической империи было сказано не раз, и мы не претендуем на бледное повторение ярких работ В.Шульгина, А.Иванова, Д.Рида и других известных авторов — знатоков этой проблемы. Заметим лишь, что для своего морального оправдания, бюрократическая империя вынуждена выдвигать какие-то наднациональные "идеи". в этом случае бюрократическая империя идеократична и даже агрессивна по отношению к имперской нации.

Здесь следует сделать паузу и еще раз отметить, что мы пришли к пониманию двух вариантов реализации империи — национальному и бюрократическому. Оправданным на определенном историческом этапе может быть лишь существование национальных империй. Это не означает нашего безоговорочного восхищения ими. Историческое оправдание конкретных имперских государств лежит на тех нациях, которые их создавали.

В образовании национальных империй есть определенная логика. Национальные империи средствами сильного государства способствуют реализации творческого потенциала имперских наций, чего не скажешь об империях бюрократических.

Сказав слова "творческий потенциал наций" мы выходим на новый виток понимания проблемы и снова задаем вопросы. Что есть нация? Чем она отличается от народа, народности или этноса?

Различные группы людей, говорящие как правило на одном языке, проживая на одной территории, обязательно создают свою систему быта, которая характеризуется бытовой культурой. Если данная общность людей не создала ничего большего, мы обычно называем ее народностью.

Бытовая культура может развиваться, в своих обобщениях достигая определенных высот и выходя на мировой уровень. Для этого надо подняться над непосредственным осмыслением своего быта и затронуть вопросы бытия. Помимо чисто духовных предпосылок для этого, хотя бы по законам вероятности, необходима как минимум какая то предельная численность людей говорящих на данном языке, какое -то развитие материальной культуры. В противном случае данные культурные достижения не дойдут до других народов и не будут оценены ими.

Такая общность людей, которая способна выйти за рамки чисто бытовой духовной и материальной культуры обычно зовется народом. Народ обязательно известен не только ближайшему соседу, но и другим народам. И все таки народ еще не нация. Нацией народ становится только образовав государство. Народ использует возможности государства для реализации своего видения мира, своего типа хозяйства и культуры, своего типа взаимодействия с природой.

Однако есть нечто большее, чем государство, это — тип цивилизации. Государств за всю историю было сотни, типов цивилизации гораздо меньше. Мы знаем античную цивилизацию, развивавшуюся в пределах разных государств — Греции, Рима, Босфора. Мы знаем китайскую цивилизацию, перемоловшую в своем котле десятки народов и княжеств, и создавшую миллиардный монолит, в настоящее время практически моноэтнический. Современная западная цивилизация практически едина в своих основных проявлениях, хотя охватывает десятки государств. И у каждой из этих цивилизаций есть нация — основной ее творец.

Если нация способна дать ответы на большую часть вопросов, которые ставит перед человечеством Природа и Судьба, нация становится творцом определенного типа цивилизации. Типы цивилизации борются за территории и рынки, за умы и сердца как мировые религии за паству.

Борьба различных типов цивилизации за территорию и влияние — не просто борьба государств за ресурсы. Это борьба за способ ответа на вызовы Природы. Если у нации нет ответов на эти вопросы, она заимствует их у того, кто эти ответы знает. В случае подобного

заимствования нация иногда может превзойти своих "учителей " и стать лидером в той или иной цивилизации.

Став так или иначе лидером определенного типа цивилизации, нация политически оформляет это лидерство. Способы оформления могут быть различными, одним из них является построение национальной империи.

Великий русский народа является создателем определенного типа цивилизации. Все знают достижения русской гуманитарной культуры. Однако далеко не все, к сожалению, осознают, что в России создан совершенно оригинальный тип научного и инженерного творчества. Именно русские инженерные традиции, а также традиции русского образования, позволяют ответить на главные вызовы современного мира — ресурсный, экологический и информационный кризисы.

Видимое техническое отставание России от Запада обусловлено отнюдь не отсутствием собственных технических возможностей. Просто экономика России истощена хроническим дефицитом, вследствие необходимости дотирования республик СССР (СНГ). (суммы дотаций составляют около 50 миллиардов долларов в год), а также неравноправным, неэквивалентным обменом с Западом (еще примерно столько же).

Неправомерно оценивать русскую цивилизацию, сравнивая процветающий на "мягком" грабеже, теперь уже всего мира, Запад, и истощенную этим грабежом, а также лукавыми "друзьями", Россию. Трагедия России не в неспособности создать свой тип цивилизации. Трагедия России в том, что нация, способная создать, и создавшая, свой тип цивилизации, не создала национального государства, хотя бы в форме национальной империи. А бюрократическая империя, в том числе в своем “красном” варианте, — враг русской нации. И этот враг уже в личине своего приемника — нынешней авторитарно-бюрократической России продолжает истощение сил русской нации. На повестке дня стоит уже проблема физического сохранения русского населения.

Для справки приведем несколько цифр. За 1993 год средняя продолжительность жизни в России сократилась с 69 до 64 лет, рождаемость упала до величин, характерных для самого трудного периода войны (в 1942-1943 гг.). Вымирание русского населения начавшееся в 1992 году, по нашему мнению самый большой грех нынешних властей, которого одного было бы достаточно для того, чтобы все честные и здоровые силы общества встали в оппозицию такому режиму.

Следует признать, что данная проблематика явно недостаточно исследована национально ориентированными аналитиками. Между тем, мировая история и история России дают достаточно фактов для

размышления по поводу связи демографических, национальных и политических проблем, практически одновременно возникающих в ситуациях определенного типа развития государств. И ключом к решению подобных проблем является как раз правильное понимание роли империй в свете вышеизложенных концепций.

Еще раз напомним, что в Российской империи не только значительная часть интеллигенции была не русской по своему этническому происхождению, но и дворянство было только на 35% русским, в то время как русские составляли свыше 60% населения империи.

Русскому человеку было и тогда гораздо труднее сделать государственную карьеру, чем инородцу. Вспомним хотя бы дерзкую просьбу героя лейпцигского сражения, покорителя Кавказа генерала Ермолова : "Государь, запишите меня в немцы". Вспомним всех этих Рененкампфов, Корфов, Каульбарсов, которые отличались только карательными акциями против русских крестьян и рабочих, но были куда как "скромны" на полях сражений русско-японской и Первой мировой войн. А еще раньше, во времена того же Ермолова — сплошные Бенкендорфы, Дубельты, Нессельроде.

Не менее интересно посмотреть, что же происходило в это время (XIX век) на нижних этажах социальной пирамиды. Естественный прирост крепостного русского населения был крайне низок, а к середине века стал отрицательным. Русская крепостная деревня вымирала. Весь объем русского демографического взрыва XIX века обеспечивался казачьими областями, Сибирью и Новороссией, где крепостное право отсутствовало, либо было невелико, а бюрократический гнет был не столь свиреп.

Реформы Александра II вызвали резкий подъем численности населения, именно русского населения. Одновременно реформы вызвали приток представителей русского народа в средний и даже высший класс общества, к сожалению не достаточный для становления преимущественно русской элиты. Тем не менее эти два процесса — демографический рост и "национализация" элиты оказались взаимосвязанными. Ниже мы покажем, что это вполне закономерно, но вначале рассмотрим аналогичные процессы в их еще более ярком проявлении.

Обратимся к примеру так называемых древнеземледельческих цивилизаций. Египет, Вавилон, деспотии Средней Азии, древний Китай практически все время своего существования враждовали с окружающими народами, государства которых были менее оформленными. Исследователи хозяйственной практики древних "ирригa-ционных" империй давно пришли к выводу, что они не могли

существовать без постоянного притока рабов, ибо коренное население вымирало от непосильного труда и низкого уровня потребления. Поэтому войны были неотъемлемой частью данной хозяйственной практики.

Гораздо в меньшей степени осмыслен парадоксальный феномен, на который обратил внимание наш выдающийся современник, ученый и патриот Л.Н.Гумилев, а именно правящая знать данных империй регулярно обновлялась за счет тех же врагов-кочевников. Складывается впечатление, что не только, и может даже не столько самый низший слой — рабы, но и самые верхние слои данных империй замещались представителями инородцев, обладающих большей "пассионарностью", чем вымирающее под бременем родного государства коренное население.

И тут мы подходим к самому интересному выводу нашего экспресс-обзора. Очевидно, что объективно для замещения вакансий в высшем и среднем классе общества требуются люди повышенной энергичности и повышенных способностей. Никогда в истории, в силу чисто биологических особенностей популяционной динамики, правящий класс не мог полностью самовоспроизводиться. Действительно, говоря несколько упрощенно, у гения дети не обязательно будут гениями, а у олимпийского чемпиона — олимпийскими чемпионами.

В такой ситуации правящий класс либо постепенно деградирует и губит государство, либо пополняется. Весь вопрос за счет кого? За счет собственного народа, либо за счет инородцев.

Если собственный народ обессилен непомерным бременем иррациональной политики, он попросту не в силах дать нужное количество энергичных и талантливых людей. И тогда правящий класс поневоле должен принимать в свои ряды любых инородцев, даже врагов-кочевников, как в древнем Китае. А далее процесс идет по принципу цепной реакции. Инородческая, в значительной части, элита еще сильнее давит чуждые ей народные массы, давит уже не только для неких не оптимально определенных государственных целей, но просто по прихоти, ради извращенных страстей. Вспомним, как уничтожала русских крестьянок барыня Салтычиха — потомок татарских мурз, перешедших на службу московскому князю.

И тогда становится уже невозможно набрать из до предела истощенного и униженного коренного населения не только высший, но даже и средний класс. Подобных примеров можно привести массу. Вспомним хотя бы Россию времен Петра I. Запредельные нагрузки, обрушенные на русский народ, вызвали его вымирание. Население сократилось примерно на 15%. И хотя Петр призывал в правящий и средний класс представителей любого сословия (мы знаем много примеров блестящих политических карьер представителей простонародья при Петре I), этого было недостаточно. Дворянство радикально

"онемечилось". А дальше пошла уже описанная нами в общем виде цепная реакция. Так при Анне Иоанновне крестьяне лишились последних экономических прав, а при "Великой" Екатерине II их положение было уже хуже, чем положение рабов на плантациях. Крепостники же были и впрямь плантаторами в массе этнически чуждыми русскому народу.

Читателю уже ясно, что государственные образования именно такого типа являются характерными примерами определенных нами выше бюрократических империй. В подобных империях униженный народ деградирует, а бюрократия все больше "интернацио-нализируется", хотят того верхи или не хотят. Ну а потом такое химерное государство рушится, потому что народу уже абсолютно все равно, кто его давит — внешний или внутренний эксплуататор — они все равно инородцы, а сами бюрократы рассматривают "эту страну", как колонию, куда они пришли "на заработок".

Именно так развалилась Римская держава, пройдя путь от непобедимой республики, где все правящие верхи были римлянами, до всемирной империи, возглавляемой "солдатскими императорами" не римского происхождения. И не помогла "интернациональной" Римской империи ее огромная армия. "Чем гуще трава, тем легче ее косить" — сказал представителям интернационального сброда готский король Аларих II разгромивший Рим.

Итак, основным выводом приведенных здесь рассуждений является следующий. Невозможно соблюсти этническую чистоту государственной элиты, если жизненный уровень народа падает ниже определенной отметки.

И второй вывод. Пополнение среднего класса представителями низших слоев гораздо более вероятно, чем пополнение сразу верхних слоев. Поэтому маловероятно существование национальной элиты, если государство не доверяет своему среднему классу. Перефразируя известный афоризм Клаузевица "если народ не хочет кормить свою армию, он будет кормить армию оккупанта", скажем: "если народ не хочет кормить свою интеллигенцию он будет кормить интеллигенцию инородческую". Добавим, эта инородческая интеллигенция рано или поздно сформирует элиту, которая погубит и государство и народ.

Наши выводы, нравится это кому-то или нет, заставляют по иному взглянуть на нашу давнюю и недавнюю историю. В трагедии Октября виновата не только "нерусская" российская интеллигенция (о чем так много пишет наша оппозиционная пресса), но и "нерусское" российское дворянство и бюрократия (о чем наша оппозиционная пресса целомудренно молчит). Оказавшись в глубоком демографическом кризисе после октябрьской катастрофы, русский народ потерявший

зарождавшиеся ростки национальной элиты и национального среднего класса, не мог не оказаться под инородческой властью.

Политический талант Сталина состоял в том, что он смог начать восстановление национальной русской элиты, однако эти попытки не могли быть до конца успешными при низком уровне народного потребления, а также при известном недоверии к средним слоям. Между тем средние слои современной России, это, что бы там не говорили пристрастные оппоненты, в первую очередь потомки раскулаченных крестьян. То есть это потомки той, не состоявшейся из-за Октября русской национальной элиты, формировавшейся из средних слоев пореформенной России.

Демографический потенциал республик бывшего СССР после революции, основной жертвой которой стал русский народ, был относительно выше. Так, например, русское население за годы советской власти возросло всего лишь в полтора раза, в то время как население республик Средней Азии и Закавказья в 2-4 раза. Итогом такой ситуации не могло не стать усиление давления азиатско-кавказских элементов в союзной элите. А она в свою очередь все активнее перераспределяла средства в указанные регионы. В качестве примера вспомним хотя бы незабвенного замминистра водного хозяйства Полад-Заде, под руководством которого перекачали из бюджета России около 150 миллиардов рублей (это в ценах 1980 года) в Среднюю Азию и Закавказье.

Разница в уровне жизни подстегивала демографический дисбаланс. У России в СССР, нравится это кому-то или нет, будущего не было.

Однако это не значит, что нынешние властители, разваливая СССР, спасали Россию. У нынешнего руководства другие задачи. Если Россия в данной ситуации жертва, то уместно сказать, что в последние десятилетия просто шла борьба хищников за долю в добыче.

Возрождение же России не в смене одних хищников на других, а в полном освобождении от всех хищников и паразитов. Это возможно только при формировании русской национальной элиты и мощного русского среднего класса, к которому у верхов новой России не должно быть никакого недоверия. С другой стороны никакое возрождение невозможно в случае дальнейшего падения жизненного уровня народа и сохранении демографического кризиса в России.

Но, может быть мы слишком пристрастны к империи, как типу государства, может цель функционирования империй нами неправильно понята? Писал же выдающийся русский мыслитель Иван Ильин, что государство имеет (или, в идеале должно иметь) главной целью защиту национальной культуры. Но этого, при всем нашем уважении к Ильину,

очевидно недостаточно. Как и всякая система, государство должно иметь по крайней мере еще одну цель — самосохранение. А если самосохранение противоречит защите национальной культуры? Да и вообще, что такое национальная культура? Народные традиции быта, хозяйства, самоуправления и т.п. — культура? Если да, тогда что же делали “ультрагосударственники” Иван III и Иван IV (Грозный), уничтожая наиболее сохранившийся после татарского погрома жизненный уклад Новгорода и Пскова? Население Москвы было в те времена в большинстве неграмотное, население Новгорода поголовно грамотное. Разгром Новгорода — это несомненно удар по культурному уровню русского народа. Так укрепляли подобными действиями государство Иван III и Иван IV или нет?

Все эти вопросы вообще-то носят риторический характер. Очевидно, что марксистское "государство есть коллективная собственность бюрократии" наиболее четко определяет сущность данного явления. В идеале бюрократия должна в обмен на свои привилегии активно заботиться о народной, национальной, культуре, о благосостоянии, или хотя бы о выживании и самосохранении народа, о потенциале — производственном, природно-ресурсном, научно-техническом той территории, которая ей "подведомственна". Но это в идеале. Напрямую бюрократия заботилась, заботится и будет заботится только о своем самосохранении у кормушки благ. Она заботится о хозяйственном, природно-ресурсном, научно-техническом, культурном и демографическом потенциале "своей" территории только постольку, поскольку это соответствует целям ее собственного самосохранения.

Объективно, интересы бюрократии совпадают с интересами бескризисного, как это модно сейчас говорить "устойчивого" развития управляемой территории. Но, во-первых, это совпадение объективно не стопроцентное, во-вторых, коллективное самосознание правящих кругов не может быть выше среднего уровня, поэтому бюрократия не всегда может четко отслеживать целиком даже ту часть своих целей, которые объективно имеют общенародное значение, и, наконец, в-третьих, качество управления не бывает идеальным. Таким образом, даже объективно имея в составе своих эгоистических интересов некую (пусть даже значительную) "общенародную" составляющую, бюрократия, а следовательно и государство, в своей управленческой практике просто в силу законов природы не может быть единственным выразителем интересов общенациональных.

Поэтому не следует удивляться, что Российское государство, Российская империя столь "непоследовательно" защищала общенациональные интересы. Да, государство заботилось о национальной культуре, однако только в той ее части, которая работала

на идеологическое обеспечение власти. При царе это была, широко говоря, культура Православия. Но то же государство безжалостно уничтожало независимую народную культуру. Искусство скоморохов, народные песни и пляски, народные праздники, которые не смогли быть ассимилированы государственной культурой, преследовались. Преследователями же были не заморские "агенты влияния", а родные еще этнически чисто русские цари — последние Рюриковичи и первые Романовы. Кстати, не только народное искусство искоренялось. Мы недоумевали, почему в России не оказалось народных школ единоборств. А оказалось, что они были, однако вместе с песнями и плясками, вместе со скоморохами, были изведены и кулачный бой и славяно-горицкая борьба. Сейчас они по крохам восстанавливаются энтузиастами.

В этой связи интересно отметить, что именно наступательный, победный дух не имея национальной культурной окраски, обязательно реализуется в иноземных формах. Невозможно воспитать полноценного воина, предпринимателя, землепроходца, если нет соответствующего идеала. А если в национальной культуре, придавленной государством "прописались" только униженные и оскорбленные? Русские мальчишки именно благодаря многовековым стараниям "государственников" могут учиться идеалам доблести и рыцарства у героев Дюма, Джека Лондона и Стивенсона, а укреплять свои мускулы в японских и китайских единоборствах. Таким образом исподволь нарастает отчуждение наиболее энергичной части нации от своей культуры. А ведь были у нас и доблестные, веселые и удачливые воины и мастера русского рукопашного боя. Однако сверхсильному государству нужно слабое, послушное в своей массе население. Поэтому о своих "мушкетерах" лучше забыть, а за образец взять чужих. А то что накопление подобных тенденций в долгосрочной перспективе дает полное отчуждение нации и от государства и от культуры, бюрократию в данный момент не волнует.

Обязательно ли именно такое поведение правящей верхушки к культуре своего народа. Отнюдь. В Англии, например, кулачный бой стал основой современного бокса, английская народная баллада стала "международным эталоном". То есть, если исторически складывается ситуация, когда именно народные "низовые" искусство, спорт, бытовые традиции поощряются или хотя бы не преследуются государством, они развиваются и, отшлифованные профессионалами, становятся стандартами мировой культуры.

Фактически такое же положение и с природно-ресурсным и с демографическим и с научно-техническим потенциалом. Если бюрократия не осознает гибельности для нее лично, хищнической эксплуатации ресурсов, она их разбазарит. В той же Англии не помешало государство свести все леса. Да и у нас, в России, хищническая

сельскохозяйственная и лесохозяйственная эксплуатация центральных районов сделала их скудными задолго до большевиков, на которых теперь принято валить все наши беды. Еще при Иване Грозном распаханность Подмосковья была гораздо выше любых агроэкологических норм. А о сведении широколиственных лесов в России и северной Украине вообще говорить не приходится, оно завершилось к середине XIX века.

Истощение демографического потенциала, или, если проще, надрыв народных сил вообще не принимался правящей русской верхушкой во внимание. Петр I, так много сделавший для укрепления государства, тем не менее "убавил" население на 20%.

А знали ли мы протекцию по отношению к собственной науке, промышленности, торговле? Знали. Но в очень скромных размерах и только эпизодически.

Таким образом, мы можем утверждать, что в российской истории последних столетий при неуклонном расширении бюрократической империи (укреплении государственной машины и приращении территорий) не было сколько-нибудь продолжительного периода, когда государство одновременно бы заботилось и о благосостоянии народа, и о народной культуре (в широком смысле этого слова) и о национальной науке, промышленности, торговле. Переживаемый сейчас период — не есть результат последних лет. Мы наблюдаем финал многовекового процесса, когда сменявшие друг друга элиты, лишь частично и далеко не оптимально решавшие общенациональные задачи, довели страну до системного кризиса, когда она может выжить только резко сменив большинство своих стереотипов, которые к сожалению уже достаточно въелись в ткань народной жизни.

В данном случае Россия переживает далеко не уникальный процесс. Уникальность лишь в масштабах. Переход к Новому времени в Европе сопровождался теми же явлениями. Человечество решило проблему адекватности государства и народа на путях построения национального государства. Национальное государство по сути своей обязано защищать эгоистические интересы своего населения. По существу это хорошо забытое старое а именно идеология и — практика раннего Средневековья на новом техническом уровне. Все эгоистические подлости (если не все, то максимум) бюрократии были обращены "на чужих". Свои же получили гарантированный минимум привилегий. В Англии, в отличии от России, быть англичанином выгоднее, чем иностранцем. Негромкий, но жесткий национализм Англии спас ее от тоталитарных потрясений. "Не хотите социализма — будьте империалистами" — говорил своим "братьям по классу" покоритель

Родезии Сесиль Родс. Империализм в данном случае есть воинствующий национализм.

В такой ситуации искусство, наука, язык, даже бытовые традиции — то есть все атрибуты культурной национальной самоидентификации становятся источником привилегий. Так на изначально сугубо низменной, шкурной, если хотите, мотивировке строится здание государства, которое как это ни странно не истощает свой народ, не способствует деградации своей культуры.

А чтобы, как в раннее Средневековье, верхушка не свихнулась на более легкий путь эксплуатации "своих" — ее ограничивают в правах. То есть государство как раз ослабляется, империи уничтожаются. Но это слабое государство в сильной стране, с процветающим народом, с научно-техническим лидерством. Для решения внешних задач у такого государства достаточно сил. Поэтому для иноземцев, для внешнего наблюдателя, оно кажется сильным.

Германия не смогла в свое время построить такое государство. Ее национализм поэтому проявился, отягощенный комплексами неполноценности. Фашизм есть истерическая карикатура на национализм. Реальный, победивший, и уверенный в себе национализм не задирает весь мир, не сажает свой народ на карточки, не теряет в бессмысленной бойне миллионы своих людей и не приводит страну к краху. Но, что характерно, именно карикатурному национализму присуща гипертрофия государства. Соединение национализма с государственным фетишизмом приводят к краху и государство (низвержение бюрократии в разгромленной стране) и нацию.

Наверное именно поэтому стабильные бюрократические машины (длительно функционирующие авторитарные государства и бюрократические империи, в частности) не приветствовали национализм. А истинные националисты (которые успешно реализовали националистическую стратегию на деле), в свою очередь смотрели на государства только как на инструмент.

Итак, какой путь выберет Россия. Если государственнический, бюрократически имперский, то ее обвал будет продолжаться. Разграбление страны не прекратят разного рода полицаи, сколько их не плоди. Все равно их купят. Россию при этом ждет участь СССР, когда при презрительном холодном равнодушии масс была разрушена страна, которая давно им не принадлежала.

Разграбление России смогут прекратить только сами русские в своей массе, но только в том случае, если Россия станет в прямом смысле слова их страной. Русский язык, русская культура сохранятся и расцветут, если сам факт владения ими будет источником преимуществ. Только через воинствующий, однако трезвый и холодный, низовой, национализм

в массах мы спасем и свою культуру и свою науку и свою природу и, наконец самих себя чисто физически. При этом мы не должны укреплять государство любой ценой. Только укрепление внешних функций, только усиление репрессивной эффективности по отношению к чужим. И резкое ограничение возможностей госаппарата по отношению к своему гражданину. Купленный богатым дядей из ближнего или дальнего зарубежья чиновник не должен иметь никаких возможностей ущемить нас, тогда его и покупать никто не станет. Его привилегии пусть обеспечиваются внешней экспансией — экономической, культурной, геополитической.

Это не политиканский лозунг, это научный результат. Мы выживем, если вновь, как во времена Владимира Мономаха станем националистами прежде всего, а государственниками постольку поскольку. И пусть как в те богатырские времена русскими воинами пугают разных половцев, была бы Русь "украсно украшенной", богатой и обильной. И не надо бояться внешнего осуждения. Ненависть чужих укрепит наше единство.

Ну а на тех, кто так надрывно твердит о сакральном смысле государства, воспевает прелести бюрократических империй надо посмотреть повнимательнее. Может быть действительно нет особой разницы между столь разнообразными в своих политических декларациях политиками?

Процесс национального возрождения не должен различать номенклатурного демократа, номенклатурного коммуниста и номенклатурного государственника. Все страсти их политического противостояния, их взаимная ненависть — не что иное как толкотня у кормушки. Для России они одинаково чужие.

Леонтий Бызов

РОССИЯ: ИМПЕРИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО?

(О некоторых тенденциях развития массового этнического сознания в России и ближнем Зарубежье)

В середине 80-х годов огромное суперэтническое образование — СССР — вступило в процесс модернизации политической системы, носивший "догоняющий" характер. Политической и культурной элитой, ставшей "локомотивом" преобразований, он был осмыслен как "превращение страны в цивилизованное государство, такое же как ведущие страны Запада". Впрочем, "демократическая" элита, противопоставившая себя старой, "имперской", представляла страны Прибалтики, Россию, отчасти Закавказье, а также Западную Украину. Стремление этих элит к модернизации (часто не полностью осознанное, проявлявшееся скорее как импульс) привело к идее создания национальных государств на основе бывшей империи. Модернизация политической системы стала катализатором распада бывшего суперэтноса и поставила некоторые входившие в него этнические образования перед угрозой потери идентификации. Был ли вообще СССР суперэтносом? Это утверждение многими оспаривается, но наши исследования показывают, что взаимная "комплиментарность" отдельных цивилизаций, существовавших на евразийской части СССР, привела к формированию этнокультурного пространства, во многом носившем черты суперэтноса. Об этом говорят наблюдения за динамикой развития культурных элит в тюркско-мусульманских регионах СССР, отражающие процесс создания "светской" цивилизации с большим влиянием российской культуры. Ниже мы приведем данные собственных оригинальных исследований, показывающие, что и в суверенных республиках Центральной Азии сохраняется пророссийская политико-культурная ориентация, превосходящая соответствующее влияние более казалось бы культурно-конфессионально близких Турции и тем более

Леонтий Георгиевич Бызов, известный социолог, автор многочисленных статей и исследований, кандидат экономических наук.

Ирана. Аналогичные результаты дали и исследования в Азербайджане. Сами понятия "суперэтнос", "субэтнос", "этническая комплиментарность", "пассионарность" введены в научный обиход Л.Н.Гумилевым (2) и используются вне зависимости от приятия или неприятия историософской концепции последнего.

Таким образом, инициаторами распада СССР стали "прозападно" ориентированные элиты ряда союзных республик, в первую очередь "российские демократы", политически оформившиеся на рубеже 80-90-х годов сначала в "Межрегиональную депутатскую группу", а затем в движение "Демократическая Россия". По мнению многих современных теоретиков (12), создание национальных государств — неизбежная стадия перехода от традиционного общества к современному, т.е. неизбежный спутник модернизационных процессов. Русский традиционалист-государственник Константин Леонтьев еще в конце прошлого века, наблюдая создание Бисмарком германского государства на базе разношерстных и разнокультурных германских субэтносов, политически объединившихся вокруг Пруссии, писал о "разрушительном космополитическом значении тех движений Х1Х века, которые зовутся национальными". "Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации". "У многих вождей и участников этих движений Х1Х века цели действительно были национальные, обособляющие, иногда даже культурно-своеобразные, но результат до сих пор был у всех и везде один — космополитический" (13, с.156). Империя — СССР, включавшая в себя столь большую "разность потенциалов" как прозападная, давно идентифицировавшая себя в качестве фрагмента (пусть периферийного) центрально-европейского суперэтноса Прибалтика и политически сохранившая черты средневековья Туркмения, обеспечивала политическую надстройку, весьма толерантную к этнополитическим особенностям ее составляющих и в определенной степени консервировала сохранившиеся элементы традиционного общества со всем его историко-культурным своеобразием и в то же время межэтнической терпимостью и даже индифферентностью к национальному вопросу. Эта видимость гармонии, давно расшатываемая "западными" ветрами, была окончательно взорвана именно прозападными элитами, вошедшими в союз с националистами. Сами элиты, ставшие локомотивом модернизационных процессов, выросли как контрэлиты в альянсе с наиболее гибкой частью старых "коммунистических" элит, сформировались и получили поддержку в первую очередь по причине осознанного провала попыток найти свой "особый" путь модернизации, отличный от современного западного. (Одной из таких попыток как раз и было построение коммунистического

общества или впоследствии — общества развитого социализма). Идеологическим обоснованием существования империи — с претензией на особую цивилизацию — был "свой, общий для всех евразийских народов путь" прорыва в будущую цивилизацию. Если же ставится задача включения на любых условиях в цивилизацию, прокладываемую Западом, то включаться в нее естественнее, казалось, по одиночке. При этом азиатские республики СССР как "балласт, тянущий вниз", по мнению западников, не готовые к включению в современную цивилизацию, были просто вытолкнуты "вон". Историческое решение о ликвидации СССР принималось без учета их мнения.

Взаимоотношения России и Азии, их скрытая и явная динамика стали одним из важнейших компонентов процессов, происходящих внутри российского (евразийского) суперэтноса, приведших, в конечном счете, к его распаду. Непосредственно события, имевшие место в азиатской части б. СССР, мало волновали московских политиков и российскую общественность. В отличие от прибалтов, грузин, молдаван, армян и даже украинцев, жители среднеазиатских республик вплоть до распада СССР не создали шумных и влиятельных национальных движений, политики этого региона не участвовали в беловежских событиях, и их итоги были им фактически навязаны. Участие России в политической жизни этих уже суверенных государств (вооруженная поддержка душанбинского режима) весьма непопулярно в России, и редкие лидеры и СМИ берутся защищать идею ее присутствия на этом бывшем крайнем юге СССР.

На наш взгляд, имела и имеет место (несмотря на иной раз активную "державную" риторику), переориентация российской элиты с имперских, суперэтнических ценностей на ценности национального государства с элементами этнократии. Такая трансформация ценностей оказалась возможной благодаря нарастанию фактора субэтничности в рамках российского этноса, приведшему к изоляции в переломные 89-91 гг. к изоляции российской "патриархальной" глубинке от участия в принятии политических решениях.

Наиболее значимым фактором, определившим внутреннюю динамику "революционной" модернизации российского общества в последние годы, стала резкая смена этнополитических и этнокультурных доминант, проявившаяся в следующих тенденциях:

1. Формирование российской субэтничности. По крайней мере, две субэтнические группы явно выделяются из общего этнического тела — столичный субэтнос с ярко выраженной направленностью "западническо-модернизационного" типа и окраинные субэтносы, с одной стороны, относительно адаптированные к инонациональному окружению, с другой стороны, обладающие повышенной этнической

"пассионарностью" (1). В настоящее время имеет место процесс формирования космополитических субэтносов вокруг сырьевых регионов, разного рода свободных и оффшорных зон, чему свидетельство наиболее устойчивая поддержка этими регионами прозападных политических сил в столице.

2. Победа (возможно, временная) столичного субэтноса в ходе форсированной реформы политической и экономической системы в конце 80-х — начале 90-х годов, попытавшегося навязать свою этнополитическую модель всему обществу. Она ярко проявилась в волне столичных политик — своего рода "обойме", занимающей доминирующие позиции в большинстве органов власти и особенно в общественно-политических движениях. Не случайно "реформа Гайдара", по мнению некоторых экспертов, носила характер не столько экономической реформы, сколько "религиозной реформации", призванной сломать сложившиеся в обществе исторически этнокультурные стереотипы.

3. Антиазиатские в целом, и антимусульманские, в частности, стереотипы, свойственные особенно определенно столичному субэтносу. Ниже будет показано, что широкое распространение получило враждебное, неприязненное отношение россиян к мусульманским народам, которые, в свою очередь, относятся к русским значительно лучше. Это отчетливо проявило себя в недавнем прошлом, когда, например, "прогрессивно-либеральный истеблишмент" ("Московская трибуна" и др.) однозначно поддержал армян Нагорного Карабаха ("форпост европейско-христианской цивилизации") против Азербайджана ("варвары-азиаты"); когда лидеры среднеазиатских республик были просто проигнорированы в Беловежской Пуще в декабре 1991 г. При этом считалось, что для "воссоединения России с цивилизованным миром" необходимо освободиться от бремени "азиатско-мусульманского мира", враждебного якобы по определению современной цивилизации. Среди сторонников такой позиции — с отдельными вариациями — и такой последовательный радикал-западник как Г.В.Старовойтова, определявшая национальную политику России в 90-92 гг., и русское националистическое крыло от умеренных националистов (А.Солженицын) до радикальных (В.Распутин).

4. Национальный изоляционизм России, таким образом, прочно укоренился и в общественном мнении, и в среде профессиональных политиков. По мнению социолога и философа И.Клямкина (4), русский национализм проявляется в России именно в форме поиска великорусской этнической идентичности ("русским живется хуже, чем остальным народам"), а не в идеях "державности" и пресловутом "имперском сознании". Если эта тенденция окажется устойчивой (скорее

всего именно так и будет), то можно утверждать, что произошел один из самых радикальных переломов этнополитических доминант русского национального самосознания — от суперэтнической идентификации — к собственно этнической. В контексте общей критики российской политики в послеавгустовский период и ее архитекторов персонально (Ельцин, Бурбулис, Гайдар) как бы создается впечатление о заведомой порочности беловежской акции и осознании этого, по крайней мере, в России. Между тем великорусский изоляционизм, венцом которого стали провозглашение российского суверенитета в июне 90 г. и инициатива Ельцина по распаду СССР в декабре следующего года, остается живым и поныне. В России множатся национальные "русские" политические движения, активно и не без успеха пропагандируется идея "народной монархии", повышения политической роли Русской Православной церкви. Интересно в этой связи проанализировать попытки российских властей разрешить чеченский кризис и реакцию на эти попытки общества и отдельных политических группировок.

"Демократы" — С.Ковалев, Е.Гайдар, Г.Старовойтова и др. — давно придерживавшиеся идеи "создания на месте России" дюжины, а то и более суверенных этнократических режимов (вспомним высказывание покойника А.Сахарова о том, что каждый народ, живущий на территории России, даже самый малый — имеет право на создание собственной государственности), выступают за переговоры с Дудаевым и таким образом легитимизацию суверенной Чечни-Ичкерии. Характерно высказывание по этому поводу воинствующего либерала Дм.Шушарина: "Ну зачем нам Чечня... Три года назад произошел не развал Союза, а зарождение (не возрождение) русской государственности. Очевидно также, что нам, русским, для того, чтобы построить новое государство, необходимо отказаться не только от политики имперского расширения, но и от всех ее результатов — сократить территорию России до земель собственно русских и тех, что населены народами, желающими жить с нами в одном государстве" (5). С аналогичным тезисом в свое время выступил Г.Попов. Демократы-западники и их единомышленники со своей логикой правы: поглощение России "европейской цивилизацией" (т.е. форсированная модернизация) возможно лишь "по частям", фактически без всяких условий. Слабая сопротивляемость русскоязычных этнических групп в Прибалтике процессам политической дискриминации подтверждает эту готовность русских приобщиться к Западу на любых условиях, даже ценой разрушения собственной идентичности. Особенно впечатляет ситуация в Латвии, где коренные латыши не составляют большинства, а между тем русскоязычное население проявляет поразительную пассивность, соглашаясь таким образом на частичное поражение в правах, в обмен на право лишь бы жить в "настоящей

западной стране" с надеждой на то, что внуки и правнуки современных русских станут со временем "настоящими европейцами". Массовое сознание великороссов, живущих в самой России, в целом с пониманием воспринимает эти настроения. Суверенизация (столь дорого стоившая союзной государственности) Прибалтики в 1990 г. в целом с одобрением принималась москвичами при полном равнодушии российской глубинки.

Между тем "вечный оппонент" С.Ковалева — министр обороны П.Грачев, ведущий войну не за удержание чеченцев в составе российского суперэтноса (варварские разрушения, произведенные федеральными войсками никак не способствуют укреплению суперэтнических процессов), а за удержание чеченской территории с ее природными ископаемыми и транспортной инфраструктурой, так же практически реализует концепцию этнократического национального государства, жестоко подавляющего "инонациональные мятежи". Объективно война направлена на создание образа врага в лице чеченца, укрепление русской этнической солидарности. Действия российского руководства находят поддержку в среде русских националистов (Невзоров, Бабурин, Павлов, Лысенко Н.), которые стремятся восстановить порушенную русскую (великорусскую) идентичность ценой конфронтации с "миром ислама". В этом смысле Азия в России была тем противовесом, который поддерживал геополитическую целостность и политический каркас России как особой цивилизации. Этого, кажется, не понимают те русские националисты, которые выступают против евразийства, за возвращение к чисто русским истокам. "Идеология евразийства во многом близка масонской,...это стремление принизить значение русского народа во имя неких универсальных принципов... "Евразийцы" сужают патриотизм до требования державности, осуществляемого вне начал русской жизни с опорой на европеизм или ислам" (О.Платонов, 11). Что же касается общественности, то массовое сознание остается на редкость равнодушным к событиям в Чечне — то, что там происходит мало кого волнует всерьез (кроме родственников военнослужащих).В целом война непопулярна — по данным всех социологических центров ее поддерживает не более 20 процентов россиян.

Можно констатировать, что лишь представители русской диаспоры в б.СССР остаются безусловными приверженцами восстановления единого союзного государства (к ним с некоторыми оговорками можно причислить и русских в российских автономиях). Ниже мы будем цитировать результаты двух исследований, проведенных под рук.Бызова Л.Г. в 93 и 94 годах (полевые работы осуществили А.К.Гузанова и Г.П.Бессокирная) при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. В 93 г. был

проведен опрос 500 жителей России в Москве, русской глубинке (Костромская обл., пос.Кадый) и в Башкортостане (г.Бирск, преимущественно русские) по специально составленной квотной выборке, а в 94 г. — в Москве, Нижегородской области (Нижний Новгород и г.Городец) и в Узбекистане (русские, узбеки, представителя иных этнических групп) — всего также 500 человек по выборке, квотной по возрастным и образовательным группам. С несколько различной формулировкой, среди прочих, задавался вопрос об отношении к распаду СССР и перспективам его реинтеграции.

ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ О РАСПАДЕ СССР (1993 г.)

	Москва	Костромская обл.	Башкортостан
1. Одобряю, т.к. СССР изжил себя	10	7	2
2. Не одобряю, но считаю, что распад СССР был неизбежен	35	18	12
3. Не одобряю, распада СССР можно было избежать	28	40	34
4. Развал СССР - преступление	12	17	36
Затруднились ответить	15	18	16

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К РАСПАДУ СССР (1994 г.)

	Москва	Н.Новго-род	Нижегородская обл.	Узбекистан	
				узбеки	русские
1. Положительно	24	33	33	37	2
2. Скорее положительно	27	32	13	22	11
3. Безразлично	19	8	3	6	2
4. Скорее отрицательно	24	14	34	18	47
5. Категорически против	8	14	16	16	38

В крупных городах — Москве и Нижнем Новгороде — около 50 процентов и более одобряют в той или иной форме распад СССР, даже в малом городе Нижегородской области (этот тип поселения обычно демонстрирует политический консерватизм) мнения разделились поровну. Что же касается Узбекистана, то имеющиеся данные (правда, неясной достоверности по другим республикам — даже Беларуси и Украине) — говорят о том, что реинтеграционные тенденции остаются за меньшинством. Особая психология — анклавная. Русские в иноязычном окружении являются единственной группой, реально пострадавшей от распада СССР и осознающей это.

КАКИМ БЫ ВЫ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ БУДУЩЕЕ РЕСПУБЛИК БЫВШЕГО СССР (1994 г.)

	Москва	Н.Новго-род	Нижегородская обл.	Узбекистан	
				узбеки	русские
1. Независимые государства	27	36	34	43	4
2. Военный и экономический союз	27	38	28	23	34
3. Воссоздание единого государства	21	12	28	20	53
Затруднились ответить	24	14	10	13	9

Итогом 93-94 гг. стало то, что именно за этот короткий промежуток времени российская глубинка со своим "почвенным" консерватизмом по уровню национал-изоляционизма обогнала представителей "столичного" субэтноса.

5. Вектор геополитических ориентаций как русского населения России, так и коренного населения Центральной Азии направлен почти исключительно на Запад (в широком смысле слова, такая страна как Япония воспринимается массовым сознанием как "западная", это характерно и для русских, и для узбеков). "Жених с Запада" (по выражению Дм.Шляпентоха, 6), действительно, способен завоевать у жителей нашей "евразийской цивилизации" самое благосклонное и совершенно нерасчетливое (невзаимное) отношение. Мы, русские, тянемся к США, Германии, Японии, Франции, Англии, к "западным" в географическом плане Украине и Беларуси, полностью игнорируя континентальный азиатский "восток", который (Узбекистан, в частности), тянется тоже к Западу, к тем же США и пр., а также к "западным" для него России и Турции (к России при этом столь же невзаимно как Россия к США и Европе).

С КАКИМИ СТРАНАМИ МИРА СЛЕДУЕТ ПОДДЕРЖИВАТЬ ТЕСНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

(1993 г.)

	Москва	Костромская обл.	Башкортостан
США	47	23	39
Украина	42	45	43
Германия	33	17	16
Беларусь	32	20	20

Казахстан	30	5	12
Япония	25	8	25
Франция	12	3	0
...	...	...	...
Узбекистан	0	2	2
Азербайджан	0	3	2

(1994 г.)

	Москва	Н.Новго-род	Нижегородская обл.	Узбекистан	
				узбеки	русские
США	50	61	36	47	40
Казахстан	34	29	15	66	70
Германия	53	61	33	36	28
Украина	65	50	57	12	45
Россия	-	-	-	77	91
Беларусь	55	45	52	5	38
Япония	32	23	26	35	11
Франция	34	30	20	16	12
Англия	31	33	21	11	11
Турция	2	0	3	30	11
Индия	11	6	7	8	11
Китай	5	5	10	12	9
... ...					... ...
Узбекистан	2	12	2	-	-
Туркмения	0	0	0	10	13
Таджикистан	2	6	0	16	4
Киргизия	0	0	0	19	9
... ...					... ...
Иран	0	0	2	4	4

С КАКИМИ СТРАНАМИ МИРА СЛЕДУЕТ ОБЪЕДИНИТЬСЯ В ЕДИНОЕ ГОСУДАРСТВО (1994 г.)

	Москва	Н.Новго-род	Нижегородская обл.	Узбекистан	
				узбеки	русские
Россия	-	-	-	19	45
Украина	24	18	20	7	15
Беларусь	29	14	18	6	13
Казахстан	18	9	7	28	23
... ...					... ...
Узбекистан	2	3	2	-	-
Туркмения	0	2	0	18	2
Таджикистан	2	2	0	17	0
Киргизия	0	2	0	18	2
... ...					... ...
Турция	0	0	0	2	2

Иран	0	0	0	0	0

И здесь ясно видны "прозападные" ориентации российских опрошенных групп и "пророссийские" — узбекских. Для коренных жителей Узбекистана объединение с Россией занимает по приоритету второе место после Казахстана и наравне с другими среднеазиатскими республиками. Что же касается России, то республики Центральной Азии обладают крайне низким приоритетом и не только в отношении создания единого государства, но и в отношении "тесного сотрудничества", значительно уступая странам — лидерам Западного мира. В то же время для Узбекистана значение Турции — геополитического лидера тюркоязычных стран — находится на среднем уровне (ниже России), а значение шиитского Ирана вообще на уровне аутсайдера списка. Можно сделать однозначный вывод о том, что для русского населения России среднеазиатские окраины СССР (и по-видимому, это относится и к Кавказу — и Северному, и Закавказью) не входят в систему доминант, определяющих территориально-этническую идентификацию. Следовательно, синдром 90-91 гг., как мы писали выше, активно проявляется и сегодня, несмотря на изменившуюся внутриросситскую политическую обстановку. Непопулярность сегодняшней власти в России связана, безусловно, с другими факторами, а не с переосмыслением ее роли в распаде СССР. Ментальность современного великорусского этноса является главным фактором, препятствующим развитию реинтеграционных процессов в постсоветском пространстве.

Как показал опыт проведенных нами ранее исследований (1), среди наиболее существенных этнополитических доминант — отношение к браку с представителями разных национальностей. Этот показатель достаточно емко фиксирует этнические стереотипы.

ОТНОШЕНИЕ К БРАКУ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП (1994 г.)

		Москва	Нижегородская обл.	Узбекистан	
				узбеки	русские
1.Русские	норм.	92	87	34	94
	отр.				
2.Украинцы	норм.	82	79	24	91
	отр.	5	8	54	0
3.Белорусы	норм.	87	77	22	87
	отр.	2	10	55	0
4.Татары	норм.	19	21	24	28
	отр.	31	49	58	30
5.Узбеки	норм.	8	10	92	30

	отр.	40	56	1	53
6.Таджики	норм.	6	10	47	11
	отр.	45	57	36	57
7.Казахи	норм.	13	15	33	15
	отр.	39	51	43	55
8.Туркмены	норм.	6	10	30	13
	отр.	48	59	42	60

Примечание. Всюду в этой таблице разница между цифрами "норм." + "отр." и 100 процентами составляет число относящихся к браку с данной этнической группой безразлично.

В то же время по ряду показателей наблюдается следующее явление — идентификация населения Центральной Азии с Турцией постоянно возрастает и даже достигает (обгоняет) идентификацию с Россией и русскими. Сегодня узбеки близки к равновесному состоянию — колебанию между геополитическими и этнокультурными системами российского и тюркского суперэтносов. Весьма вероятно, что в ближайшей перспективе 5-10 лет — выход в активную жизнь нового поколения — тюркская идентификация существенно превысит российскую.

НАРОДЫ-БРАТЬЯ ПО ОБЩЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
(1994 г.)

	Москва	Н.Новго-род	Нижегородская обл.	Узбекистан	
				узбеки	русские
1.Русские	100	98	98	51	96
2.Украинцы	97	88	87	23	87
3.Белорусы	94	86	84	18	87
4.Татары	26	24	13	43	23
5.Узбеки	3	17	10	93	38
6.Таджики	3	14	7	77	11
7.Казахи	13	18	13	84	17
8.Туркмены	2	12	5	70	15
9.Китайцы	3	5	3	5	2
10.Иранцы (персы)	2	0	0	14	2
11.Турки	2	0	0	53	2
12.Арабы	8	0	2	48	4
13.Корейцы	3	3	2	11	11
14.Уйгуры	2	3	0	45	9
15.Японцы	2	2	2	0	2
16.Чеченцы	2	6	0	2	2
17.Армяне	21	18	8	12	26
18.Грузины	23	20	10	12	13
19.Немцы	23	21	21	2	30
20.Евреи	27	27	8	4	32
21.Поляки	34	26	25	0	19

22.Эстонцы	11	11	7	5	6
23.Американцы	16	14	10	0	11
24.Французы	21	11	11	0	11

Еще более тонко, на подсознательном уровне, система этнополитических ориентаций определяется с помощью семантического и цветового дифференциалов. Матрица этнополитических ценностей носит устойчивый характер и разрушается лишь в периоды распада этнической идентификации (7,8). Нами были выделены в ходе исследования 1994 г. некоторые "семантические ядра" — слова, связанные с системой этнополитической идентификации и выявлены ассоциации, которые они вызывают: семантические по шкалам "родной-чужой", "теплый-холодный", "близкий-далекий", "приятный-неприятный", "добрый-злой", "светлый-темный", а также цветовой спектр, состоящий из цветов радуги. Обобщающие показатели семантического теста приводятся в следующей таблице, где положительные и отрицательные числа (в интервале от -1000 до +1000) соответствуют балансу между положительными и отрицательными характеристиками.

ОБОБЩАЮЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА (1994 г.)

	Москва	Н.Новгород	Нижегородская обл.	Узбекистан	
				узбеки	русские
Россия	+442	+352	+420	+268	+506
Европа	+248	+154	+76	+106	+68
Америка	0	-50	-60	+68	0
Азия	-204	-232	-200	+542	+352
Узбекистан	-170	-58	-182	+588	+470
Таджикистан	-262	-186	-304	+132	-214
Казахстан	-64	-28	-122	+394	+152
Турция	-308	-292	-274	+126	-324
Иран	-436	-440	-494	-202	-494
Китай	-228	-174	-212	-82	-136
Индия	+224	+214	+254	+160	+102
русский	+544	+422	+492	+398	+584
узбек	-258	-154	-302	+586	+324
таджик	-330	-226	-404	+158	-316
казах	-196	-66	-162	+332	-58
Москва	+388	+276	+212	+286	+326
Ташкент	-12	+30	-2	+580	+526
Душанбе	-126	-140	-158	+208	-234
Алма-Ата	+74	+56	-10	+350	+72
христианство	+354	+434	+460	-152	+426
православие	+392	+400	+466	-192	+438

ислам	-490	-440	-390	+506	-192

Сложнее интерпретировать цветовой тест (9,10). Построенные с его помощью "профили" демонстрируют общие характеристики восприятия России, а также европейско-западного мира русскими и узбеками и разительные противоречия в восприятии Азии, азиатских народов, стран и их столиц, ислама.

ЦВЕТОВЫЕ АССОЦИАЦИИ (1994 г.)

	Москва	Н.Новго-род	Нижегородская обл.	Узбекистан	
				узбеки	русские
			Слово "Россия"		
красный	24	30	43	35	26
оранжевый	2	2	3	1	5
желтый	6	0	0	8	4
зеленый	26	21	30	22	23
голубой	32	38	30	19	26
синий	10	8	2	11	4
фиолетовый	0	2	2	4	2
			Слово "Узбекистан"		
красный	6	6	11	11	4
оранжевый	24	30	13	5	2
желтый	45	41	36	6	21
зеленый	13	14	11	49	47
голубой	0	3	3	24	17
синий	6	0	11	5	6
фиолетовый	5	6	13	0	2

Образ всего, что связано с Азией у русских в России неустойчив, двоится и чаще всего окрашен в "неприятные" цвета — желтый, фиолетовый (Иран), оранжевый.

Проведенное исследование подтверждает представления об исключительной роли процесса модернизации в смене этнополитических доминант. Переориентация этнического сознания русских с суперэтнических ценностей также очевидно связана с идеей частичного поглощения суперэтноса современной западной цивилизацией. В этих условиях этническая энергия русских оказывается направленной на слом сложившейся евразийской цивилизации в той форме, каковой она создавалась в рамках Российской империи — СССР.

Между тем фактическое навязывание нашей правящей элитой при активной поддержки Запада неорагничных форм модернизации и одновременным подталкиванием к необратимому распаду на всем постсоветском пространстве не только собственно фрагментов

российской империи, но и имперских рудиментов, раскрепощает пласты ранее невостребованной этнической энергии и создает потенциальную угрозу дестабилизации, срыва процесса догоняющей модернизации и возникновения угрозы националистической диктатуры в качестве реакции на этот срыв. Империя — лучший рецепт против фашизма и этнократии. В Россию фашизм может прийти только с Запада, и Запад близоруко провоцирует великорусский национализм.

ЛИТЕРАТУРА

(1) Бызов Л.Г. О перспективах сохранения целостной этнокультурной матрицы этносов России в условиях процесса "догоняющей" модернизации. Вестник МГУ, серия "Социально-политические исследования", 6, 1994.

(2) Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1990.

(3) Пастухов В.Б. Серия публикаций в журнале "Полис" за 1994-95гг.

(4) Клямкин И.М. Серия публикаций в журнале "Политические исследования" за 1994 г.

(5) Шушарин Дм. Вот только убитых не воскресить, "Литературная газета", 14.12.1994 г.

(6) Шляпентох Дм. Россия умерла, Америка умирает. "Независимая газета", 24.12.1994 г.

(7) Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993 г.

(8) Спицына Н. Проблемы исторической генетики. М., 1993 г.

(9) Качанов Ю.Л. Диспозиции и позиции поля политики. Архив современной политики, 1, 1992 г.

(10) Петренко В.Ф., Алиева Л.А. Исследование этнических стереотипов с использованием методики "множественных идентификаций". Психологический журнал, 6, 1987 г.

(11) Платонов О. Евразийство и русская цивилизация: рост из глубины веков. "Правда", 21.12.1994 г.

(12) Скакунов Э.И. Этнонациональные конфликты и политическая стабильность России. Этнополис, 1992, N 2.

(13) Константин Леонтьев. Национальная политика как орудие всемирной революции. "Наш современник", 1990, N 7.

Сергей Волков

ТРАДИЦИОННАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ТОТАЛИТАРИЗМ

В последние годы рассуждения о характере государственной власти получили широкое распространение. При большом количестве публикаций на эту тему бросается в глаза отсутствие у пишущих ясного представления о реальном содержании тех терминов, которыми они оперируют. Легковесность подхода не должна удивлять, учитывая, что в массово-интеллигентском сознании отсутствует даже разница между тоталитаризмом и авторитаризмом: само отождествление этих понятий является наследием господства тоталитаризма и тоталитарной идеологии.

Примитивность представлений об общественном и государственном строе, порожденная и сочетающаяся с крайне слабым знанием исторических реалий, а то и полным невежеством в этом отношении свойственны, впрочем, не только советской интеллигентской среде. Пресловутая теория "конца истории", наступающего с торжеством демократии во всем мире, например, порождена сходными причинами, и идеально подходит для восприятия публики с соответствующим менталитетом. Для нее закономерно представление о том. что все, не являющееся или не могущее быть названным "демократией", есть тоталитаризм, с которым отождествляется понятие "деспотия", а далее часто делается и вывод о том, что эта самая "деспотия" ("восточная" или "азиатская") и есть непосредственная предшественница тоталитаризма. В тот же ряд ставятся противоречащие демократии понятия империализма, авторитаризма и консерватизма. Причем самое ожесточенное сопротивление встречает обычно упоминание о том, что эти понятия противоречат в равной мере и тоталитаризму. Потому что в этом случае обнаруживается фальшивость приведенной выше "родословной" тоталитаризма и выясняется, что он и демократия стоят по одну сторону водораздела, на другой стороне которого находятся традиционные – "нормальные" формы социально-государственной организации.

Вопрос о том, что в формах социально-государственной организации является нормой, также извращен чрезвычайно. Памятуя о

Сергей Владимирович Волков, доктор исторических наук, автор нескольких монографий, специалист в области истории служилых сословий и государственных институтов России.

том, что человеческая история насчитывает тысячелетия, судить о ее глобальной направленности по событиям нескольких десятилетий или даже одного-двух столетий было бы опрометчиво. Тем более нелепыми выглядят суждения и исторические обобщения, вызванные к жизни конъюнктурными обстоятельствами. Когда несколько лет назад перешла в практическую плоскость задача разрушения СССР, это сопровождалось рассуждениями о "неизбежности и закономерности" такого хода событий, ибо "время империй" было объявлено раз и навсегда прошедшим. Оставим пока вопрос о том, что СССР к этому "времени" вообще никакого отношения не имел, будучи образованием совершенно иного типа. Заметим лишь, что говорить о каком-то особом "времени империй" неуместно: империи существовали в самые разные времена, так что их "время" охватывает всю человеческую историю; по этой же причине нет никаких оснований полагать, что они не будут существовать и в будущем. Империализм есть естественная и единственно возможная политика великих держав, и формирование враждебного отношения к "чужому" империализму (который единственно и принято так именно называть) тоже совершенно нормально и связано с тем, что, по выражению Ницше, "тщеславие других не нравится нам тогда, когда идет против нашего тщеславия".

Если встать на точку зрения, трактующую тоталитаризм как "недемократизм", то окажется, что при нем прошла практически вся история человечества, и, следовательно, именно он ей свойствен в наибольшей степени. Однако традиционные общества были, конечно, не тоталитарными, но авторитарными. И разница между ними и обществами "нового типа" — тоталитарными и демократическими — принципиальная. Как правило, поводом для их отождествления служит представление о "диктатуре", но если авторитаризм – диктатура лиц, то тоталитаризм – диктатура идеи. Кроме того, тоталитаризм хотя и невозможен без таковой, но не только не сводим к ней, но наличие диктаторской власти не может быть само по себе его признаком. Тоталитарная система характеризуется не степенью силы государственной власти и ее "деспотичности", а качеством, лежащим совсем в другой плоскости — ее всеохватностью. Не является индикатором тоталитаризма и гипертрофированная роль государства; важнейшее значение при этом имеет социальная структура, особенно права и положение высших ее слоев. Вообще, ни один из критериев тоталитарности системы (степень регламентации быта, идеологическая нетерпимость, определенная социальная структура и социальная политика, характер власти) не может, взятый сам по себе (в какой бы сильной степени ни был развит) свидетельствовать о тоталитарности данного общества. Таковая достигается именно совокупностью всех этих

качеств, в тоталитарном обществе наличествует обычно весь набор соответствующих явлений.

Для того, чтобы стало ясно, насколько вульгарные представления о родстве "восточного деспотизма" с тоталитаризмом и о происхождении одного от другого, получившие столь широкое распространение в либерально-интеллигентской среде, далеки от действительности, достаточно сопоставить хорошо известное тоталитарное общество (характерным примером которого было советское) с классическим традиционным имперским обществом, дающим, казалось бы, максимальный повод для отождествления с тоталитарным — бюрократической деспотией дальневосточного типа. Постараемся пренебречь даже тем, что сравнивать тоталитаризм (явление нашего века) с "восточными деспотиями", вообще довольно трудно, ибо чисто исторически эти явления принадлежат разному времени с принципиально отличным уровнем технологии, информативности, вовлеченности в общемировой политический процесс и т. д.

Если обратиться к идеологической сфере (идеология каждого традиционного общества была представлена какой-либо религией), то сразу же обнаружится, что идеология традиционных империй несопоставима с идеологией тоталитарных обществ по главному и решающему признаку — обязательности данной идеологии для всех членов общества. В древних деспотиях Ближнего Востока этот вопрос вообще не стоял, поскольку многобожие делало его бессмысленным, и статуи богов завоеванных областей с почетом привозили в столицу победителей. С распространением мировых религий, когда, казалось бы, появилась почва для религиозно-идеологической нетерпимости, она, тем не менее, не приобрела характера государственной политики. Скажем, мусульманские правители Индии совершенно спокойно смотрели на наличие индуистов и представителей других вероисповеданий не только среди своих подданных. но и среди подвластных им правителей отдельных территорий.

Веротерпимость, а, следовательно, и идеологическая терпимость была нормой практически всех традиционных обществ Востока и Запада. Как пример идеологической нетерпимости обычно приводят инквизицию и крестовые походы. Но следует помнить, что инквизиция была направлена не против иноверцев, а против еретиков, т.е. отступников внутри самой господствующей религии. При преследовании таковых, допускалось, тем не менее, существование целых групп населения, находившихся вообще вне этой религии. Крестовые же походы преследовали цель освободить от мусульман христианские святыни, а вовсе не ликвидацию ислама как такового. По отношению к иноверцам могла существовать дискриминация (повышенные налоги, ограничения в

правах и т. д.), проводится политика на привлечение их в лоно господствующей идеологии, но на практике никогда не ставилась задача тотального единства в вере всего населения страны. Могло быть и так, что какая-то религия категорически не допускалась, но это не меняло всей картины, коль скоро допускались другие.

Причем наиболее характерный пример в этом отношении дают как самые классические — "бюрократические" восточные деспотии. Как хорошо известно, основой идеологии стран, входивших в ареал распространения китайской политической культуры было конфуцианство, т.е. именно то учение, в центре внимания которого стояло государство и вопросы государственного управления. И в то же время в странах региона успешно распространялся буддизм — религия предельно "антигосударственная", характеризующаяся прежде всего индивидуальным началом, рассматривавшая объективный мир со всеми существующими там отношениями как иллюзорный, а всякие связи, в т. ч. и социальные, как зло. Между тем буддизм мог быть там (как в Корее У1-Х1У вв.) государственной религией (правители и их ближайшие родственники становились монахами, погребались по буддийскому обряду, монастыри приравнивались к государственным учреждениям, получая соответствующее содержание), в то время как сама государственность продолжала базироваться на конфуцианстве (будущие чиновники обучались в конфуцианских учебных заведениях, а виднейшие государственные деятели могли относиться к буддизму чрезвычайно отрицательно). Свобода выбора даже между столь различными идеологиями не ограничивалась (в летописях есть характерный эпизод, когда сын, отвечая на вопрос отца, что он желает изучать — конфуцианство или буддизм, говорит:" Я слышал, что буддизм далекое от житейской суеты учение. Почему же **я** должен изучать такое учение? Я буду изучать конфуцианские принципы.") Тот факт, что в классической бюрократической деспотии предельно "государственная" идеология мирно сосуществовала с предельно "антигосударственной", причем последняя могла быть государственной религией (опять же никого ни к чему при этом не обязывая), сам по себе достаточно красноречив (особенно при сравнении с тем, как поступили с буддистами в СССР, Монголии и Северной Корее).

Совсем иное мы видим в тоталитарных системах, отношение которых к религиям тем более закономерно, что это системы прежде всего идеологические, и идеология поэтому есть та область, в которой они менее всего склонны терпеть альтернативы. Тоталитарным режимам иногда свойственно стремление создать в противовес старой новую религию — будь то культ "верховного существа", попытки реанимации язычества или советское "богостроительство", но они обычно бывают

неубедительны и кончаются неудачей по той причине, что превращается в религию сама основная идеология тоталитарного режима, не нуждаясь больше ни в какой другой. Все известные тоталитарные режимы со своими "священными писаниями" в виде произведений основоположников учения, "житийной литературой" в виде биографий их сподвижников ("апостолов"), "богооткровенными" цитатами и изречениями на все случаи жизни, "моральными кодексами", догматикой, носящими целиком комментаторский характер "общественными науками", "падшими ангелами" в виде уклонистов и ревизионистов и т.п. до смешного копируют мировые религии. И это сходство тем комичнее, что рождено не осознанным стремлением к подражанию, а объективной логикой функционирования тоталитарного режима.

Некоторое сходство с положением господствующей идеологии в тоталитарных обществах можно усмотреть разве что в теократических государствах, само возникновение которых обязано идеологии. Но весьма характерно, что в чистом виде такие государства практически не встречаются (некоторое время такой характер носило арабское государство, но вскоре его утратило). Тем более не являются теократическими христианские государства (ни православные, где взаимоотношения между духовной и светской властью определяются понятием "симфонии", ни католические, где высшая духовная власть находится вне государства, ни протестантские, где главой церкви может быть светский правитель). Даже самая воинственная религия традиционного общества — ислам, при господстве в государстве допускает веротерпимость, "религия" же тоталитарного режима абсолютно нетерпима.

Вообще дело не в форме организации священнослужителей (конфуцианским обществам тоже иногда пытались приписать теократический характер на том основании, что чиновная иерархия при господстве конфуцианской идеологии совпадает с иерархией священнослужителей, поскольку другой не имеется), а в характере связи власти и идеологии. То же конфуцианство всегда существовало для государства, а не государство для него, оно не было намертво связано с конкретным правителем в том смысле, что государственная мораль, воплощенная в конфуцианстве, стоит выше конкретной власти и может осуждать "недостойного" правителя при его жизни. В тоталитарном обществе существующая в данный момент власть всегда выше любой морали.

С другой стороны, связь правителя со своей "религией" в тоталитарном обществе несравненно теснее. В конфуцианском обществе вполне возможны гонения на конфуцианство со стороны "недостойного" правителя, причем не на конкретных идеологов (что возможно и при

тоталитарном режиме), а на конфуцианство как таковое (бывали случаи, когда отдельные критикуемые им правители в пику ему возвышали буддизм). В тоталитарном правитель может сколь угодно далеко отойти на практике от догм и заветов своей "веры", но совершенно немыслимо, чтобы он мог порвать с ней идейно, совершенно отбросив ее или хотя бы открыто покуситься на основные положения: это был бы уже другой режим — либо другой тоталитарный, если идеология заменяется на другую (что на практике не встречалось), либо означает переход к авторитаризму.

В социальных аспектах несходство традиционных авторитарных режимов с тоталитарными наиболее существенно, хотя и не так очевидно. Тоталитарный режим выражается обычно формулой "вождь и народ", и основой является полное равенство всех, кто стоит ниже вождя (воистину, "в обществе, где все равны, никто не свободен"). Он в принципе те терпит такого понятия и тем более элемента социальной структуры, как аристократия, вообще не допускает существование более или менее независимого и консолидированного высшего сословия, тем более каких-либо форм его организации. Между тем практически во всех традиционных обществах аристократия или иное высшее сословие существовали, и вообще это были сословные общества. Правда, одной из характерных черт дальневосточных "бюрократических" деспотий, отличавшей их от европейских (в т.ч. и российской) "аристократических" монархий было то, что высшее привилегированное сословие чиновничество предполагалось как сословие ненаследственное. Привилегированный статус человека был связан не с происхождением, а социальным положением, причем никто не мог получить такой статус иначе, как из рук государственной власти. Принцип полной зависимости статуса каждого члена чиновничьего сословия от существующей в данный момент власти серьезно отличал таковое от положения европейского дворянства и порождал совершенно иные понятия личного достоинства. Однако следует помнить, что и "бюрократические" дальневосточные общества были сословными, и (при одинаковом бесправии перед лицом высшей власти) мысль о равенстве всех подданных никогда не была присуща политической мысли этих стран.

Есть и еще одна очень показательная принципиальная четра социально-идеологического плана. Непременным атрибутом тоталитарного режима является культ "простого человека", пренебрежение к умственному труду вообще и к его носителям в частности. Считается, что человек физического труда обладает высшей нравственностью по сравнению с интеллектуалом, лучшей способностью к управлению государством и даже большим художественным вкусом. "Пролетарское происхождение" представляет в таком обществе

самостоятельную ценность, причем такого достоинства, которое обычно предпочитается всем прочим. Так вот и по этому вопросу установки традиционно-деспотического и тоталитарного режимов противоположны. Положение, по которому управлять должны именно образованные, было краеугольным камнем китайской политической доктрины, возникнув в глубокой древности (как говорил Мэн-цзы: "Есть дела больших людей, и есть дела маленьких людей. Есть люди, напрягающие ум, и есть люди, напрягающие силу. Тот, кто напрягает ум, управляет людьми, тот, кто напрягает силу, управляется людьми. Тот, кто управляет людьми, кормится за счет других, тот, кто управляется людьми, кормит других. Это — всеобщая истина Поднебесной"). В Китае были периоды (как раз наиболее "деспотические"), когда среди чиновничества считалось хорошим тоном подчеркивать свое незнатное происхождение, но это имело совершенно иной характер — тем самым подчеркивались личные заслуги на ниве учености, которыми и обеспечивался разрыв с низшим социальным слоем и приобщение к высшему. Характерно, что именно постулат о приоритете умственного труда стал основным объектом критики при тоталитарном режиме и в самом Китае ("перевоспитания" физическим трудом, "наполовину рабочие — наполовину писатели, наполовину крестьяне — наполовину ученые" и т.д.). й если интеллектуалы как социальный слой и там, и там не противостоят государственной власти, то происходит это по прямо противоположным причинам: в первом случае они и являются правящим слоем, а во втором — либо уничтожены с заменой полуграмотными "образованцами", либо зетерроризованы до полной невозможности выступать от собственного имени.

Сходство тоталитарных режимов с "деспотиями" видят и в гипертрофированной роли государства. Но роль государства в обществе вообще не имеет отношения к проблеме тоталитаризма. Последний не представим без вмешательства государства в экономику. Но такое вмешательство в тоталитарном обществе именно потому так велико и всеобъемлюще, что это вмешательство не столько самого государства, сколько идеологии данного режима, органом которой государство при тоталитаризме и выступает. Если считать вмешательство государства в экономику тоталитарной чертой, то следует признать, что все западные государства в течение последних полутора столетий эволюционировали к тоталитаризму. В восточных деспотиях всегда имелся сильный государственный сектор, но он по масштабам вполне сопоставим с тем, какой существует последние десятилетия в западных странах. В коммунистическом же, например, обществе экономика огосударствливается не потому, что должна быть именно огосударствлена, сколько потому, что должна быть обобществлена, как

того требуют идеологические установки. Принципиальная грань тут не между государственным и частным, а – между общественным и личным. А это совсем не одно и то же. Если первая пара различается только юридически, то вторая — носит характер идеологического противостояния. Сколь бы суровые ограничения не накладывались в традиционных обществах на отдельные виды предпринимательской деятельности, но никогда таковая не считалась преступлением, как то было в СССР. В этом состояла вся суть режима: частное предпринимательство и частная собственность запрещались не потому, что противоречили интересам государства (наоборот, они могли только способствовать увеличению его мощи), а потому, что были неприемлемы идеологически, затрагивая его "святая святых".

Другой аспект, связанный с ролью государства — так называемый "бюрократизм", под чем обычно понимается или многочисленность государственных служащих, или усложненную процедуру управления. Но ни то, ни другое не имеет отношения к тоталитаризму. Традиционные империи в этом отношении весьма разнообразны. Они могут быть вообще слабо централизованы и обходиться минимальным числом чиновников при дворе верховного владыки, или сильно централизованными, и тогда чиновников требуется больше. Между прочим, в наиболее бюрократических традиционных обществах число чиновников не превышало **2-3%** населения, многократно уступая по этому показателю современным западным странам. В большинстве случаев все зависит от конкретной организации государственного управления (например, ярчайший пример бюрократизма дает Шумеро-Аккадское царство при III династии Ура в конце III тысячелетия до н.э., не имеющее себе равных по тщательности фиксации мельчайших хозяйственных документов, но не более "тоталитарное", чем другие деспотии той эпохи).

В интеллигентских кругах распространено вульгарное представление, что "все зло от чиновников", (которые, в частности, "всегда Россией правили") вплоть до того, что тоталитарным склонны считать такой режим, где "управляют чиновники". Но чиновники управляют любым обществом, на то они и существуют. Они суть агенты государственной власти, вне которой не существует ни одно общество (впрочем, от "демократического помешательства" чего только не встретишь ныне на газетных страницах — доводилось читать, что "общество" может-де "решать, нужно ли ему государство"). Власть вообще всегда первична — даже в звериной стае есть вожак. Разница в том, чью власть они представляют — монарха, олигархии, диктатора, идеократии и т.д.

В тоталитарных обществах численность госслужащих действительно резко возрастает за счет роста объектов управления при "обобществлениях" и желания включить в процесс управления "простого человека", что связано с необходимостью компенсировать недостаток компетентности и профессионализма числом управляющих. При этом обращает на себя внимание, что для тоталитарных режимов характерно как раз отсутствие, либо очень слабая развитость формального оформления государственной службы (в виде четких законов о государственной службе, правового оформления чиновничества, ранговых систем, формы, знаков отличия и т.п.). Это, в общем, закономерно, ибо в таком обществе наиболее важные распорядительные функции (выполняемые в других обществах собственно чиновниками) принадлежат функционерам носителя тоталитарной идеологии партии (как бы жрецам). Поэтому партийный аппарат заменяет собой собственно государственный, играющий второстепенную "хозяйственную" роль.

В абсолютном большинстве нетоталитарных обществ — от дальневосточных деспотий до современных европейских стран четко оформленное, разделенное на ранги, с особым правовым статусом, порядком прохождения службы и т.д. чиновничество существует. В большинстве тоталитарных его нет. Вместо него имеется категория людей, объединяемая понятием "кадры" или "номенклатура" и включающая лиц, чья преданность режиму и, главное, идеологическая правоверность не вызывает сомнений, так сказать, "проверенных". Не случайно вхождение в ее состав не подвержено никакому формальному порядку: экзамен, окончание определенного учебного заведения и т.д. Человек отбирается и выдвигается неформально, на основе проявленных им свойств, действует нечто вроде "классового" (или иного) чутья. Именно на основании трудноуловимых, но четких критериев из двух инженеров, преподавателей или научных сотрудников один вдруг становится инструктором райкома и начинает путь по номенклатурной лестнице политического руководства, а другой до конца жизни остается на своем месте, разве что став из "младших" "старшим" инженером и т.д. Отсутствие конкурсного начала, как и любого другого формального и независимого от политической конъюнктуры способа выдвижения и занятия должностей (хотя бы по выслуге, образованию и т.д.) определяет и отсутствие ранговой системы, что позволяет перемещать "кадры" совершенно свободно, руководствуясь только политической волей. Поэтому-то в тоталитарных обществах так нечетка, смазана вся формальная сторона общегражданского управления. Всячески маскируется система льгот и привилегий, а иерархия постов и должностей, очень четко существующая в реальности, никогда не оформляется внешне. Весьма характерно, что попытки даже чисто

внешне формализовать эту систему обычно не приживаются (в советское время даже в специализированных гражданских ведомствах форменная одежда, классные звания и знаки различия продержались лишь несколько лет, а в основных управленческих органах никогда и не вводились). В Китае в момент наивысшего подъема "культурной революции" были упразднены знаки различия даже в армии. В тоталитарном обществе всякая другая власть, кроме власти верховного вождя должна быть, по возможности, деперсонализована. Развитая бюрократия как правовой институт противостоит самому духу тоталитаризма, основанного на идейно-политической ("революционной") целесообразности.

Опутывая сетью регламентаций экономику, тоталитарный режим абсолютно не регламентирован политически. Что же касается регламентаций в одежде, быте и образе жизни населения, то если "деспотии" делали это ради различия — с целью обособить друг от друга слои и группы населения, то тоталитарный режим осуществляет свою регламентацию с целью всеобщего единообразия. В обществе, где, по идее, есть лишь вождь и народ, демонстрация наличия различных слоев народа противоречит тезису о "единстве" последнего (демонстрируя единство с народом, вожди в большинстве случаев стремятся также одеваться непритязательно). Нарушения этих принципов свидетельствуют обычно о разложении режима.

Наконец, есть еще ряд бросающихся в глаза черт, в корне отличающих тоталитаризм от традиционных "деспотий". Идеологическим обоснованием последних является воля Неба, тоталитарного всегда — "воля народа". Традиционные режимы базируются на традициях, легитимизме и потому по определению консервативны, тоталитаризм, вполне осознавая свою ублюдочную суть, в определенной мере истеричен, постоянно "мобилизовывая" своих подданных на какие-либо "свершения", живя от "победы" до "победы", от "битвы" до "битвы". идеал, "золотой век" формирующегося столетиями традиционного режима всегда в прошлом, тоталитарный, рожденный переворотами, отряхающий со своих ног прах "старого мира", постулируя свою оторванность от корней, — всегда устремлен в будущее. Кстати, такое существенное отличие, как разница в характере "происхождения" режима во многом определяет и его карательную практику. Традиционные режимы, для которых все слои населения "свои", не имеют потребности в постоянном превентивном массовом терроре и карают лишь отдельных лиц, идеология тоталитарного режима направлена обычно против целых групп населения. Террор неизбежно является массовым и носит превентивный характер, обо он карает противников не только реальных, но потенциальных и воображаемых. Различия такого рода, казалось бы,

трудно не заметить, но гипноз "твердой власти", "диктатуры" оказывается сильнее.

Имперская бюрократическая деспотия есть лишь разновидность более общего, глобального явления человеческой истории, могущего быть названным "традиционным авторитаризмом", который, собственно, и составлял ее содержание на протяжении тысячелетий, несколько потеснившись в последние два столетия. Собственно говоря, он и есть норма. Прямым наследником традиционного авторитаризма является современный авторитаризм, господствующий в большинстве стран современного мира. Он может выступать в самых разных формах, в виде военных хунт Латинской Америки, в виде гражданской президентской диктатуры, в виде однопартийных систем, в виде демократически оформленной власти бывшего лидера военного переворота, в виде реально монопольной власти одной партии при многопартийной системе и всех атрибутах демократии и т.д. Независимо от того, носит ли данная власть личный или коллективный характер (хунта, партия, олигархическая группа) существенным является то, что политическая власть надежно ограждена от посягательств на нее со стороны других политических групп и лиц. При этом вовсе не обязательно существует запрет на политическую деятельность (не говоря уже о свободе поведения в экономической, идеологической и тем более частной жизни) — важно лишь, что все устроено различными способами таким образом, что эта деятельность не может привести к смене власти. Например, власть, располагающая надежной военной силой, или твердо опирающаяся на пусть не самые многочисленные, что наиболее дееспособные социальные, конфессиональные или национальные группы населения, вполне гарантирована от падения, хотя бы большинство населения и не одобряло ее, и поэтому вполне может позволить себе допустить многопартийную систему, свободную прессу и сопряженную с этим критику в свой адрес. Современный авторитаризм по своим формам, разумеется, далеко ушел в большинстве случаев от классической империи, но в той же мере, что и она, отличается от тоталитаризма именно тем, что не нуждается для своего существования во вмешательстве во все стороны человеческой жизни и деятельности.

Современный авторитаризм, таким образом, имеет традиционное и в большинстве случаев ненасильственное происхождение. Отождествление его с тоталитаризмом происходит, как уже говорилось, потому, что и то, и другое противопоставляется демократии. Что, однако, при этом имеется в виду под "демократией"? Если наличие конституционных учреждений, парламента и т.д., то можно вспомнить, что сталинская конституция была одной из самых демократичных. Кроме того, почти все европейские авторитарные режимы последних двух

столетий (а афро-азиатские и сейчас) существуют при всех атрибутах демократии (а современные демократии, в т.ч. классические – при монархических). Есть мнение, что Франция, скажем, лишь немногим более десятилетия назад достигла "настоящей" демократии, и с какой-то стороны это вполне правомерно (уж во всяком случае до последней четверти Х1Х в. она жила при авторитарных режимах).

Но что такое тогда "настоящая" демократия? Судя по тому, что о ней пишут сами демократы, это такая конечная и идеальная форма демократии, которая, наконец то, несовместима с "империей" и "империализмом". И это, в общем то, не вызывает возражений, поскольку она представляет собой специфический режим господства транснациональной финансовой олигархии, осуществляющий свою власть не столько по территориальному, сколько по экономическому принципу. Но каково ее реальное место в истории? Ведущие европейские страны перестали быть центрами империй всего три-четыре десятилетия назад. Абсолютное большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки имеют авторитарное правление, демократическое оформление которого значит не больше, чем европейские пиджаки современных африканских племенных вождей.

Приходится констатировать, что "настоящая" демократия весьма ограничена во времени (несколько десятков лет из нескольких тысячелетий мировой истории) и пространстве (помимо нескольких евроамериканских великих держав, служащих базой транснациональных монополий, этот режим существует только в мелких европейских странах, фактически не являющихся самостоятельными политическими величинами). Даже в половине европейских стран она держится за счет их военнополитической зависимости от США. В остальном мире она скопирована лишь формально, то есть так же, как и в нынешней России (и едва ли с ней или, скажем, с Китаем можно будет что-нибудь в этом смысле поделать). Да и Япония с Германией до сих пор (во всяком случае – духовно) оккупированные и политически неполноправные страны, причем сама необходимость сохранения такого статуса этих экономических гигантов наилучшим образом свидетельствует о непредсказуемости их поведения без этого фактора.

В рамках общечеловеческой истории и демократия, и тоталитаризм выглядят, скорее, отклонениями от нормы (каковой является авторитаризм во всех своих проявлениях), появившимися под влиянием идейных течений двухсотлетней давности и вполне развившимися и выразившимися в государственной форме только в наше время. (Отдельные элементы того и другого можно, конечно, обнаружить в прошлом, начиная с древности, но понятие, допустим "рабовладельческой" или "имперской" демократии с точки зрения

"настоящей" есть полная бессмыслица.) Они есть в равной мере явления "Нового Порядка", возникшие как антиподы "Старого Режима" (исторически сложившихся автократий). Тоталитаризм и демократия — близнецы-братья, и оба обязаны своим происхождением не Востоку, а Западу. Непричастность к тоталитаризму восточных деспотий лишний раз подтверждается тем фактом, что все азиатские тоталитарные режимы имели вторичное происхождение и были установлены военным путем под влиянием (или даже прямым образом) извне, со стороны уже существовавших тоталитарных режимов, а не выросли непосредственно из традиционных авторитарных деспотий. Напротив, те режимы, которые непосредственно выросли из таких деспотий — авторитарные режимы современного типа (вроде гоминьдановского) были сметены тоталитарными режимами.

Сами тоталитарные режимы стали возможны лишь благодаря демократической идеологии (в широком смысле слова), разъевшей устои традиционного авторитаризма апелляцией к массе. Традиционный авторитаризм, не имеющий нужды соблазнять массы и заискивать перед ними, не имел потребности в демократии, но и — в тоталитаризме. Тоталитаризм же в любом случае обязан своим установлением "совращению" массы населения: в одних случаях он приходит по результатам голосования (такое, правда, было возможно лишь до появления "настоящей демократии"), в других – по призыву "грабить награбленное" или сходным с ним.

Более того, "настоящая демократия" как ближайшая родственница тоталитаризма не только не является его антиподом, но и несет в себе ряд тех же самых черт. В частности, она по большому счету почти столь же идеологически нетерпима, рассматривая себя в качестве абсолютной ценности, подлежащей критике только в конкретных проявлениях, но не как идея (если традиционные общества были, как правило, веротерпимы. то в абсолютном большинстве демократических стран публичное выражение антидемократических взглядов законодательно запрещено). Наконец, политический режим "настоящей демократии", теоретически зависящий от волеизъявления населения на выборах, в реальности не может быть изменен таким образом, поскольку при соответствующей угрозе в дело включаются силовые механизмы. Настоящая власть всегда неделима. Поэтому, кстати, понятие "разделение властей" лишено всякого реального смысла. Оно имеет его только в переходные периоды. когда вопрос о власти еще не решен – тогда за каждой из ветвей может стоять одна из борющихся за власть сил. В обществе с "устоявшимся" режимом оно всегда формальность. Что из того, что по закону исполнительная, законодательная и судебная власть будут строго разграничены? Если все они будут состоять из коммунистов,

то вся система работать точно так же, как если бы такого разделения не было, или бы эти органы вовсе не существовали. Точно так же и в демократических странах демократический режим существует только потому и до тех пор, пока все эти органы состоят из его приверженцев.

Вот почему едва ли следует торопиться объявлять о "конце истории". Людям всегда было свойственно придавать решающее значение тому периоду истории, свидетелями которого им самим довелось быть, забывая. что он лишь ничтожная часть жизни человечества, в которой даже самые заметные изменения могут происходить только в рамках свойственного человеческой натуре, неизменной во веки веков. А раз так, то более для нее естественные, опробованные тысячелетиями, формы социо-государственной организации рано или поздно все равно возобладают.

Азер Алиев

В ПРЕДЧУВСТВИИ ИМПЕРИИ.

Мы не создали небо и землю и то,
что между ними, забавляясь
Коран, сура "Пророки", аят 16

“Государство является живым духом только тогда, когда единая мысль организует в особом действии различные отдельности”, – пишет Гегель в “Энциклопедии философских наук”. 0чевидно, что единая мысль предполагает наличие своего хранителя и выразителя, персонифицируемого в традиции идеей Императора или Вождя. Именно Вождь осуществляет абсолютное единство идеи и действия через Божественное Знание, оправдывающее насилие, необходимо присутствующее при интеграции множества в единство в процессе структурирования Империи. Идея Государства и Империи совпадают только в том случае, когда присущая им иерархия существует постольку, поскольку она манифестирует идею Вождя. Если же занимающий верхнюю ступеньку иерархической лестницы “импе-ратор” является лишь неким пределом данной социальной системы, то речь может идти исключительно об абсолютном Государстве, отрицающем традиционное понимание Империи и фетишизирующем идею сверхгосударства как самодостаточную категорию.

Единая решающая воля Императора, Первосвященника и Царя в одном лице, не испытывает потребности и “имперском мифе”, скрепляя имперское целое своим реальным могуществом, которое есть следствие прямой проекции синархического закона, определяющего переход ноуменального мира в феноменальный.

“Мир есть органическое целое”, – наиболее простое выражение закона синархии... “Закон синархии гласит, – пишет В.Шмаков, – что высшая монада расчленяется на ряд монад второго порядка. Та, в свою очередь, на монады третьего и т.д. При этом первоверховная антиномия единство–множественность одновременно утверждает принцип индивидуальности и принцип группы”.

Азер Рустамович Алиев, филолог–арабист, специалист по восточному мистицизму и суфизму.

Имея общую формулу “имперский организм обнаруживает себя как единство подчинения императора Абсолюту и подчинения имперских групп императору”, получаем идеальную вертикаль бесконфликтного по своей сути государственного целого. Добровольность соподчинения является результатом строго–доктринального соответствия между категорией инициатического (мудрость) и профанного (рационального) знания. Мудрость, получаемая не опосредованно, не путем постепенного “прибывания”, что характерно для рационального знания, свойственного позитивной науке и философским спекуляциям, является прерогативой Божественного Императора и легко доказывает свое превосходство через прямой опыт в силу преимущества своей сакральной природы.

Отказывая в правомочности придания советской социальной конструкции статуса Империи, мы имеем и виду, прежде всего, отсутствие во главе ее носителя инициатического знания, а вовсе не отрицаем многочисленных, но все же псеводоимперских характеристик, присущих советскому сверх–государству, особенно, в сталинский период его истории. Сталин в действительности лишь возглавлял процесс безличной централизации и, безусловно, не являлся инспиратором и формообразователем Империи в ее традиционном понимании. Всякое бескастовое (а тем более бесклассовое) общество является в основе своей пародийным образованием, скрепленным ничем иным, как только утилитарным интересом, страхом физического наказания, рефлексией взаимоподражания и тождеством составляющих его элементов. При этом аристократизм истинной иерархии подменяется искусственно созданной школой рангов и назначений, имеющих сугубо функциональный и формальный характер. По выражению В.Видеманна, этот тип квази–империи бесконечно далек от “социологизированной версии Золотого Века” с его предельно гармонизированными взаимоотношениями “человек–космос” и возникающей на их основе универсальной этикой.

“Беседы” о Сталине как аналоге ожидаемого хладнокровного “разрешителя” системного кризиса российской государственности, интересны как констатация желания и предчувствия Вождя и не более того, т.к. типологически между имперским и советским вождем существует неснимаемое противоречие. Ибо “имперский Вождь” это, как констатирует Юлиус Эвола, “уровень, на котором может находиться не тот, чье превосходство покоится на могуществе, а напротив, лишь тот, чье могущество покоится на превосходстве”. Абсолютная невозможность реплантации в вождя советского типа, есть невозможность профанного ответа на крайне сложный вызов Истории и ясно обнаружившуюся потребность сакральной институции.

Противоположение Империи и сверх–Государства есть, по сути своей, конфликт гностицизма и консерватизма[1] .

Шиизм в целом, и шиизм двенадцатиимамников в особенности, как наиболее полная и аутентичная линия Традиции, представленная в исламе, отстаивает право наследственной власти, исходя вовсе не из примата "крови", как может показаться на первый взгляд, а из необходимости сохранения глубины трактовки Божественного Откровения и его исчерпывающего толкования, позволяющих избежать опасности последующих искажений, на что, по мнению шиитов, может претендовать только имам Али и его потомки вплоть да двенадцатого Священного Имама Махди ал–Мунтазара (на арабском "махди" – ведомый по прямому пути, "мунтазар" – ожидаемый). Махди, находящийся в настоящий период в "гайбат ал–кубра" ("большом сокрытии") и невидимо управляющий мусульманской уммой, есть "Каим" ("Воскреситель"), основной функцией которого после окончательного проявления будет исчерпывающая коррекция и воссоздание ислама в первоначальной чистоте.

Весь пафос иранской революции представляет собой волю и желание утвердить социальное основание для ожидаемого прихода Имама Махди (даже в шахский период одно из мест иранского парламента всегда оставалось свободным, предназначаясь Имаму). Тем самым, было бы большим упрощением трактовать эту революцию только в плоскости исторического и геополитического противостояния Восток–Запад. Необходимость соответствия потенций обновления, носителем которых является Сахиб аз–Заман ("Господин Времени" – один из эпитетов Махди), социо–историческому контексту предполагает встречные движения со стороны мусульманской уммы, постоянное и напряженное духовное совершенствование каждого из ее членов, что и обнаруживает истинный смысл понятия "джихад".

Приход в "конце времен" Имама Махди ал–Мунтазара и Иисуса Христа, их совместная борьба с Даджалом (Антихристом), конечная победа империи Аллаха и Небесной Иерархии, хранящей тайны тавхида (единобожия) и составляют смысл и кульминацию всей шиитской религиозной доктрины. Метафизический параллелизм и эсхатологическая направленность Ислама и Православия, общность этических представлений позволяют надеяться, что преодоление кризиса российской державности пойдет по пути утверждения истинной, а не

---

[1] Экспозицию и тонкий анализ соотношения гностицизма и консерватизма содержит статья А.Дугина "Метафизические корни политических идеологий".

ложной империи, когда имперское величие явится результатом не “маневра” сужения физических границ с целью аккумулирования сил для новой горизонтальной экспансии, а будет связано с правильным метафизическим выбором, гарантирующим не только отсутствие противостояния, но и тактический, а главное стратегический, союз с Исламом в обозримой исторической перспективе.

Другой концептуальный выбор, скорее всего, подтвердит максиму Шеллинга, согласно которой всякий “фиксированный момент”, сохраняющийся еще после того, как он изжит и превзойден дальнейшим процессом, становится лишь ложной религией и суеверием, в данном случае – суеверием “имперским”.

Сергей Пыхтин

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ В СУДЬБЕ ИМПЕРИИ

Общая характеристика процесса

Россия живет во взбаламученном мире. Причины и следствия в той реальности, которую мы воспринимаем и воспроизводим, перепутываются. Источники проблем прячутся от нас, и от этого главным вопросом, как и во все переломные эпохи, является вопрос: что делать? Пока мы вопрошаем, причины и следствия говорят друг другу "вы здесь не стояли" и, толкаясь, то и дело меняются местами, заводя наше поспешное "делание" в тупик.

Политики, торопящиеся что-то делать, не отыскав гармонии причин и следствий, добавляют в хаотизированное общество свою долю беспорядка. Они путают исток с устьем и поворачивают вспять реки, не видя разницы между истиной и ложью, повторяя давно опровергнутые доводы...Соответственно "героическим" деяниям в небесной канцелярии накапливаются груды уголовных дел, лишь отчасти доводимые до суда земного.

Эти "герои нашего времени", давно взятые на учет *князем мира сего*, пытаются убедить в том, что русский народ не созрел для публичной политики. Для той политики, которую мы имеем несчастье наблюдать сегодня, он действительно не созрел и, дай Бог, никогда не созреет. Народу нужна другая политика, та, которая придется ему по душе. Сказать, что его судьба предопределена, что мы обречены на успех или на неуспех невозможно. Ни то, ни другое доказать не удастся, пока начала и концы происходящего не будут приведены в подобающий порядок. Для этого требуется прорыв в политическом мышлении, социальном конструировании. Речь идет о преодолении хаоса.

Сергей Петрович Пыхтин, юрист, специалист по государственному праву, автор цикла статей на эту тему и книги "Мы приняли вызов", директор аналитического СВР-центра.

Как выстроить картинку процесса, в котором мы живем, чтобы причины и следствия заняли свои места? Необходимо так изменить точку зрения, чтобы видимая иллюзия исчезла, миф рассеялся и перед глазами предстала неискаженная действительность. Помимо мифов о русской экономике, мифов о социальном укладе, нам надо избавиться от мифов о собственном народе. Например, от мифа о том, что русский народ ленив, что он на печи лежит беспробудно уже не менее трехсот лет.

Вот так лежит-полеживает, а тем временем как по щучьему веленью появилась страна в одну шестую часть суши. Творцы мифов говорят, что русский народ не любит свою страну, а государство — ненавидит. Почему же тогда русские насмерть стояли за свою землю, усеивая ее костями завоевателей и своими костями?

Может быть гнусные мифы о русском народе изобретают невежды и подлецы, заключившие между собой союз против России? Нет, русским, негоже верить этому злобному бреду. Нам ведомо другое — и тысячелетняя традиция русской духовности, и тысячелетняя история русской государственности, и тысячелетний опыт своеобразных форм русской демократии. У нас все есть. Нет пока только достаточного числа честных и умных политиков, способных понять русскую душу и найти путь к возрождению страны. Хотелось бы видеть слуг народа, поднимающих Россию из пепла, осмысляющих ее историю спокойно, достойно, без заламывания рук и закусывания губ...

Смотрите, какая величественная картина открывается взору! В начале века Россия — огромная страна, богатая по своим абсолютным запасам и производству, но жившая весьма умеренно по доходам на душу населения. Ведущие индустриальные страны были в состоянии обеспечить своим гражданам более высокий уровень существования, но Россия тоже не бедствовала и энергично развивалась. Настолько энергично, что никакое *японское чудо* не идет в сравнение с этим *русским чудом*.

Россия не была примитивной крестьянской страной с клеймом отсталости и нищеты. Сельский образ жизни у нас не был однозначно связан с сельскохозяйственным производством, и городские поселения не обособлялись от остального мира крепостными стенами и своим “магдебургским” правом. С древних времен Россия — страна городов, которые основывались, как правило, по берегам многочисленных и судоходных рек и озёр, соединённых между собой особой, русской, системой дорог — зимой санными путями, в остальные времена года — водными.

Подвергшись разрушительным набегам, страна несколько трансформировалась во внешних формах организации, но сохранила многое в своем внутреннем строе.

Города российские были ни чем иным, как сгрудившимися помещичьими усадьбами, продолжением привычного образа жизни в иных условиях. Индустриальный пейзаж промышленных зон в городах не пересекался с сельским усадебным пейзажем.

Русский крестьянин в силу климатических условий трудился непосредственно на земле меньшую часть года, а в холодное время отправлялся на заработки, в отхожие промыслы, занимался ремеслом.

Сельский русский быт был далёк от условий существования феодальных поместий Европы, её деревень и хуторов. Посмотрим, например, на дворянские русские усадьбы с венецианскими зеркалами, музейными ценностями, дворцовой архитектурой, парками. Разве это деревня? Захудалое поместье графа Льва Толстого в Тульской губернии — хороший образец, чтобы представить жизненный уклад русской глубинки. Палех, Гжель — тоже сельские территории, воспроизводившие образ жизни русского сельского жителя.

Символом нищеты русских поверхностно считался дом под соломенной крышей. Обожжённая глина, из которой изготавливалась кровля сельских домов Европы ценилась куда выше. Но солома — это просто местный и весьма практичный материал, а дом — не землянка. Солома на крыше — это не символ нищеты, а отражение скромности русского быта.

В конце XIX века В. Ульянов (он же Ленин) написал толковую книжку “Развитие капитализма в России”. Сейчас мало кто к ней обращается. А ведь будущий “вождь мирового пролетариата” свёл воедино массу статистических данных и показал, что крестьянство является слоем мелких собственников-ремесленников.

У нас, правда, не было ни европейского капитализма, ни капитализма пролетариев. Крестьянской в сегодняшнем понимании слова России никогда не существовало. Поэтому не было и противоречия между городом и деревней.

Наоборот, обеспечивалась относительная гармония природы и социума, образа жизни и производственных условий, в которых они развивались. Были сложности, но не было безвыходности.

Причины для революционного взрыва в начале века возникли из совершенно другой области. Совокупность условий, предшествовавших тому, что мы называем "Великой Октябрьской социалистической революцией" показывает, что предпосылки для *социалистического* характера революции отсутствовали. Те проблемы, с

которыми сталкивалась Россия — это были проблемы роста, а не упадка и загнивания.

Социалисты и марксисты ошиблись, приняв муки родов за агонию системы, увидев в противоречиях рождавшегося социально-экономического уклада его умирание, тем более, что капитализм, который возникал тогда в Европе, в России существовал лишь в зачаточной форме.

Откорректировав в определённой степени эту ошибку, Ульянов открыл переход реально имевшегося в России хозяйства в новую стадию и НЭП, но тоже остался в плену марксистского заблуждения. Источник роста в России заключался в реформах второй половины XIX века, реформах Александра II, продолженных Александром III на стадии приспособления вновь открытого качества к специфике России. Это были не столько контр реформы, сколько их адаптация к условиям самобытного развития.

Контр реформами новую политику считали только догматики реформ. Великие реформы создали такие предпосылки для огромного социально-экономического роста, что одновременно созрели противоречия между потребностями этого роста и обветшалыми институтами власти, методами патриархального управления. Русский паровой котел взорвался из-за того, что власть не смогла приспособиться к потребностям и темпам роста.

Поскольку предметом настоящей работы являются некоторые представления относительно двух революций, произошедших в России, определимся с тем, что можно назвать их общими предпосылками. Сошлёмся, для простоты изложения, на формулу, которую предложил Маркс в работе “К критике политической экономии”, написанной в 1859 году:

“В общественном производстве своей жизни люди вступают в... производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляют экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соответствует определённая форма общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из формы развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При

рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от... идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним... Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которое оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия её решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления"

В отличие от марксовых схем, разработанных в другом месте для совершенно других условий, в России вовсе не было *восстания пролетариев*, отчаявшихся на последний и решительный бой от безысходности. Была не безысходность, а невероятная энергия развития. Индустрия требовала других условий — снятия бюрократических препонов, упразднения сословных перегородок, динамичной государственной политики, главное — сельский труд требовал земли. Трудовые ресурсы страны были втянуты в революцию только потому, что не нашли себе применения, не были поставлены в условия производительного бума.

Кадры кинохроники донесли до нас внешний облик власти. Посмотрите на эти ископаемые типы, окружавшие русского царя! Сам Николай II в этом окружении выглядит человеком новой эпохи, но опутанным сетями стародавних интриг. А ведь рядом с этой дворцовой жизнью, отгороженной от действительной жизни, существует экономика, растущая чуть ли не на 20 процентов в год, русское население, в семьях которого десять-пятнадцать детей норма! Этим ли деятелям освоить такой рывок развития?

Русские марксисты совершенно превратно поняли причины нашей революции в начале века. Они хорошо знали тексты своих основоположников, но плохо знали Россию, потому что всю жизнь существовали либо во внешней, либо во внутренней эмиграции. Они изучали Россию по газетам и воспоминаниям о комфортных условиях ссылок.

Кстати, как теперь понятно уже почти всем, никакого социализма в России не получилось. Его и быть не могло! Великая русская революция была революцией ремесленников, революцией мастеровых людей, революцией крестьян, которым 20 процентов роста в год было мало!

Это была попытка прорыва в будущее, попытка сбросить оковы с процесса развития, она являлась индустриальной революцией,

давшей, впрочем, крайне противоречивые результаты, неожиданные для доктринёров и схоластов.

Мы должны отметить закономерный исторический процесс, который происходил отнюдь не по схеме стратегов социалистической революции или германских капиталистов.

Грех прежней политической элиты России состоял в том, что она не смогла создать государственных форм, которые соответствовали бы потребностям развития. Русское дворянство, купечество, промышленники, духовенство не смогли приспособиться к колоссальному импульсу развития. И они первыми должны были оплатить свои ошибки.

Сброс старой элиты в политическое небытие означал, что потенциал развития во многом был истрачен на безуспешный поиск новых форм самоорганизации общества и народного хозяйства, то есть израсходован не в том направлении, где развитие принесло бы максимальные результаты. Тем не менее отменить этот сброс было невозможно, да и не нужно. Будущие события показали её своевременность и объективную неизбежность.

Даже несмотря на все непроизводительные потери, понесённые в результате гражданской войны, после страшной и разрушительной для нации Великой Отечественной войны Россия к концу 50-х годов — мощнейшая индустриальная держава с непревзойдённым научным потенциалом. Мы совершили прорыв в общем и специализированных видах культуры, вырвавшись в космос и поставив себе на службу атомную энергию.

Отменить достижения России только на основе гипертрофированной и истеричной критики репрессий 30-х годов — это форма клеветы на Россию, средство идейной борьбы против неё. Великая русская революция, продолжавшаяся почти 30 лет — с 1905 до конца 30-х годов, обеспечила главное — состоялся переход в иное качество.

Проверка войной, самая суровая, которую знает история в отношении человеческой цивилизации, состоялась и она была выдержана с честью. Поэтому нам есть что праздновать — Великую русскую революцию, создавшую сверхдержаву, которой нельзя не гордиться.

Эта революция изменила к тому же историю всего человечества, направив его в другое русло. Мировая история перестала быть преимущественно европейской, она приобрела характер всемирной истории.

События вокруг Зимнего дворца осенью 1917 года — всего лишь эпизод. На него не стоит обращать особого внимания. Нужно взглянуть на историю России в XX веке в целом. Тогда трагедия сталинских репрессий займет в ней свое место и не будет преувеличиваться. Тогда

мы избавимся от партийных пристрастий, и вместо нигилистического отрицания прошлого своей страны будем рассматривать и оценивать его как последовательные, закономерные фазы полноценной истории.

Вместе с тем революция породила новую элиту, которая приобрела постепенно кастовую, номенклатурную, партийную форму. Бюрократическая элита, овладев властью, не подавила революцию, она лишь расчищала государству путь от исторического хлама, от тех, кто пытался встать на её дороге. Она явилась орудием расплаты с теми, кто пытался заставить Россию совершать не нужную ей *мировую* революцию, отводя ей роль жертвы во имя абстрактного “коммунистического будущего”.

Так называемые “жертвы сталинского террора” из среды государственного и партийного чиновничества и местечковой интеллигенции, эксплуатирующей идею “пролетарской культуры” — это отъявленные враги России, тянувшие ее на гибельный путь. Составляя в обществе фракцию бешенных ультрарадикалов, и рассматривая Россию как сырье для *мировой* революции, они пытались направить *русскую* революцию на якобы социалистический путь.

Ни одна революция не бывает без жертв, без личных трагедий. Борьба догматиков и практиков внутри народившейся элиты зацепила судьбы многих. Но саму борьбу, являющуюся объективным процессом, отменить невозможно. Можно только с удовлетворением констатировать, что в тот период победили люди дела, практики.

Если взять солженицынский “Архипелаг ГУЛАГ”, то там, скорее всего, все правда. Но это субъективная правда, правда отдельной человеческой судьбы. Русские писатели всегда обладали способностью рассматривать *частное* явление жизни под микроскопом и придавать этому явлению *общественную* значимость, возвести в ранг *социального* явления. Но в данном случае по большому счету художник ошибся. Солженицын так же, как Бунин в “Окаянных днях”, в развороте русской революции увидел только окаянство, только лишенный смысла бессмысленный и беспощадный бунт. Конечно, “Архипелаг” тоже ценный документ, но ограниченный жанром свидетельских показаний.

Римляне античной эпохи оставили потомкам описание извержения Везувия как трагедии. Помпеи засыпало пеплом, погибло множество людей — это действительно была трагедия. Но разве можно отменить извержение? Бунин и Солженицын, не имея сил отменить извержение русской революции, не заметили геологического характера исторического процесса. Они увидели только его безжизненный пепел и оказались не в силах признать в историческом пепле начало для новой жизни.

Россия периодически извергается, но губительное извержение одновременно является переходом, точнее говоря — прорывом в новое качество. Тех, кто проклинал пепел вместе с породившими его причинами, не могли увидеть перспективы. Они перепутали, не осознали причин и следствий, не предугадали, что в историческом катаклизме родилась русская нация. Нельзя негодовать на стихию. Бесперспективно бороться с вулканом и с его способностью периодически извергаться, покрывая страну пеплом и лавой, но давая вместе с тем энергию для новой жизни.

Разумеется, в революции есть жертвы и подчас бессмысленные. Но нельзя отрицать по этой причине процесс геополитического обновления Земли, который без вулканических извержений, без человеческих страстей и страданий невозможен. Если социальные вулканы перестанут извергаться, свидетельствуя об остывании планеты, разве подобное не предрешит исчезновения человечества? Мы должны посмотреть на русскую историю XX века как на состоявшуюся, удачную историю, давшую продуктивный результат. Бесцельно прожитых лет у России нет.

Причины, заставившие Россию, до того развивавшуюся достаточно долго в эволюционных формах, встать на путь очередной революции, разрушающей на первых порах не только государственные и общественные институты, но и мощные производительные силы, заключаются в непримиримых противоречиях, которые вновь столкнули между собой реально существующие общественные интересы. Точно так же, как 80 лет назад, когда русское крестьянство подняло на штыки строй, который не справился с потенциалом индустриального развития, и установил новую систему отношений, позволившую ему превратить страну относительно неразвитую в индустриальную сверхдержаву, так и теперь восстал против отживших отношений новый слой, ощутивший свои возможности роста, слой, обладающий главной производительной силой будущего — интеллектом.Интеллект, для которого развитие науки и техники создавало самые благоприятные условия практического применения в качестве основной производительной силы, требовал соответствующего места в системе экономических и политических отношений. Проблема, обострявшая климат общественных отношений, ничего общего не имела с так называемым застоем. В действительности интеллектуальный потенциал страны, население которой не превышало 6 процентов общего населения Земли, приближался к половине общего человеческого потенциала.

К концу XX столетия интеллектуальный компонент России превысил половину наличных интеллектуальных сил человечества. И эта невероятная интеллектуальная концентрация, замкнутая в ставшие

архаичными экономические и политические формы, привела к разворачиванию на исходе века *второй русской революции*. В отличие от революции ремесленников, восстания крестьян, вооружённых и одетых в военную форму, она теперь носит принципиально новый характер, соответствующий гораздо более высокому уровню развития. Источник Второй русской революции — неразвитость властных, управленческих институтов, не способных освоить очередной мощный рывок интеллектуального творчества, архаичная система управления экономическим и общественным потенциалами, созданными в России,которая не успевала осваивать новые достижения собственного интеллекта.

До поры до времени схема развития, сложившаяся в межвоенный период, была жизнеспособной и эффективной. Она дала возможность реализовать программы индустриализации, продемонстрировала высокую степень выживаемости в период Великой Отечественной войны, позволила в кратчайшие сроки восстановить производственную и социальную инфраструктуру после 1945 года и обеспечила научно-техническую модернизацию в 60-70 годы. Речь идёт не о том, что Россия отстала от передовых стран Запада и Востока. Просто она находится с ними в разной возрастной категории. По отношению к ним Россия является младшим братом, у которой ещё всё впереди. Она в течении всего XX столетия развивалась, используя энергию так сказать первой ступени ракеты, когда другие нации и государства, принадлежащие иным цивилизациям, тратили топливо из ракеты второй ступени. Но энергия развития, приобретённая в результате Первой русской революции, постепенно исчерпала себя.

Предыдущая экономическая и политическая система выдохлась вовсе не потому, что победившее в гражданской войне крестьянство могло осуществить на практике не абстрактную программу теоретического “марксизма”, как и любую другую теоретическую доктрину, а своё собственное представление о счастье, которое на поверку оказалось феодализмом. Крестьянская революция ничего, кроме уравнительного феодализма дать обществу не могла. Это был тоже рывок вперёд, потому что была победоносная революция, что иногда случалось в Азии и никогда в Европе. И тем не менее можно говорить о её завершении в том смысле, что созданные в начале века институты, управлявшие экономическим и общественным развитием, из составных частей системы превратились в паразитические наросты.

Всё то, что говорилось выше о Первой русской революции не следует трактовать, как некое попятное движение, опрокидывающее Россию назад. Ничего подобного. Послереволюционная Россия, освободившись от сдерживающих её оков, совершила колоссальный

рывок практически во всех областях экономики и культуры. Без каких-либо преувеличений и передержек её совокупный потенциал позволил достичь уровня супердержавы, сравнимый с потенциалом США.

Господствовавшей в стране элите не удалось решить ещё одну, быть может главную проблему текущего столетия — проблему обеспечения роста народонаселения, которое должно соответствовать масштабам государственной территории и уровню развития производительных сил. Чем мощнее становился экономический и интеллектуальный потенциал, чем больше пространств вовлекал он в производство,чем основательнее становились издержки по обеспечению безопасности, тем недостаточнее становилось количество и качество человеческих ресурсов. Нормальная численность русских была определена ещё Менделеевым. Она должна была составить в конце нашего века 500 млн. человек. Только такая численность населения могло бы освоить творческий потенциал русского интеллекта, освоить русские пространства и космос над ним.

Если в начале века человеческая масса не находила соответствующего интеллектуального оформления, то в конце века мощно продвинувшийся в своем развитии интеллект нации не находит опоры в массе, которая проседает под тяжестью интеллекта. И это тоже последствия Великой русской революции начала века, её оборотная сторона. Помимо очевидных достижений в этой революции оказались громадными потери. Русская революция — не праздник, не карнавал. Русские никогда не напишут на развалинах прежнего режима то, что написали французы на развалинах Бастилии: здесь танцуют. Наша революция вместе с величием — трагедия. Мы не танцуем на отеческих гробах.

В отличие от либеральной Европы русские не имеют привычки расставаться со своим прошлым со смехом.

Речь идёт не только о своеобразии общественной истории пространства между Волгой и Эльбой, но и в том, что русские создали единственную в своём роде северную цивилизацию, материальная база которой и условия её применения не имели ничего общего ни с земледельческими цивилизациями Востока, ни с комфортными для жизни условиями Европы. Процесс формирования русской цивилизации одновременно являлся и способом создания специфических способов существования и культурных стереотипов, благодаря которым сложились еёграницы. Вслед за Киплингом можно сказать, что Запад есть Запад, Восток есть Восток, а Россия есть Россия, и они никогда не сольются...

Пока же Россия находится в пространстве между причиной и следствием, и от усилий, сосредоточенных в русском национальном ядре зависит, будет выбрана в условиях новой революции стратегия её

распада и гибели или стратегия возрождения и воссоединения, вопросов, которые в любом обществе решаются методами гражданской борьбы. У русских, добродушного, уживчивого народа, которого особенности исторического прошлого заставляли быть народом-воином, есть заповедь, относящаяся к оружию: без необходимости не вынимать, без победы не возвращаться. Революции, как и войне, нужна победа. Если революциям не сопутствует удача, у них другие результаты и они иначе называются.

Революция как борьба за русское наследство

Человеческому сообществу, организованному политически, свойственно время от времени очищаться от посторонних, вредных для его жизни элементов, когда менее радикальные способы оказываются неэффективными.

Если общество исчерпало возможности для свойственного своему организму развития и не способно изменить условия существования ни методами эволюционных изменений, ни с помощью реформ, наступает эпоха революций. Поэтому революции основательны.

Пройдя через неё, человеческая природа приобретает новые качества, новую энергию развития. Они совершаются прагматически, являясь реакцией самозащиты, реакцией очищения.

Революции созидательны. Они лишь тогда достигают своих целей, когда соответствуют природе собственной страны, когда освобождают её энергетический потенциал для нового витка исторического развития.

Но революцию подстерегает опасность. Она, решая свои задачи, может вторгнуться в органичные начала русской жизни. Речь идёт не только о естественных ресурсах, дарованных нации природой страны и предками, которые освоили и приобрели для своих потомков огромные территории, и которые приносятся теперь в жертву. Проблема революции состоит в том, чтобы не разрушить русский мир, русскую семью и дом, соответствовать основным началам русской философии и мировоззрения, традициям русской цивилизации.

Её основные начала основательно исследованы и осмыслены учёными, публицистами, государственными деятелями. У истоков правильного их понимания такие гиганты, как Ломоносов, Карамзин, Пушкин. В XIX веке, критическом для России, русская идея разрабатывалась многими авторами, среди которых Гоголь и Аксаков, Достоевский и Лесков, Победоносцев и Достоевский. В первой половине XX столетия её развивали Солоневич и Ильин, учитывая причины и последствия Первой русской революции. Из современных публицистов и учёных нельзя не отметить работы академика Рыбакова, О.Платонова, Г.Хохрякова.

Рассмотрим хотя бы конспективно коренные основы русской экономики, русского общества, русской власти и государственности, сложившиеся в результате двухтысячелетней русской истории. Какие бы реформа или революции не происходили в России, они должны лишь укреплять или охранить их.

Естественные основы России — природа, труд и интеллект.

Русские — обладатели несметного богатства в виде 40 процентов населенной людьми суши или 17 процентов всей суши земли. Однако четыре пятых этого пространства — крайне сложные с точки зрения ведения хозяйства северные территории с суровым, непредсказуемым климатом и вечной мерзлотой. Издревле житель российских равнин и обитатель гор был подвержен многим опасным случайностям, которые сопутствовали ему от рождения до смерти. Но это естественное обстоятельство не ожесточило его характер, но закалило волю, воспитало невероятную жизненную стойкость, укрепило в том, что представляет единственное спасение — в *труде*. Терпение и труд все перетрут — в этих немногих словах весь великий русский характер.

Поэтому у власти в России не должно быть тех, кто не знает той простой истины, что не растут на её просторах экзотические плоды и даже картошка родит не везде. Поэтому русские не должны верить тем, кто гипнотизирует их волшебным словом “рынок”, господство которого должно заменить отобранные в результате исторического опыта национальные способы организации труда.

Разве непонятно, какого невероятного терпения и *труда* будет стоить возвращение страны к нормальной жизни, если она попытается экспериментировать над собой. А дорогу к процветанию может проложить только *интеллект*, изощренный русский ум, сложившийся в тысячелетней борьбе с коварством и непостоянством северной природы, вынуждавшей к постоянной перемене рода деятельности.

Это все и сегодня в России есть, но по злому умыслу или недомыслию вытеснено на обочину, перестало быть предметом общественного уважения, главным условием жизненного успеха. Почему? Да потому, что к власти прорывается нахрапистое потребительство и наглая серость.

Подобное стало возможным из-за того, что нарушено естественное для России соотношение между сложившимся в ее специфических условиях статусом *производителя* материальных и духовных благ, *посредника* и *потребителя*.

В России, где экономика столь жестко зависит от случая, от непреодолимых внешних обстоятельств, главенствующая роль всегда принадлежала и впредь должна принадлежать *производителю*. Ибо качество огромных естественных ресурсов таково, что лишь малая доля

их в виде не продуктов труда, а даров природы идет непосредственно на стол и в дом. Большая, подавляющая часть их становится доступной для потребителя только после глубокой переработки.

Поэтому типичный русский — это не купец и даже не крестьянин, а человек мастеровой. И наиболее ярко в этом качестве он проявил себя именно в XX-м веке, в ныне живущих и действующих поколениях.

Тяжелейший удар, нанесенный сейчас по русскому *производителю* угрожает существованию практически каждой семьи. Он составляет угрозу даже для тех, кто все еще рассчитывает поживиться на общей беде. Существование “новых русских”, не только как нового класса, но прежде всего как отдельных людей — “физических лиц”, поставлено в прямую зависимость от объема и качества материальных и духовных благ, настоящего богатства, выпускаемого на внутренний и международный рынок *производителем.* Наиболее дальновидные из них уже ощутили, что Россия не банановая республика и не туристский рай. Делать деньги из воздуха в её пределах можно только ценой разрушения государства, обнищания и вымирания населения. Следовательно, такое предпринимательство является не игрой ума, не разновидностью общественно полезного труда, но преступлением, несовместимым с национальными интересами.

Специфические условия развития русского общества сформировали в нем уникальное, присущее только ему соотношение между *законом, властью и деньгами, тремя видами сил, способных управлять человеческими сообществами и отдельными людьми.*

Превыше всего русский человек, воспитанный в беспощадной борьбе с внешними, изначально враждебными силами, ценит ответственность и справедливость. Поэтому он не примет несправедливый *закон*, не поддержит *власть*, утратившую ответственность перед народом, не признает богатства, нажитого хищническим путем. И поскольку в северной суровой стране от века было так, что “в трудах праведных — не нажить палат каменных”, только *власть* путем установления справедливых *законов* могла оградить общество от мироедов, предупредить гибель государства и не допустить разрушение национального единства из-за ничем не ограниченной алчности тех, кто смысл своей жизни видел в обладании возможно большим количеством *денег.*

Конечно, преобладание *власти* и ограничение роли *денег* также чревато многими опасностями. Однако, если бы русское общество отдавало безусловное первенство *деньгам, оно не могло бы развиться до современных масштабов. И если русские изменят присущее им*

соотношение между деньгами и властью, они потеряют Россию, а вместе с нею — самих себя.

Те, кто продолжает утверждать, что все проблемы уйдут в тот день, когда *деньгам в России* будет предоставлена полная свобода разобраться с каждым человеком в отдельности, в лучшем случае глубоко заблуждаются, в худшем — сознательно уничтожают основы достойной человеческой жизни на одной шестой земной суши. Деньги, превращённые в идола, предмет фанатичного поклонения, не знают ответов на все вызовы, которые бросает жизнь, насыщенная противоречиями и ежедневным острым риском.

Русский духовный мир, некогда выраженный в яркой и емкой формуле: *православие, самодержавие, народность,* в принципе противопоказан экономическому и политическому либерализму. Понятые разночинными интеллигентами примитивно и буквально, русские духовные ценности пришли в современную эпоху в предельно извращенном виде.

На самом деле *православие* было, есть и должно быть впредь стержнем духовной жизни русского народа, этической основой русского государственного и гражданского права. Разумеется, при том условии, если русские окажутся в состоянии оставаться русскими вне зависимости от личного отношения каждого из них к *Православной Церкви*.

Самодержавие означает не столько сущность политической системы, сколько разделение прав и ответственности в общественных и экономических отношениях. Авторитарная царская власть с большим уважением относилась к частной жизни своих подданных, нежели ее правопреемники в СССР и современной Российской Федерации.

Принцип *самодержавия* означает, что каждый “держит себя сам”. Он предполагает ответственность не только за себя, но и за свою семью, свою деревню, свой городской посад, свой город, свою “вотчину”, понимаемую как “малая родина”. Верховная *власть*, таким образом, должна принимать на себя ответственность только за державу в целом, за справедливый порядок, лад между вотчинами, городами, деревнями, семьями и отдельными людьми.

В отношениях между людьми уважались не только личные достоинства. В холодной, неуютной для жизни стране отдельный человек значил очень много, но он неминуемо погибал физически или нравственно если ставил себя вне своего *народа, общности, основанной на естественном родстве многих поколений.* Поэтому понятие *народ* в России пользуется таким глубоким уважением.

Русский обычай вследствие этого безоговорочно признает право каждого из жителей страны принадлежать к любому *народу.* Поэтому ни один коренной народ России не растворился, не исчез, не утратил своих

особенных, только ему присущих характерных черт и верований. Каждый из них, оставаясь в пределах русского государства, органично обрел способность к полноценной жизни в лоне своей культуры, своей традиции быта.

Если некоторые современные политики этого предпочитают не помнить, всё равно русским нечего стыдиться за своих предков. Они в подавляющем большинстве случаев не были угнетателями инородцев и иноверцев. И не следует за них “извиняться”, приносить “покаяние”, оправдывать то, что составляет содержание русской истории, как бы этого ни хотелось тем, кто жаждет убить Россию, стреляя в её прошлое.

Законы в России “не работают” в большинстве случаев вовсе не потому, что государственные деятели, их придумавшие и принимавшие, чего-то не додумали или не учли. Они не работают потому, что зачастую вступают в противоречие с такими основами русской экономической и общественной жизни как *артельность в труде, общинность в быту и соборность в государственных установлениях.*

Представление о русском, как о плохом работнике — это преднамеренная грубая ложь. Самостоятельный русский, не развращенный дармовщиной и не отравленный алкоголем, с рассвета и дотемна в созидательном труде. Но как бы ни была для него важна семья, дом, личное хозяйство, он никогда не испытывает такого душевного подъема, как вливаясь в артельный труд, в результатах которого он заинтересован лично. Феномен русского отношения к труду являет эту черту даже в тех сферах деятельности, где труд должен носить сугубо индивидуальный характер по своей исключительной сути, а именно — в творчестве, художестве, науке, изобретательстве и даже в интеллектуальных играх. За пределами России не играли в “что, где, когда?” не потому, что там люди глупее. Там не умеют думать коллективно.

Те, кто решил, что нынешнее поколение русских должно жить в стране победившего индивидуализма стоят перед невыполнимой задачей. Ибо *общинность* в повседневной жизни присуща даже жителям наших столиц — мегаполисов, собирающих на клочке земли миллионы людей и разъединяющих их жесткой борьбой буквально за все, вплоть до права дышать чистым воздухом и пить чистую воду. Редко кто из жителей России не имеет бескорыстных друзей, доброжелательных соседей, считающих своей святой обязанностью приходить на помощь и в пределах возможного делиться только в силу того, что он живет рядом, что он нуждаетесь в их сочувствии. Однако жертвенность друзей и помощь, исходящая от ближайших соседей предполагает такое уважение их интересов, которое не допускает сговора за их спиной, решения

собственных проблем за счет ближних и дальних, разве только по взаимному многостороннему согласию.

Из этого вытекает третий главный принцип русского политического и общественного устройства, который не может заменить либеральная демократия с формальным преобладанием интересов простого, а чаще даже относительного большинства. В России это — *соборность.*

Никакое решение не должно и не может быть навязано русскому обществу без согласия абсолютного большинства его членов, ибо в противном случае неизбежно страдает справедливость, и русские вместе с другими народами России этого не примут.

Именно поэтому провалы так часто постигают инициаторов российских реформ. Переоценивая терпение русского народа, они в большинстве не понимали или не желали принимать в расчет того, какое значение имеют в русской жизни эти три начала: *артельность, общинность, соборность*.

Точно так же терпели неудачи и те, кто догадывался об этих особенностях русского жизненного уклада, но представлял русского как примитивное стадное существо, грубо попирая его представления о *семье, народе и нации*.

Русский не говорит: мой дом — моя крепость. Для него в противостоянии с суровой природной средой важнее умножение самого себя. Я не один. я, моя жена, мои дети, мои домочадцы — *семья*. Совокупность многих семей, генетически принадлежащих к одному сообществу — *народ.* Сообщество исторически объединившихся *народов* — великое, могучее государство, раскинувшееся на полмира — *нация*. Русский народ явил себя миру сравнительно недавно — шестьсот пятнадцать лет тому назад, на Куликовом поле. Как политическая *нация русские* сформировались только в XX-м веке. Поэтому мы — одна из самых молодых *наций* на Земле и многое нам за это должно проститься, хотя бы потому, что в 1945 году она показала свое неодолимое могущество.

Именно поэтому, чтобы ни произошло с русскими вчера и сегодня — это только начало их национальной истории и они еще успеют увидеть полет русского орла, во всю ширь распахнувшего свои крылья. Победы создают нации, поражения её закаляют.

Надо только решить коренной вопрос революции. Это — вопрос о *власти*.

Коллизия русской *власти* в XX-м веке в литературной форме наиболее точно описана великим русским писателем Михаилом Афанасьевичем Булгаковым в повести “Собачье сердце”. Три лика у нее, точнее — три личины. Экспериментирующий профессор

Преображенский, идеологический фанатик Швондер, “очеловеченная дворняга” Шариков.

На первый взгляд симпатии Булгакова на стороне профессора, обладающего острым умом, независимыми суждениями. Но лишь на первый взгляд. В действительности в нем воплощен образ холодного учёного, дерзающего “исправить ошибки” самого Господа Бога.

Образ другого рода — Швондер — беспринципный в своей идеологической одержимости, исступлённый фанатик. Он смешон и карикатурен, как любой филистер. Но как ни отвратителен этот тип, он всего лишь обманом посаженное в русском саду гнилое дерево, не приносящее доброго плода, которое рано или поздно будет срублено и брошено в огонь.

Дворняга Шариков, животное в человеческом образе, рвётся во *власть*, чтобы все отнять и поделить. Но главное, чтобы с мандатом и пистолетом “душить котов” в силу безотчетной и неудержимой к ним ненависти.

Страшен гуманоид Шариков, но... Никогда бы ему не появиться на свет, если бы его не придумал, не создал в своей бессердечной научной фантазии Преображенский...Не швондеры и не шариковы начали эксперименты над собственным народом, деформируя сомои основы его развития. Не они доказывали необходимость сносить горы и поворачивать реки. Это — дело преображенских. Швондеры облекли эти идеи в покровы непогрешимой веры, а шариковы — доводили эксперимент до логического конца, до катастрофы. Единственное расхождение с реальностью у великого писателя просматривается лишь в том, что Преображенский из опыта вышел сам. Но на деле не было этого. И мы на себе ощущаем непрекращающиеся попытки поправить нашу жизнь грубым хирургическим вмешательством в самые тонкие ее материи.

Поэтому сегодня русскому народу надо убрать из *власти* не только шариковых и швондеров, но прежде всего преображенских с их холодным, безнравственным умом и непомерной гордыней. Катастрофических экспериментов над страной уже довольно. Избавить от них Россию может лишь власть, обладающая русскими национальными качествами.

Во *власти* Российскому государству нужны здравый смысл, умение уловить естественный ход событий и приспособить к ним собственный образ мыслей и действий, она должна обладать мгновенной реакцией на любой вызов и иметь способность к дальнему расчету в любом её действии должна быть трезвая оценка собственных возможностей, но не затем, чтобы отказаться от поставленной цели, но вовремя и со смыслом отступить, если к этому вынуждают

обстоятельства, выждать, укрепиться в собственной вере, собраться с силой и победить.

Проблема и задача русской революции состоит в том, чтобы, не утрачивая ни одного достижения России, предоставить наиболее благоприятные условия для её развития в XXI веке.На этом пути её подстерегает по крайней мере две проявившие себя опасности: угроза распада русского национального общества, не изжившего в себе болезней этносепаратизма, и угроза политического расчленения государства российского, первым признаком которого явились соглашения в Беловежской пуще.

Против этнонационального синдрома

Теперь, когда мы достаточно хорошо знаем процессы, описываемые этнологией, — наукой, появившейся в развёрнутом виде лишь в 70-80 годы, сохранение в отечественной науке, например в статистике, и в политике, например в нормах современного конституционного права, такого понятия, как “многонациональный народ” кажется нелепым анахронизмом. Эта нелепость была бы не более забавной, чем любой устаревший и изживший себя научный трактат или акт права, если бы их применение не носило России столько разрушений.

Два обстоятельства выглядят курьёзом. В России продолжают использовать определение понятия нация, предложенное в начале XX столетия марксистами, в частности Джугашвили (он же Сталин), понятие, которое определяется в политической практике всего мира как этнос. В переводе на русский оно звучит как народ. В связи в этим, термин народ применяют у нас там, где везде в международном и государственном праве других государств применяют другой термин — нация. Этнография и статистика всего мира выявляет, где и какие народы (этносы) существую на земле, у нас их называют нациями. Согласно Госкомстату выявление национальности объяснялось в 1989 году как — “определение этнической принадлежности, т.е. принадлежности к тому или иному народу или национальной (этнической) группе”. Как ни вспомнить — есть ложь, большая ложь и статистика. Такая методология в статистике хуже лжи, но она не случайна. Отождествление двух этих понятий слишком дорого обходится России.

Если в Европе, Америке и Азии нация состоит из народов, то в России наоборот — народ состоит из наций. Поэтому, когда в современной Европе и других частях света утверждают, что каждая нация имеет право на собственное государство, то эта фраза означает лишь

констатацию давно сложившегося факта, аргумент здравого смысла, принцип, предохраняющий государство от распада.

Этот тезис означает, к примеру, что французы или испанцы, являясь нациями, обладают правом на суверенную Францию и суверенную Испанию. Но он одновременно имеет тот подтекст, что гасконцы, эльзасцы или нормандцы Франции, а также каталонцы, басконцы или арагонцы Испании права на “собственное” государства не имеют и любую попытку подобного рода следует расценивать как покушение на территориальную целостность. Потому что они не нации, они народы. Но баски Испании и корсиканцы Франции время от времени пытаются насильственным путём доказать, что они нации и “право имеют”, в связи с чем добросовестные власти Французской республики и Испанского королевства отечески, то есть “железом и кровью” внушают мятежникам прямо противоположное.

Однако, как только мы пересекаем границу исторической России или попадаем в общество марксистов или антимарксистов (в данном случае они стоят на одной платформе), то “право наций на самоопределение” видоизменяется до неузнаваемости. Оказывается, ”в составе населения СССР”, — имеется “более 100 наций и народностей”. Что для наших догматиков, продолжающих слепо повторять заклинания столетней давности, означает — все они “имеют право на самоопределение”.

Следовательно, раз русские (до недавнего времени — советские) не являются нацией, (они, как известно — многонациональный народ) права на собственное государство у них отсутствует. В лучшем случае их удел жить в Союзе, Содружестве, Сообществе, но только не в едином государстве. Это не по науке, этого не допускает “марксизм и национальный вопрос”.

Но одновременно столь оригинальная трактовка должна означать, что эти “100 наций и народностей” обладают так сказать естественным правом на то, чтобы жить в “собственном” государстве. Раз сама власть признаёт любое племя России, коренное или кочевое, “нацией” и автоматически наделяет его собственной “республикой” и даже вписывает в “конституцию” право республики “свободно” выйти из состава “Союза”, то разве подобные шутки могут остаться без последствий.

Если в первом действии пьесы ружьё повешено на стену, в последнем акте оно должно выстрелить. Таковы законы драматического жанра. Есть они и в политике. Вследствие только что описанной национальной политики чеченцы, например, именуются нацией, ей даруется особая территория со всеми необходимыми атрибутами, затем эту территорию объявляют в основном законе государства не составной

частью государства Россия, а собственно государством Чечня, “субъектом федерации”. Разве после этого ружьё останется висящем на стене?

Перефразируя известное изречение, можно сказать — чеченцы не злодеи, они восстали и убивают русских, а заодно сами умирают, потому что доверчивы. Разумеется, генерал Дудаев не генерал Отелло, но разве не коварство и скудоумие антинациональной политики превратило его в мятежника и государственного преступника?

Противоестественная, ложная от начала до конца, догматическая по сути теория, ставшая руководством к действию государственной власти Советской России, а затем СССР обусловила глубочайший этнонациональный кризис в России. Пока такая политика, имеющая своим основанием “ленинско-сталинскую национальную политику” не будет отвергнута, Россия обречена на цепную реакцию распада. Её разрушит чеченский синдром

Энергия этого вируса предусмотрена политической теорией, которую в своё время взяли на вооружение все “революционные” группировки, боровшиеся с Россией. Таким образом они приобретали тогда “спонсоров”. Чуть позже мы объясним, почему распад России оказался в процессе Первой русской революции невозможен. Но теперь Россия переживает Вторую революцию, и вновь национальный вопрос занимает в ней центральное значение. Почему? Потому что между двумя революциями теория превращалась в практику. Опираясь на её авторитет, на месте единого государства, предназначенного для одной нации, кроилось лоскутное одеяло для ста наций. Система воспитания, образования, агитации и пропаганды, словом — идеология государства и его кадровая политика в течении трёх-четырёх поколений создавали соответствующее мировоззрение и структуру руководящего класса. Знаменитые национальные кадры! Это было уже не одно ружьё, а целая армия, которая в подходящий момент должна была взбунтоваться. Она и взбунтовалась, воспользовавшись началом Второй революции в России.

Однако этногенез, как математика или физика — точная наука. Она неопровержимо доказала, что процессы, создающие человеческие сообщества, протекают одинаково как в Европе, так и в Азии, и раз Россия занимает оба эти континента, нет основания делать из шестой части суши исключение, оставляя его для применения на оставшихся пяти шестых. В эпоху средневековья родилась фраза — пусть погибнет мир, лишь бы торжествовала юстиция. В России более 100 лет реализуется другая мысль — пусть погибнет Россия, лишь бы считалась истиной в последней инстанции национальная теория, созданная трудами Ульянова и Джугашвили.

Для марксизма соединение этих двух явлений — нации и государства — с любой точки зрения казалось абсурдным, ошибочным, неоправданным. Разве ирландцы стали нацией лишь после образования Ирландского свободного государства, а до этого времени они не представляли собой нации? Разве норвежцы не были нацией до отделения Норвегии от Швеции? Разве украинцы не были нацией, когда Украина входила в состав России и они стали нацией лишь после отделения от Советской России? И наконец самый коварный аргумент, предъявленный “отцом народов” — “разве эта схема не приводит к оправданию буржуазных националистов в наших Советских республиках, доказывающих, что советские нации перестали быть нациями после того, как они пошли на объединение своих национальных Советских республик в Союз Советских Социалистических Республик?”

То, что для Джугашвили представляло очевидным абсурдом, в действительности оказалось единственно правильным пониманием процессов, создающих нации. Марксизм, грезивший мировой пролетарской революцией, которая отменит государства, рассматривающий его в качестве одной из многочисленных надстроек, необходимость в которой должна отпасть, не мог признать за государством качеств, созидающих нации. Это предположение действительно содержало в себе элемент абсурда в том только смысле, что оно превращало сам марксизм в абсурд. Разве можно было всерьёз говорить об отмене государства, если XX век оказывался эпохой утверждения наций, а значит и периодом окончательного огосударствления человечества. Что же касается ссылки не на научный, а на “практический” смысл понятия нации, то между двумя войнами был более чем прозрачен. Для государственной политики России восстановление суверенных прав над утраченными в результате революции русскими территориями (Финляндия, Прибалтика, Привислинский край, Западнорусские губернии, Бесарабия, Западная Армения) было актуальной, необходимой задачей, которую рано или поздно приходилось решать. Если государство — признак нации, а нации имеют права на самоопределение, то... Нет, лучше обойтись без государства, формулируя определение понятию нация.

Такая национальная теория загоняла русскую политику в порочный, неразрешимый круг. Если признать наличие “собственного” государства признаком нации, то все существующие государства, в том числе имеющие обширные колонии, окажутся неприкосновенными. Тогда ни лимитрофные образования, сложившиеся между Россией и Европой, ранее принадлежащие России, ни колониальные владения европейских государств в Азии, Африке и Австралии не могут быть объектом революционного действия. Не обойтись без признания права метрополий

на угнетение колоний и отказать попавшим под колониальный гнёт нациям в праве на борьбу против империализма.

“Практически-политически” подобное толкование понятия нации действительно оказывалось абсурдным, контрреволюционным, антисоветским. Если украинцы — нация, они вправе отделиться от русских, если норвежцы не были нацией, то с какой стати они отделились от шведов, если Британская Индия является частью Англии, разве могут индийцы бороться за свободу от британцев. Обнаружить в поляках и шведах, немцах и англичанах, финнах и украинцах нечто иное, что делало их не похожими друг на друга и в то же время не делало их нациями, рассмотреть общую историю не только как “борьбу классов” между собой, но и как процесс, создающий такую естественноисторическую общность, как этнос (народ), на этот “подвиг” политики и идеологи в России оказались не способны.

Русская политическая и государственная мысль запуталась сначала в двух соснах, не в силах правильно соотнести понятия нации и государства, а позже не смогла правильно решить проблему трёх категорий, которая породила в конце концов неразрешимую проблему взаимодействия народов, наций и государств. В действительности она легко решаема.

Человек, по справедливому замечанию Л.Гумилёва, существует в коллективе, который в зависимости от угла зрения, рассматривается то как социальная общность, то как этническая общность, то как политическая общность. Классы, народы и нации составляют три основные формы, благодаря которым человечество осуществляет удовлетворение своих потребностей как на индивидуальной, так и на коллективной основе.

Этнический состав любой современной страны не однороден, сложность — его естественная черта. Таковы данные, которые представляет этнография и переписи населения. Тем не менее вопреки этому обстоятельству как в законодательство, так и общественное мнение закладывается прямо противоположное. Россия в официальном порядке провозглашает себя страной, где существует один народ, разделённый на множество “наций”. Посмотрим, что из себя представляют эти “нации”.

Последняя перепись населения, состоявшаяся в 1989 году зафиксировала на территории исторической России (б.СССР) 124 этнических единицы, из которых 79 принадлежат к коренным народам и народностям в существовавших тогда политических границах.

Не относятся к коренным народам России 45 этнических единиц, среди которых имеются не только незначительные группы, насчитывающие сотни или тысячи человек, вроде выходцев из Индии,

Северной и Южной Америки или Западной Европы. Имеются и более крупные общности, такие как немцы, евреи, поляки, корейцы, венгры и т.п. Не по личному правовому статусу, а вследствие персональной политической идентификации, не совпадающей с естественным этническим составом России, они являются иностранцами. Общее количество иностранцев на территории Исторической России составило почти 12 млн.чел. или 4,2 процента всего населения.

На территории Российской Федерации перепись выявила 65 коренных народов и народностей и 59 этнических единиц, имеющих иностранное происхождение. Общая численность иностранцев в РФ составила 9,9 млн. чел. или 6,7 процента населения. Увеличение их доли в Российской Федерации можно, в частности, объяснить тем, что согласно такому подходу в категорию иностранцев зачисляются жители, которые определили свою этническую принадлежность народам, в дальнейшем обособившимся от Великороссии.

В суверенной Российской Федерации к иностранцам должны относится не только поляки или финны, в прошлом подданные Российской Империи, но и белорусы и украинцы — граждане СССР, которых замечательная теория, описанная выше, заставила с нуля заняться собственным государственным строительством. Заметим между прочим, что власти лимитрофов Прибалтики поступают абсолютно логично, лишая гражданства всех лиц, которые имеют “иностранное” происхождение, иностранное с точки зрения “Вильнюса, Риги и Таллинна”.

Приведённая в Таблице 1 группировка всех коренных народов и народностей как Исторической России, так и Российской Федерации, с одной стороны, опровергает утверждения различных политиков и этнографов относительно утраты б. СССР русской этнической доминанты, с другой, — подтверждает, что только русские народы (великорусы, малоросы и белорусы) являются государство образующими и составляют его этнический стержень. Так как в численности коренного населения доля русских составляет по Исторической России почти 73 процента, а по РФ — почти 89 процентов, то не может быть и речи о тенденциях к фактическому равенству или к выравниванию этнического состава населения в сторону тюркских и каких угодно других народов. Тюркские народы, проживая преимущественно на своих исторических землях и являясь второй по численности группой населения, в Исторической России составляли 16 процентов, а в РФ — только 7,4 процента.

И чтобы снять любые спекуляции, которые возникают относительно этнической динамики между современной Россией и Российской Империей, приведём Таблицу 2, которая составлена на

основании данных первой переписи населения 1897 года. Некоторые изменения, которые имеются в Таблице 2 (рост числа финно-угорской группы и появление в качестве коренных “других славянских народов”, то есть поляков) объясняются тем, что приведённые данные включают также жителей Царства Польского и Великого княжества финляндского.

На 14 этнических групп, в которые можно объединить 76 коренных народов современной России (согласно Таблице 1), приходилось 27 процентов населения, в РФ десять этнических групп (56 народов и народностей) составляли 11 процентов общего населения.

Таблица 1

Этнические группировки населения исторической России и Российской федерации в 1989 г.

	Историч. Россия (б СССР)		Российская Федерация	
	млн. человек	%	млн. человек	%
Русские народы	199,39	72,80	119,81	88,70
Тюркские народы	44,11	16,10	10,03	7,40
Иранские народы	4,82	1,80	0,40	0,30
Армянские народы	4,62	1,70	-	-
Летто-литовские народы	4,53	1,70	-	-
Финно-угорские народы	4,26	1,60	3,07	2,30
Картвельские народы	3,98	1,50	-	-
Романские народы	3,35	1,20	-	-
Дагестанские народы	1,74	0,60	1,42	1,10
Нахские народы	1,23	0,40	1,12	0,80
Адыго-абхазские народы	0,67	0,20	0,56	0,40
Тунгусо-манджурские народы	0,06	...	0,06	...
Самодийские народы	0,03	...	0,03	...
Палеозийские народы	0,03	...	0,03	...
Эскимосо-алеутские народы	...	...	...	...
Всего коренные народы:	**273,77**	**100,00**	**135,12**	**100,00**
Иностранцы	11,97	(4,2)	9,90	(6,7)
Всего	**285,74**		**145,02**	

Естественное развитие совокупности этносов в новое качество, превращающее его в результате длительной эволюции в нацию, предполагает наличие особого этнического материала — некой природной клейковины. Кастильцы в Испании, пруссаки в Германии,

галлы во Франции, ханьцы в Китае, являлись таким главным строительным материалом, создавшим, причём сравнительно недавно, нации испанцев, французов, немцев и т. д.

Какой народ является основой русской нации? Это великороссы, после Первой русской революции переименованные в русских. Их одарили громким именем нация, и, следовательно, официально отказали считать главным народом страны.

Таблица 2

Этническое группировка населения Российской Империи в 1897 году

	млн. человек	%
Русские народы	83,93	68,20
Другие славянские народы	7,93	6,40
Тюркские народы	13,80	11,20
Иранские народы	0,79	0,60
Армянские народы	1,17	1,00
Летто-литовские народы	3,09	2,50
Финно-угорские народы	7,41	6,00
Картвельские народы	1,35	1,10
Романские народы	1,12	0,90
Дагестанские народы	1,09	0,90
Другие народы	1,40	1,20
Всего коренные народы	123,08	100,00
Иностранцы	5,12	4,20
Всего	128,20	

Тем не менее великороссы, игнорируя “официальную” науку, продолжают выполнять своё историческое служение. Великорусский народ, составляя этническое ядро русской нации и российской государственности, обеспечивает своё присутствие во всех окраинных регионах, опровергая на практике нелепую теорию и губительную политику. Численность великороссов составляла: в Прибалтийском крае — 1,7 млн. чел., в Закавказском крае - 0,8 млн. чел., в Бесарабии — 0,6

млн. чел., в Туркестане — 1,8 млн. чел., в Степном крае, Южной Сибири и Семиречье — 6,2 млн. чел.

На территории Белой, Малой и Новой России общая численность великорусского населения составляла 11,6 млн. чел.

Таким образом, попытки “научно”, то есть с точки зрения “нетленной” теории обосновать существование конфедеративного Советского Союза, состоящего, якобы, их моно национальных союзных республик, или Великороссии как федерации этносов (Российская Федерация) не подтверждается прежде всего самим этническим составом населения различных регионов страны. Не более основательны и ссылки на особое, “многонациональное” качество населения СССР или РФ. Впрочем, территориальная целостность, а также границы, достижение которых является целью обеспечить нацию её жизненным пространством, не обусловливается доказательствами той или иной науки. Наука лишь сводит в систему процессы, в которых её удаётся обнаружить причинно-следственные связи и отношения. Национальная территория приобретается не в академических спорах, а в упорной борьбе. Ни одна нация не должна являться арифметическим большинством в любой точке территории своего государства для того, чтобы “иметь право” рассматривать эту территорию в качестве своей. Если бы такое “право” вообще существовало, то что, спрашивается, служило бы основанием считать Флориду, купленную у Франции, или Аляску, за которую было заплачено звонкой монетой правительству России, суверенной принадлежностью США? Разве торговая сделка, заключённая так, как если бы эти земли были необитаемы, более основательна, чем договоры, предоставившие России территории финляндские, прибалтийские, закавказские или среднеазиатские.

Политический распад российской государственности, дважды происходящий в XX столетии, не связан с количественными особенностями состава российских народов. Проблему политической целостности и государственной устойчивости следует искать не в этнических или антропологических, а в социально-экономических и государственно-политических противоречиях, порождённых ошибочной политикой. Она не в количестве этносов, а в их качественном состоянии. Политическому воссоединению России препятствует не то, что русских как народа слишком мало (хотя его численность и недостаточна), а то, что русские не нашли пока эффективных способов проявить свой государственный и национальный инстинкт, волю к власти, способность доминировать во всех ключевых сферах экономической, общественной и государственной жизни. Пассивность русских — следствие целенаправленного воздействия на их сознание “вечно живого учения”, наряду с физической деградацией — последствием экономического

угнетения населения великорусских территорий, которая была целенаправленной политикой правительства СССР. Суть проблемы состоит в необходимости осознания национальных ценностей и имперских интересов России, которое бы не допускало в принципе каких-либо дискуссий по этому поводу, выводя последние за пределы национальной морали.

Признавая неудачными обычно применяемые определения нации, приведём то определение, которое было сформулировано в "Манифесте возрождения России", разработанном А.Савельевым и автором этих строк в 1994 году и тогда же опубликованном.

В общем виде нация — это этно-социальная, культурно-историческая и духовная общность людей, сложившаяся в процессе формирования государства и укоренения развитой культуры.

Термин "государство" в данном определении является ключевым элементом, отделяющим этот вид общности от общности, именуемой народом. История природы, частью которой является природа человека, создаёт народы. Когда народы вступают в политические отношения, формируются нации. Современная этническая карта мира насчитывает до 2000 народов, на политической карте наций меньше 200.

Разумеется, приведённое определение нации относится к области политики. Если рассматривать эту общность с точки зрения этнологии, то вместо понятия нации придётся использовать термин "суперэтнос", значение которого заключает в себя "группу этносов, возникающих одновременно в одном регионе, и проявляющую себя в истории как мозаичная целостность"(Л.Гумилёв).

Подытожим сказанное. Одной из задач, которую предстоит решить Второй русской революции является обеспечение условий для завершения национального строительства в России и образования русской нации как политической общности. Теория многонациональной России и все государственные установления и институты, создававшиеся на идейной базе этой теории, подлежат "отрицанию". До тех пор, пока в массовом сознании и на практике не будут уничтожены её мельчайшие остатки, российская государственность не может считаться обеспеченной. Иными словами, Вторая русская революция должна являться во своей природе русской национальной революцией.

Против конфедеративного синдрома

Одним из результатов Первой русской революции было превращение Российской Империи в Советский Союз, неделимого государства в конфедеративное государственное образование, территориального устройства в национально-государственное деление. Теоретически эта трансформация была обусловлена доминирующим значением в русской революционной истории марксизма.

Лидер партии, в конце концов захватившей власть в стране, имел вполне определённую национальную доктрину, суть которой была изложена выше.Имел он и программу, относясуюся к будущему Российского государства. Здесь мы ограничимся лишь самыми необходимыми цитатами. Вот что утверждал г-н Ульянов (Ленин) примерно за 18 месяцев до того, как стать волею обстоятельств русским премьер-министром, то есть а начале 1916 года:

“В России, где угнетённым нациям принадлежит не менее 57% населения, свыше 100 миллионов, — где эти нации населяют по преимуществу окраины, — где часть этих наций более культурны, чем великорусы, — где политический строй отличается особенно варварским и средневековым характером, — где не завершена ещё буржуазно-демократическая революция, — в России признание права на свободное отделение от России угнетённых царизмом наций безусловно обязательно для с.-д. во имя их демократических и социалистических задач”

Как раз в те самые дни, когда русская армия истекала на фронте кровью, медленно отступая под натиском германских и австро-венгерских войск, находящийся в нейтральной Швейцарии будущий “вождь пролетариата” писал:

“Если русские социалисты не требуют отделения Финляндии, Польши, Украины и пр., и т. д. от России, то они поступают как шовинисты”.

Ленин по сути дела внедрял в русскую социал-демократию доктрину Пангерманского союза, председатель которого Клас в 1914 году заявлял:

“Лицо России должно быть повёрнуто на Восток силой. Кроме того, она должна быть отброшена к допетровским границам”.

Прикрываясь социалистической фразеологией, Ульянов объективно действовал в России и в социал-демократии как германский политический агент задолго до того, как очутиться в Петрограде в роли автора “Апрельских тезисов”, агитирующих за поражение в войне уже не имперского, а революционного правительства, предопределяющего распад не Императорской, а Республиканской России. Ульянов после октября 1917 года не импровизировал, выдавая финским и украинским сепаратистам филькины грамоты на “независимость”, он выполнял программу.

Разве не то же самое, заметим в скобках, делает теперь победившая власть? Разве под словами Ульянова и Класа не подпишется вся “московская трибуна”, весь московский бомонд, в течении последних десяти лет почему-то проклинающий г-на Ульянова?

Но было бы ошибочным всё приписывать одной лишь социал-демократической теории или разработкам германских проправительственных шовинистов, списывать события той эпохи на субъективные факторы и недооценивать объективный характер процессов, протекавших в русском обществе накануне и в период Первой русской революции. Этническое формообразование к концу XIX века на территории Российской Империи в основном завершились и только незначительные по своей численности этнические общности всё ещё находились на стадии родоплеменного этапа развития. Тем не менее национальная общность ещё только складывалась. Она не достигла, в том числе и по экономическим причинам, достаточной консолидации. Подвижной была и территория России.

Территориальная конфигурация Российской Империи сложилась всего лишь за несколько десятилетий перед революцией, начавшейся в 1905 году. Напомню, что Туркестанский край вошёл в состав России в 70-80 годы XIX века, Степной край в его начале, присоединение Закавказья продолжалось с 1801 по 1878 годы. Таврида была освобождена от турецкой оккупации в 1783 году, Бесарабия в 1812. Воссоединение с Россией русских земель, захваченных Польско-литовским государством, состоялось только в конце XYIII века после его развала и самоликвидации. Финляндские земли перешли к России от Швеции в 1809 году. Привислинский край, состоявший из земель вассального Наполеону I Варшавского герцогства в 1815. Как раз в тот период, когда Россия выходила на свои естественные рубежи в Средней Азии, она уступила Соединённым Штатам Русскую Америку, единственную территорию, которая несла на себе признак колонии.

Два века, предшествующих началу Первой русской революции, составили, таким образом, длительный период собирания русских земель. Должно согласиться с мнением Карамзина, сказавшего о политике России, утверждавшей внешнюю безопасность государства: мы взяли своё.

Зачастую в русском самосознании складывается впечатление, что Россия очень старое государство, а в разряд молодых государств можно причислить лишь США, Германию, Италию, появившихся лишь во второй половине XIX века. Такой взгляд на русскую историю является принципиально неправильным.

Россия как национальное государство моложе, в сущности, даже Соединённых Штатов. Соединённые Штаты превратились в

национальное государство не раньше, чем завершилась Гражданская война, только после того, как в течении 30 лет осуществляли суровый оккупационный режим на землях конфедерации.

Процесс превращения населения много народной России в национальную Россию занял период, начавшийся с Русско-японской войны и Первой русской революции, завершившийся в основном только после окончания Великой отечественной войны, из которой Россия вышла победителем на европейском театре военных действий.

Спрашивается, почему Гражданская война североамериканцев превратила США практически в унитарное, цельное государство, где штат — не более чем административная единица, когда как Россия после революции не только утратила часть территорий, но и трансформировалась в образование конфедеративного типа — в Советский Союз? Почему в США восторжествовали центростремительные, а в России — центробежные силы?

Во-первых, сказались особенности расселения: в России компактное проживание большинства народов преимущественно на исконных землях, в США — этническая дисперсия. Во-вторых, народы в России никогда не утрачивали своей культурно-языковой, самоуправленческой и религиозной автономии, когда как этносы США, за исключением туземного населения, никогда её не имели. В-третьих, народы в России имели в своём составе сложившиеся элиты из собственной среды, а в США для их образования не было никаких условий, изначально элиту составляли англо-саксы.

При первоначальном образовании Соединённые Штаты сувереном являлось всё население страны, сувереном в России вплоть до 1917 года был император, самодержавный или конституционный монарх. С момента своего образования и вплоть до окончания Гражданской войны в США господствовала идеология единой государственности, тогда как господствующей идеологией в России оказались марксистские или анархистские идеи, либо отрицавшие государственность вообще, либо не признававшие русскую неделимую государственность в частности.

Из гражданской войны Россия вышла с правительством, в программе которого стояло требование разрушения сложившейся государственности России, когда как Гражданская война в США велась за то, чтобы утвердить сложившуюся государственность, основанную на территориальном федерализме.

Так называемое советское правительство и большевистская партия потому и оказалась победителями, что нашли общий язык с верхушками малых народов. Они не лукавили тогда, расплачиваясь с ними тем, что санкционировали их государственную автономию, в

дальнейшем получившую форму “Советского Союза” республик, либо предоставляя им росчерком пера пресловутую независимость, как это произошло с Финляндией и Прибалтикой.

Иная ситуация была характерна для США, где малые народы — прежде всего негры, — участвовали в войне на стороне “северян” как раз потому, что те уничтожали сами признаки государственности внутри Соединённых Штатов вообще.

Если негры вступали в армию федератов, чтобы не быть “нацией”, то башкиры, казанские татары, горцы Кавказа и другие инородные группы формировали вооруженные отряды, которые воевали на стороне “красных”, чтобы получить статус “нации”. Условия, в которых развивалась Первая русская революция, не давали никаких шансов на то, чтобы подавить в её результате этногенные процессы в пользу национальных, когда как в огне Гражданской войны в США могла сложиться лишь единая нация американцев.

Что же предохранило Россию от казалось бы неизбежного политического распада? Прежде всего двойственный характер той самой доктрины, которая совершила подмену понятий, перепутав народы с нациями. Марксизм видел в русской революции социалистический и пролетарский характер. Власть, заражённая марксизмом, осуществляла программу, на которой пламенел девиз — “уничтожение частной собственности”. Национализация всей промышленности, земельных ресурсов и банковского дела и установление режима диктатуры одной партии обеспечили единство страны, которая тем же марксизмом была обречена на территориальный распад в силу своей вздорной национальной политикой.

Экономика и политический режим одержали победу над обществом и тем предотвратили государственный распад более чем на 70 лет. Как раз та форма, в которой после революции развивалась общенациональная экономика, форма, превратившая её в единый хозяйствующий организм — одну общую “фабрику” — послужили предпосылкой не только для наращивания его производительного потенциала, но и предохраняла государство СССР от возникновения частных или региональных интересов, ведущих к росту сепаратистских настроений.

Как бы критически не относится к марксизму, как бы в целом негативно он не влиял на общественное сознание и на ход русской истории последнего столетия, всё же нельзя ни признать, что именно марксизму мы обязаны тем, что Россия как империя сохранила себя в результате Первой русской революции, сохранила вопреки самой марксистской теории и независимо от того, к чему субъективно марксисты стремились, захватывая в России государственную власть.

Догматизм революционеров-марксистов, выполнявших в начале довольно слепо все марксистские инструкции, изложенные в наиболее простых его произведениях, а потому и легче всего усвоенных в “партийных школах”, привел к тому, что распаду общества был найден противовес. На яд этнического сепаратизма, который они сами применяли, нашлось более эффективное противоядие. Антирусская этно-шовинистическая практика компенсировалась режимом государственного террора, “диктатурой пролетариата”.

От окончательного распада в 1917 - 1919 годах Россию спасло “деспотическое вмешательство” государства в “производственные отношения”, установление политического господства государства над “орудиями производства”, национализация земельной собственности, всех отраслей хозяйства и банковского дела.

Нация существовала экономически, не существуя формально-юридически. Общенародная собственность, следовательно, являлась не выдумкой “политической экономии социализма”, а правовой формой, которая соответствовала естественным потребностям развития.

Поэтому, кстати, необходимым актом Первой русской революции должна была являться и обобществление сельскохозяйственного производства. Национализация индустрии, декретированное первоначально лишь в силу политической программы Коммунистического манифеста, предопределило и коллективизацию, которую абсолютно правильно назвали “революцией сверху”. Частное землепользование в тот исторический период было совершенно несовместимо с принципиально иным укладом в индустрии.

Искусственно создававшаяся федерализация и конфедерализация страны на определённый период была компенсирована экономической сверхцентрализацией. Тиранические методы правления, предполагавшие тотальное планирование, связываемое теперь в именем Сталина, обеспечивали необходимый баланс интересов, который был бы просто невозможен, если бы восторжествовала европейская модель ведения хозяйства того времени.

Спрашивается, что стоит за конфедеративным синдромом? Какими факторами можно объяснить его динамику? Ответ содержится в определении сущности Первой русской революции, её действительного характера. Мы ничего не поймём, если останемся в плену привычных ленинских схем, традиционных догматов официальной “советской” истории. Точнее говоря, мы лишь повторим эти догматы, если будет соглашаться с тем, что революция в России была актом революционного пролетариата, а её результатом явилось построение “социализма”.

Обычно действительность зло насмехается над социальными утопиями, даже когда утопии приобретают вполне научный авторитет и

используют для своего обоснования математические формулы. Математика в нашем случае оказалась плохим помощником.

Мы привыкли расценивать революцию в России, которая происходила в начале XX века, как “социалистическую”. Десятилетиями средняя и высшая школа, тысячи монографий адептов научного коммунизма и даже противников господствующего строя доказывали: в России после 1917 года победил социализм, к концу 30-х годов он победил в основном, пожертвовав для этого многими жизнями сограждан, затем социализм победил окончательно. После чего советское общество приступило к развёрнутому строительству коммунизма. Подобная схема на поверку оказалась не более чем схоластикой.

Первая русская революция была вовсе не революцией, в которой, по Марксу, господствующее положение занял пролетариат. Его совершало совокупное крестьянство — ремесленное крестьянство и разночинная интеллигенция, частично состоявшая из обедневшего, разорившегося дворянства.

Энергия этих классов общества была направлена не на то, чтобы преодолеть капиталистические формы, которые в России носили очаговый характер, а в том, чтобы возвратиться к прежним условиям развития, к феодализму. Но это был не феодализм поместного барства, а его наиболее развитый вид — феодализм государственный, если угодно — “государственный социализм”.

По отношению к ещё создававшейся русской нации эта революция приобрела реакционный характер. Она задержала ее формирование. Поскольку экономический потенциал, имевшийся в феодально-крестьянской стране, не был исчерпан, то не имелось и причин, которые бы заставляли русскую экономику требовать для себя даже капиталистических условий развития. И поскольку “производственные отношения”, созданные в результате революции, по своей природе были феодальными, то и государство по своей структуре не могло не быть политической организацией феодального типа.

Единственное, что могло послужить поводом для отождествления новых условий, созданных Первой русской революцией, с социалистическим проектом, так это используемая ею риторика и политическая теория, которая тогда заведомо считалась непревзойдённым достижением научной мысли.

Если бы Первая русская революция была действительно “буржуазной” или “пролетарской”, она должна была бы неизбежно разрушить все внутренние границы, открывающие простор для создания нации или для завершения этого процесса. Она повторила бы декрет французского конвента, уничтожившего провинции и создавшего департаменты. Она перепахала бы даже границы реально

существовавших столетиями государств, их эфемерные остатки, как это делал Бисмарк, создавая Германию, тем более что железа и крови тратилось с избытком.

Революциями, действительно создавшими более высокую форму хозяйствования, и более простую структуру политической организации, поскольку речь идёт об империях, являются в XIX веке США, а во второй половине XX века — Китай, неравномерность в развитии которых теперь объективно сократилась примерно до 100 лет в пользу США. Они должны были совершить такие революции, так как были полностью исчерпаны предшествующие экономические и общественные отношения, не развивавшие их потенциально гигантские производительные силы.

Но поскольку в России феодальные способы производства и феодальные государственный строй не завершили своего развития, революционному отрицанию подверглось как раз то, что, в сущности, опередило время — полноценный капитализм и государственный демократизм. Одновременно с ними пал и частный феодализм с его архаичными государственными учреждениями во главе с кастой чиновников. При этом нам должно быть совершенно всё равно, что говорили или что думали деятели той эпохи о ней самой, поскольку "нельзя судить о эпохе переворота по её сознанию".

Посмотрим теперь, во что обошёлся России конфедеративный синдром, детская болезнь Первой русской революции, а заодно и настойчивые попытки его преодоления.

Российская Империя, обладавшая более обширными территориями, чем СССР — за счёт северо-западных, закавказских и западных земель, — имела 101 административную единицу (78 губерний, 21 область и 2 округа). После завершения Первой русской революции на Западе и в Закавказье была утрачена территория 28 губерний, и к 1920 году на ней возникло четыре государственных образования (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва), на территории, которая никогда в прошлом не имели собственной государственности. Нечто прямо противоположное произошло в Средней Азии. Здесь два государства, находившихся в вассальной отношениях с Российской империей (Бухарское и Хивинское ханства) вошли в состав России, правда, под другим названием. Понятно, что менее развитые феодальные структуры стремились инстинктивно влиться в структуры родственные, но находящиеся на более высокой ступени развития. При этом этнический фактор, как и везде при феодализме, не имел практического значения.

Революция изменяла и мировоззрение новой власти. Логика государственных интересов, ответственность перед государством, а не перед "попами марксистского прихода" , не "пролетарский интернационализм", а давно созревшие национальные потребности

заставили бросать “красные” армии России на Варшаву и Львов, на Баку, Эривань и Тифлис, штурмом овладевать средневековыми крепостными стенами Бухары.

Не невозмлжность “мировой революции”, а общая экономическая разруха и внутренние распри в центре России не дали новой, революционной власти в Кремле восстановить территориальную целостность Империи. Эта ярко проявившая себя тенденция имела, впрочем, и исключение. Благодаря иллюзиям, возникшим в отношении Турции, дипломатия пошла на утрату Карской области и к геополитическому разрыву с всегда союзной и православной Грецией, что принципиально изменило не в пользу России её позиции в Средиземноморье.

Впрочем, между двумя мировыми войнами территории, утраченные во время гражданской войны, были частично возвращены, а после 1945 года Россия на своих западных и восточных рубежах восстановила, за некоторыми исключениями, цивилизационную и геополитическую границы.

Но так как общественно-государственное развитие продолжалось в предыдущих формах, эти изменения не устранили, а обострили конфедеративный и этно-сепаратистский синдром, тем более, что для этого имелись в наличии необходимые предпосылки — конфедеративное государство, поделённое, в свою очередь, на 152 квазигосударственных образования со своими элитными группами, замкнутыми экономиками и обособленными интересами.

Борьба в надстройке за базис: 1989 - 1995

Объективные процессы, обусловленные научно-техническим развитием производительных сил, которые приобрели невиданное ускорение в условиях 2-й мировой войны, при осуществлении космических программ, в результате превращения преимущественно деревенской в прошлом страны в городскую, завершилось в конце концов тем, что была создана принципиально новая многоотраслевая экономика, а из преимущественно крестьянского общества Россия превратилась в общество, состоящее из множество классов с ярко выраженными экономическими интересами. Но в системе и принципах управления по сути дела не происходило никаких существенных изменений. Государственнные институты, созданные 70-50 лет назад, не реагировали на то, что возникла экономика нового поколения. Господствовали внеэкономические методы, пригодные для эпохи фабрики и мануфактуры, но абсурдные для национального хозяйства, состоящего из

десятков тысяч сомостоятельных производств, выпускающих миллионы единиц наименоавний продукции.Попытки избежать кризиса путём автоматизации системы управления вместо того, чтобы изменить сами отношения, связанные с управлением, разумеется ни к чему не привели. Они не упразднили проблемы, а лишь отсрочили её, но сделали более острой, более критической.

Первым признаком надвигающихся изменений явился процесс отчуждения партийного аппарата КПСС от непосредственного управления. Этот коллективный феодал, выполнявший одновременно роль коллективного суверена, разложился до такой степени, что представлял собой не более чем символ власти, в отличие от предшествующего периода, когда он был действительной властью, настоящим господином положения. Аппарат, возвысившийся после октября 1917 года до уровня особого, так называемого нового класса, не избежал вырождения точно так же, как несколькими десятилетиями ранее это произошло с дворянской аристократией.

Партийное чиновничество, сосредоточенное в многочисленных органах КПСС, составлявшее формально господствующую группировку, называвшуюся новым классом (Джилас), номенклатурой (Восленский), административно-командной системой (Г.Попов) прежде чем он исчерпать себя политически, оказалось излишним в технологическом отношении, его присутствие в экономике превратилось в помеху для развития экономики. Противоречия накапливались постепенно, по мере того, как инструментарий “партийного” управления оказывался беспомощным перед разросшейся количественно и качественно принципиально новой материально-технической базой, огромной экономикой в огромном государстве, выросшей количественно и качественно за 80 лет более чем в 150 раз.

Наличные производительные силы так видоизменили природу общества, что экономические и политические формы, в которых оно развивалось, перестали ей соответствовать, а значит и удовлетворять. Управляющая и управляемая системы постепенно из гармоничного целого трансформировались в две обособленные силы, у которых сложились собственные интересы, которые сими собой не могли быть согласована.

Прежняя структура общества, включавшая на одном полюсе всевластный аппарат КПСС, а на другом — массу управляемых, привычно относимых равнодушной статистикой к рабочим, крестьянам и интеллигенции, структура, существовавшая по крайней мере на практике не менее 50 лет, существовала только в справочниках ЦСУ. К середине 80-х голов она самым радикальным образом переформировалась, вызвав

к жизни новые отношения, новые силы, которым стало тесно в условиях, предоставляемых “развитым социализмом”.

Как только представилась возможность для появления в реальной политике, эти новые общественные силы не преминули тут же заявить о своём существовании; и класс партноменклатуры столкнулся с широкой оппозицией, включалавшей коалицию трёх группировок, трёх общественных фракций — бюрократию, хозяйственников и интеллектуалов.

Первую и наиболее решительную из них составляла государственная бюрократия, давно испытывающая неприязнь к бюрократии партийной и откровенно претендующая на то, чтобы отобрать у последней право на присвоение государственных институтов, на превращение партийного государства в свою частную собственность.

Так называемые хозяйственники, класс, состоящий не только из руководителей предприятий, но и предпринимателей, получивших возможность заявить о себе благодаря кооперативной реформе 1986-1988 годов, составили вторую группировку. Их оппозиционность была обусловлена тем, что они, в свою очередь, созрели до того, чтобы претендовать на присвоение имущества, которым реально обладали в качестве управляющих.

Третью группировку составляли интеллектуалы, наиболее многочисленная и наименеее организованная общественная прослойка. Её критическое отношение к действительности предопределило новый социальный взрыв, но в то же время именно она оказалась менее всего приспособленной для практического действия, когда потребовалось от глухого возмущения перейти в политическим технологиям. Интеллектуалы ощущали потребность в устранении старых форм своего существования, но не имели собственной программы, которая была бы убедительной для других экономических классов и социальных слоёв. В результате они оказались в орбите более организованных классов бюрократии и предпринимателей.

Партноменклатура или “новый класс”, как её называл Джилас, к периоду “перестройки” утратила все свои прежние боевые качества, которыми она обладала с начала 20-х до примерно конца 50-х голов, и которые давали возможность ей быть господствующим классом общества де-факто. Последние двадцать лет, совпавшие с так называемым “застоем”, были её агонией в качестве политического авангарда общества.

Партия, оставаясь формально монополистом власти, обладая всеми её атрибутами, на самом деле во всё большей степени выполняла функцию декорации, ширмы. Не хватало лишь повода, чтобы избавиться от давно прогнившей общественной надстройки, ставшей никому не

нужной обузой. Таким поводом послужили неуклюжие попытки партийных аристократов реанимировать свой исчезнувший авторитет и силу под видом восстановления “ленинского партийного стиля”.

Когда г-н Горбачёв открывал первое заседание Съезда народных депутатов СССР, он вряд ли осознавал, что повторяет, разумеется в несколько карикатурном виде, роль Людовика XYI, когда тот в торжественной и пышной обстановке открывал заседания Генеральных штатов. Как во Франции в 1789 году это событие возвестило о начале великой революции, так и в России провинциальный баритон всевластного генсека возвестил о начале новой русской революции.

До 1989 года Советский Союз представлял собой юридически республику Советов, а фактически — партийную республику. Вся полнота государственной власти принадлежала партийному аппарату, который был строго субординированнной по вертикали и по горизонтали структурой, подчиняющейся не столько закону, сколько партийному уставу, говоря точнее — сложившимися в партии традициям. Советский Союз в социальном отношении напоминал античный Пелопонесс, где жители подразделялись на два класса — полноправных спартанцев и илотов. В качестве первых в СССР выступали руководящие члены КПСС, в качестве вторых — остальные жители.

Первый этап революции, таким образом, должен был свестись к тому, чтобы противопоставить господствующему в обществе классу — партбюрократии — её собственное оружие. В качестве такого оружия использовались “советские законы”.

Вспомним “правозащитников”, лицемерно взявших себе в союзники Конституцию СССР и её нормы. Такие антинациональные и русофобские деятели, как Сахаров, Ковалёв, Буковский и другие начинали с того, что требовали от партийного руководства соблюдения “советской законности”, что на самом деле означало прямо противоположное — аннулирование правовой базы, создающий основу для власти партийной номенклатуры.

С падением партийной законности прекращал своё существование и режим партийной республики. Этому процессу способствовало два обстоятельства: разложение партии по этническому и кастовому признаку, что привело к утрате единства и товарищеских отношений между её членами; и возникновение непримиримых противоречий в самом классе номенклатуры, разделивших господствующий слой на союзную партбюрократию и государственно-хозяйственную бюрократию, раздробленную противоречиями региональных интересов.

Процесс разложения режима, занявший несколько послевоенных десятилетий, в наиболее напряженной форме охватил период с 1985 до

конца 1988 года, с момента, когда на должность генсека проник Горбачёв, и до периода его торжества на XIX партийной конференции.

Партийная республика рухнула в 1989 году, после того, как был избран Съезд народных депутатов СССР.

Начало его работы было публичной констатацией возникшего в стране двоевластия — Партбюро КПСС как органа партийной республики и Съезда как органа нарождающейся республики Советов.

Но если Съезд был абсолютно легитимным органом власти, то Партбюро оказалось каким-то анахронизмом, воплощённым неприличием, варварством. Правда, в 1989 году вопрос не стоял в виде рокового противостояния 1917 года — кто кого. На самом деле существование Политбюро было вопросам времени, рано или поздно оно должно было отмереть.

У превращения СССР в республику Советов, соответствующую основам конституционного строя, имелась и оборотная сторона. Она состояла в том, что федеративный характер Коммунистической партии Советского Союза, составлявшей каркас государственной власти, сменился конфедеративным характером Советского Союза, обусловленным тем, что каждая союзная республика “имела право” свободного выхода из СССР. Сложившаяся к тому времени номенклатура “национальных республик” была заражена этно-шовинизмом и государственным сепаратизмом, противопоставляя свои интересы интересам исторической России и всему русскому.

После перерождения партаппарата у СССР не оставалось ни одного дееспособного защитника, кроме его армии. Но для того, чтобы спасти СССР от распада, армия должна была из законопослушного института превратиться в революционный институт, обрести национальную энергию, свойственную защитнику отечества, а не инструменту партии. Ей следовало подчиниться русским национальным интересам, а не корыстному урчанию желудка, следовать за своими полковниками, а не за погрязшими в воровстве и предательстве генералами. Однако советская армия была плотью советского общества, она разложилась вместе с ним.

Скрытый смысл призывов к соблюдению законности в то время означал, что должен неизбежно начаться процесс распада СССР, период “цивилизованного” отделения русских окраин от Великороссии, процесс, предусмотренный 72 статьёй Конституции СССР, настоящей бомбой, заложенной в основание Советского Союза.

Призывы к распаду страны были переданы от диссидентов вне закона к диссидентам в законе, они стали составной частью Межрегиональной депутатской группы, во главе которой стояли г-да Ельцин и Сахаров, Афанасьев и Старовойтова, а её идеологами

выступали А.Н.Яковлев и Попов. Когда избирался Съезд народных депутатов СССР, так называемая дкмократическая оппозиция смогла составить лишь эту группу, объединив депутатов из Прибалтики, от некоторых общественных организаций, принадлежащих преимущественно к “творческой интеллигенции” и от двух столиц. Но это было в начале 1989 года.

Осенью 1989 года г-н Сахаров, еще один антикоммунист, предложил России свой проект конституции, предназначенный для пространства СССР, в котором предусматривалось расчленение страны на множество государственных образований, равное числу “наций”, провозглашая “основополагающим и приоритетным правом каждой нации республики на самоопределение”. Этот бывший “узник совести”, таким образом, не нашел ничего лучшего, как призвать к бесконечному, прямо-таки ядерному делению союзных и автономных “республик”, перепутав ядерную физику, которой он занимался как учёный, с государственной изменой, которой он начал заниматься как общественный деятель.

В конце 1989 года антинациональная коалиция, не встречавшая никакого противодействия ни в обществе, ни со стороны институтов государственной безопасности, уже имели возможность организовать на территории РСФСР так называемую “Демократическую Россию”, втянув в её ряды пёструю демократическую оппозицию верхушке КПСС, не представлявшую, в какой игре ей предстоит принимать участие.

Эта организация создавалась как объединённая политическая сила, которая должна была если и не отстранить в Советах от власти ортодоксов КПСС, то пробить во власти партаппарата ощутимые бреши.

На выборах 1990 года в республиканские и местные Советы ортодоксальная часть КПСС потерпела окончательное крушение как политическая сила. Строго говоря, она утратила все свои позиции. Особое значение для хода революции имела победа “Демократической России” в Москве и Петербурге, в городах, ставших на несколько лет плацдармами фракции радикальных реформаторов. Они сохраняют свои позиции и в настоящее время, что проявилось в результатах выборов в нижнюю палату Федерального собрания 17 декабря 1993 года.

Трансформация СССР из партийной республики в республику Советов совершалась не сразу. Сначала под видом “перестройки” произошло разложение партийного аппарата, выделение из его “монолитной” массы оппозиционной группировки, названной “демократической платформой в КПСС”. В конце концов партаппарат раскололся на три части: одни остались с партией, разделив её судьбу, другие занялись предпринимательством, так называемым

первоначальным накоплением, третьи перешли в состав образуемых по новым принципам Советов или в исполнительные структуры власти.

Но никто в партии не стремился воплотить в своих действиях патриотическую программу. Патриот в России на продолжительное время стал изгоем общества.

К лету 1990 года власть партии свелась к нулю, превратились в мнимую величину, обернулась имитацией политической деятельности.

Система государственной власти после всеобщих местных и республиканских выборов пришла в соответствие с номинальной системой, предписанной Конституцией СССР и конституциями союзных республик. Но цель, которую ставили себе основные руководящие силы Революции, не ограничивалась устранением от государственной власти партийного нобилитета.

Республика Советов оставалась лишь промежуточным результатом борьбы, формой, неприемлемой для главных задач, свойственных любой революции, — овладению властью и собственностью новыми общественными силами.

Они могли оказаться предметом частного присвоения лишь при одном условии, если разгосударствлению подвернется не только общенациональное имущество, но и само государство. Все слои общества к тому времени оказались в достаточной степени разложены и дезориентированы, чтобы не только не противостоять всеобщему грабежу, но принимать в нём самое активное, злорадное и сладострастное участие.

Республика Советов, к которой стремились на словах, на деле не имела убеждённых сторонников. Класс номенклатуры, как только КПСС была устранена от государственных институтов, утратил всякий интерес к Советам. Что касается самой КПСС, то её аппарат, единственная дееспособная часть партии, рассматривал Советы как своего политического противника, которому он только что проиграл борьбу в процессе выборов. Актив Советов, в свою очередь, платил партаппарату такой же неприязнью, так как только что сражался с ним в предвыборных схватках.

К лету 1990 года Советы не только обрели моральное право на властвование. Они на некоторое время оказались в состоянии быть действительной властью в стране. Но в отличие от власти партийной республики советская республика сразу же после своего появления проявила специфическую демократическую природу, следовательно, вошла в противоречие с бюрократической природой исполнительных органов власти, которые советская республика унаследовала от КПСС.

Необходимо также отметить ещё одно качество Советов образца 1990 года — они в своём большинстве оказались большими

государственниками и патриотами, чем избравшее их население. И чем ниже был уровень Советов, тем рачительнее они стремились выполнять свои властные функции. Разумеется, подобная политика, проявленная Советами скорее в форме деклараций, чем реальных властных актов, делала их принципиальными врагами главной движущей силы “перестройки и реформ” — многочисленного протобуржуазного слоя советского чиновничества, созревшего для того, чтобы править без каких-либо препятствий.

Поэтому, как только партийные комитеты прекратили своё существование в качестве государственных органов власти, продолжая свою деятельность лишь в качестве партийных учреждений в собственном смысле слова, у Советов сразу же обнаружился новый противник. Им оказался неимоверно разросшийся бюрократический аппарат численностью почти в 18 миллионов человек.

Он повёл против республики Советов энергичную кампанию под видом утверждения режима не советской, а демократической республики. Республика Советов дискредитировалась в общественном мнении как форма, свойственная лишь господству КПСС, эпохе “коммунистического тоталитаризма”, из которого извлекали самые мрачные, душераздирающие страницы.

Советы мешали бюрократии приватизировать как можно больше и как можно быстрее, то есть присваивать всю полноту власти и весь объём государственного имущества, составляющего действительную ценность, следовательно, Советы оказались препятствием “реформ”. Советы отождествлялись пропагандой с аппаратом КПСС и становились постепенно “врагами рода человеческого”. На них списывались все недостатки, все отрицательные явления жизни. Советы, как некогда Карфаген, должны были подвергнуться разрушению.

Разумеется, для того, чтобы борьба против советской системы не сводилось только к одной критике, чтобы, с другой стороны, её место в дальнейшем не заняла система бюрократических институтов, надо было внести в сознание населения идеальный образ “хорошей” власти. В качестве идеальной модели для начала предъявлялись схемы, извлечённые из учебников политологии и монографий западный авторов. Запад избрали Меккой государственных систем. Идеал находили то во Франции, то в Англии, то в США. Пророков не могли обнаружить лишь в своём отечестве. В качестве спасителя место “народного депутата” постепенно занимал “энергичный” администратор, вроде Гайдара, Лужкова или Чубайса.

Даже Монтескье с его мифической теорией разделения властей пригодился для того, чтобы не состоялось республики Советов, объединявшей в один организм как представительные, так и

исполнительные функции. Ему приписывали то, что нельзя было обнаружить даже при самом внимательном чтении “Духа законов”, но разве кто-либо читал этот трактат, так и не переизданный в России после 1955 года?

Чтобы одержать верх над Советами, надо было победить их прежде всего морально, представить в самом неприглядном виде, изобразить сборищем недоумков, отбросами общества. Разумеется, были использованы все находящиеся в руках бюрократии рычаги и средства обработки массового сознания, от подкупа депутатского корпуса до диффамации в газетах и на телевидении. Методы, которыми велась борьба с республикой Советов, были примерно такими же, какие использовались диссидентами в борьбе против партийной республики. Здесь использовалась самая гнусная ложь, здесь не брезговали ничем, ничто не было свято и всё вываливалось в грязи. Не прошло и года, как население возненавидело депутатов, которых незадолго до этого избрало вполне свободно, методом прямого волеизъявления.

Что касается самих диссидентов, то они как раз в этот период разоблачили себя в качестве заклятых противников России. Оказалось, что их борьба носила не антипартийный, а антирусский характер, они боролись не против “марксизма-ленинизма”, а против жизненного пространства русской нации. Они противопоставляли себя не власти партии, идеология которой ими не разделялась, а любой власти, которая существовала в стране. Как только государственная власть от партии перешла к Советам, диссиденты перенесли свою разлагающую деятельность с КПСС на Советы. Их деятельность была принципиально разрушительной, ибо они вдохновлялись одним чувством — ненавистью к собственной стране. Когда установился режим парламентской республики, они исторгали ненависть по поводу парламента, когда власть сосредоточилась в личности президента, эти профессиональные и потомственные нигилисты тут же избрали президента мишенью для своих измышлений. Но не форма власти и не режим как таковой интересовали оппозицию, она находилась в оппозиции государству.

В сентябре 1990 года г-н Солженицин, властитель дум, примерно с такой же разрушительной энергией, какой некогда обладал Лев Толстой, разве что пока еще не отлучённый от церкви, предпринял акцию по внедрению в массовое сознание доктрины уничтожения России. Он изложил свои “посильные мысли” в статье “Как нам обустроить Россию”, которую, по правде говоря, стоило бы назвать иначе — “Как нам уничтожить Россию”. Вот его ключевые соображения:

“Как у нас всё теперь поколесилось — как всё равно “Советский Социалистический” развалится, всё равно — и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только — поворачивайся проворней,

чтоб упредить беды, чтобы раскол прошел без лишних страданий людских, и только тот, который действительно неизбежен.

И так я вижу: надо безотложно, громко, чётко объявить: три прибалтийских республики, три закавказские республики, четыре среднеазиатских, да и Молдавия, если её к Румынии больше тянет, эти одиннадцать — да! — непременно и бесповоротно будут отделены”

“Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались они с наших плеч; она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель”

Пока идеология предательства огромными тиражами распространялась по стране, лишая страну граждан, превращаемых в обывателей,Советы летом 1990 года совершили три существенных ошибки, ставшие роковыми для возможности существования советской республики. Они не установили действительного контроля над денежными средствами государства, оставив их в руках бюрократии, в распоряжении исполнительных органов. Они оказались не в состоянии осуществлять кадровую политику в исполнительных органах власти и в генералитете, отказались осуществлять надзор за деятельностью бюрократии и руководителей ведущих государственных предприятий. Наконец, им не пришло в голову установить тесные отношения со средствами массовой информации, заинтересовав журналистов в сотрудничестве с Советами.

Эти ошибки были естественным следствием молодости Советов, не имевших ни опыта, ни соответствующих кадров в среде депутатов. Потом, после трёх лет работы, они созрели для того, чтобы действовать со знанием дела, но было поздно. К тому времени своими руками они породили своего могильщика — государственную бюрократию, опьянённую возможностью присвоить шестую часть земной суши практически задарма.

Наиболее эффективными средствами бюрократии в борьбе с Советами как раз оказались — государственные денежные ресурсы, сосредоточенные, как известно, главным образом в Москве, исполнительные органы и силовые структуры, стремившиеся к установлению собственного господства, и корпорация журналистов, обладавшая всеми качествами самой древнейшей профессии в мире. Советы могли противопоставить им, когда борьба за власть резко обострилась в 1993 году, только моральную силу закона, не обладая ни одним действительно властным институтом реальной силы. На самом деле моральная сила закона была лишь олицетворением бессилия, свидетельствовала об упущенных возможностях.

Республика Советов не столько существовала, сколько агонизировала. Её дееспособность приближалась к нулю ещё и благодаря тому, что внутри самой системы Советов сразу же после их избрания

разгорелась война всех против всех. Верховные Советы союзных республик противопоставили себя Верховному Совету СССР, который отвечал им тем же, но как бы нехотя. Верховным Советом противостояли региональные Советы — областные, краевые, “автономных республик”. Местные Советы не могли найти общего языка с региональными Советами.

Все боролись за свои суверенные права, не замечая, что их общий враг находится возле них, сосредоточен в исполнительных структурах. Вот что писал г-н Попов весной 1991 года, являясь народным депутатом СССР и председателем Московского Совета, в брошюре “Что делать”:

“Я считаю что его (СССР) заменят национальные государства. Они могут создать тот или иной новый союз, в том или ином составе. Но эти будущие союзы могут быть только следствием появления независимых государств. Наличие иных перспектив нет, любая иная схема решения национального вопроса означала бы скрытый или явный отказ и от денационализации, и от десоветизации. Реальна только дефедерализация, деимпериализация и в перспективе добровольные межгосударственные ассоциации”

“Если происходит разгосударствление, если возникают собственники и рынок, то невозможно представить себе сохранение СССР без добровольного согласия тех, кто сегодня в этой стране живёт”

“После денационализации наступает этап дефедерализации.П о районам страны (желательно наиболее дробным) проводится референдум о том, в какой из республик хотели бы жить жители района и по большинству голосов формируется на месте СССР три, четыре, а то и пять десятков независимых государств”

“Независимые республики а новых границах формируют демократическую власть. А потом эти республики решают: нужен ли новый Союз республик...” И так далее и тому подобное.

Можно ли представить изыскания учёных и политических мужей хотя бы в одной из стран, где существовали собственники и рынки, которые предлагали бы нечто подобное без риска быть повешенными по обвинению в измене. Средневековая Германия после 30-летней войны должна казаться раем по сравнению с этим предначертанием, навязывающим России судьбу вдребезги разгромленного, поверженного, униженного и уничтоженного врага.

Примечательно, что подобно тому как Россия 1917 года с восторгом вручила свою судьбу политикам, откровенно желавшим расчленить свою страну, так и в 1991 году она сделала то же самое. Она вручила власть новому поколению политиков, заявившему, что оно приложит максимум усилий, чтобы на месте одного российского государства появилось от “пяти десятков государств” до более чем 150 государств. Имя этим деятелям легион, но главные из них конечно же — Сахаров, Ельцин, Попов, Собчак.

Пока Советы выясняли между собой отношения, уточняя полномочия и приспосабливаясь к тому, чтобы осуществлять распорядительные функции, было упущено время для насильственного подавления глубоко запущенного заговора против государственного суверенитета, против целостности государства.

Сначала в результате сложных интриг, механизмы которых до конца так и остаются не известными, пал союзный Съезд народных депутатов, а вместе с ним и все властные институты СССР. Единая Россия в политическом отношении прекратила своё существование, распавшись на более чем двадцать государственных образований. Её государственное бытие в качестве потенциально русского государства сжалось до административных пределов РСФСР.

Затем верховные советские органы РСФСР серией законов лишили региональные и местные Советы всех их властных полномочий, сохранив за ними лишь одну функцию — право принятия решений, исполнение которых превращалось в монополию никому не подчинённой бюрократии, так называемой исполнительной власти. Но решения Советов уже некому было исполнять. Законодатель, сконструировав систему власти по умозрительной схеме, в действительности преобразовал Советы как органы власти в советы как совещательные учреждения при власти. Власть Советов, таким образом, была ликвидирована руками самих Советов.

Впрочем, республика Советов на территории РСФСР прекратила своё существование даже раньше, чем произошла самоликвидация органов власти СССР. Её упразднили фактически 12 июня 1991 года, после того, как была сначала установлена должность президента, а затем состоялись его выборы. Одновременно с этим в Москве и Петербурге были учреждены посты мэров, покончившие с возмутителями общественного спокойствия, какими являлись Московский и Петроградский городские Советы. Точнее говоря, речь шла о том относительном большинстве в них, которое отстаивало принципы законности и народовластия вопреки побеждавшему в этих городах настроению, требующему от власти не принципов, а хлеба и зрелищ.

Таким образом, Ельцин, Попов и Собчак, а несколько раньше их — Горбачёв исполнили в историческом процессе роль могильщиков советской власти, той самой власти, которая существует под разными названиями практически во всех странах мира, независимо от того уровня развития социально-экономических и государственно-политических институтов, которых достигло то или иное государство.

Под призывы установить в стране народовластие в государстве постепенно совершался процесс отчуждения власти от граждан. Чем дальше развивались события, тем менее авторитетными в глазах

общества оказывались государственные институты, которые им создавались. Политическая логика благодаря искусству оболванивания масс превращалась в политическую демагогию и глумление над политикой. Граждане превращались в толпу зрителей, чему способствовало то обстоятельство, что осуществление революций является привилегией её столиц, население которых сначала их совершает, а потом за это расплачивается. Революция из движения масс превращалась в организуемое телевидением шоу, становилось пародией на революцию.

Российская Федерация превратилась из советской республики в парламентскую республику, во главе которой стоял вовсе не президент, как можно было бы ожидать, в Съезд народных депутатов. Однако его всевластие оказалось недолговечным.

Парламентская республика оказалась столь же неспособной защитить себя, как и предшествующий ей режим. За спиной парламентской республики маячила фигура президента, в отношении которого Основной закон употреблял такие двусмысленные термины, как “глава исполнительной власти” и “высшее должностное лицо”.

Но установление президентского поста означало лишь, что государственная бюрократия второго и третьего сорта, бюрократия с философией и умственным кругозором провинциалов, ставшая после развала СССР первосортной бюрократией, нашла своего вождя и приобрела в борьбе за главенствующую роль в государстве дополнительный импульс. Развязка должна была наступить в течение не нескольких лет, а нескольких месяцев. Москва пропиталась предчувствием государственного переворота, слухи о котором не переставали носиться в воздухе.

Единственным местом, где должна была решиться судьба режима, становился Съезд народных депутатов РСФСР, формально всё ещё обладавший примерно такими же полномочиями, как нижняя палата британского парламента. Но у Съезда не было авторитета английской Палаты общин. Дело свелось не к дееспособности институтов государства, а к личным качествам исторических персоналий, выброшенных благодаря случаю на политичекую арену. Ход истории оказался в руках посредственных дилетантов. Точно так же, как от Хасбулатова смешно было ожидать поступков Кромвеля, так и Ельцину не было уготовано испить чашу Карла I.

Колесо истории могло повернуться в ту или иную сторону в зависимости от того, кто составлял активную и деятельную часть депутатского корпуса. Но эта часть Съезда не могла превратить его из безвольно-истеричного парламента в решительный конвент. Революционные эпохи требуют к власти энергичных и смелых деятелей,

вроде Дантонов или Джефферсонов. Они появляются, когда революционная ситуация возникает вследствие общественного подъёма, когда общее недовольство требует массу новых, главным образом публичных руководителей. Но вследствии всеобщего избирательного права депутатский корпус Советов всех уровней составили не наиболее решительные представители общества, а в значительной степени циники, интриганы и демагоги, стремившиеся к достижению лишь личного успеха, служебного или имущественного. Именно они составляли слой руководителей первого призыва, заняв благодаря примитивно понятому парламентскому демократизму все руководящие высоты в государственном аппарате. Поэтому и в качестве парламентских лидеров в составе Съезда выдвинулись не государственные деятели, а ничтожества, предававшие государственные интересы при первой возможности.

Оказалось, что в решительный момент, когда от власти требовалось определить стратегический курс на длительную перспективу, Съезд был в состоянии лишь совершить акт героической глупости и добровольно передать абсолютные полномочия своему кумиру — главе исполнительной власти, наделив его законодательными функциями. В таких условиях век парламентской республики должен был завершиться, как только проявились достаточно отчётливо истинные последствия "экономических реформ". Шоковая экономика, обогащающая кучку финансовых спекулянтов и сырьевых экспортёров, должна была сочетаться с шоковой политикой, на которую парламент Российской федерации, состоявший из политичеких фигляров, не был способен. И вовсе не потому, что его мучила совесть, а вследствии застенчивости, состояния, которым авторы "Двенадцати стульев" наделили комендантa Старгородской богодельни.

Парламентская республика прекратила своё конституционное существование 1 ноября 1991 года, после того как Съезд народных депутатов РСФСР принял постановление об "организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы". Съезд не только изменил природу режима, он, в сущности, санкционировал переворот в общественном строе, дав санкцию на "радикальные реформы", которые в дальнейшем вызвали революцию собственности, превратившую большую часть населения страны в сословие нищих.

Осуществить "реформы" обычными методами невозможно, особено если этим термином стремятся завуалировать процесс, который является по своему содержанию революцией. Никакая парламентская республика не может устоять, если она ставит под вопрос интересы абсолютного большинства населения. Для этого требуется режим

диктатуры. Если логика революции 1905 года в конце-концов привела к власти генерального секретаря, то логика революции 1989 года породила власть президента.

1 ноября 1991 года режим президентской республики сменил парламентскую демократию в точном соответствии с нормами действующего права — решением квалифицированного большинства депутатов Съезда. Государственный переворот тогда оказалось малозаметным событием, скрытый от общественного внимания хорошо организованным продовольственным кризисом, нарочито свободными от товаров полками магазинов, стимулирующими взрыв ажиотажного спроса, когда перестают действовать доводы рассудка.

Но пока установленные осенью 1991 года полномочия удовлетворяли аппетиты бюрократии и её союзников, прежде всего из числа хозяйственных руководителей и значительного количества народных депутатов РСФСР, которым надоело оставаться “красными директорами”, живущими в казённых квартирах на одну зарплату, сохранялся строй президентской республики, лишь терпевший остатки прежних государственных институтов в виде местных советов и Съезда народных депутатов.

Президентская республика просуществовала до 4 октября 1993 года. Она завершила своё бытие государственным переворотом, уничтожившим реликты предыдущих политических режимов советской и парламентской республик, ставших несовместимыми в государстве, где бюрократия восторжествовала, и в обществе, где она приобрела доминирующее положение в результате “радикальных экономических реформ”.

Государственный переворот, покончивший с конституционным президентством, стал возможен благодаря сговору московской и региональных бюрократических кланов, аппетиты которых уже не могли удовлетворяться даже при гипотетическом контроле со стороны представительных учреждений. Проблема, превратившая высокопоставленных чиновников в революционеров, состояла в том, что естественный ход событий должен был лишить их в дальнейшем властной монополии. При сохранении полноценных представительных учреждений следующие выборы должны были привести к власти не “разночинную демократию” советского охлоса, а финансовый и промышленный капитал русского демоса, представители которого поставили бы бюрократию на её место — на место простых исполнителей решений законодателей, выражающих волю экономически господствующего национального большинства. При этом природа бюрократии неизбежно должна была бы измениться, так как

экономическая власть национальной буржуазии не может сосуществовать с антинациональной по своей крови и духу бюрократией.

Бюрократия совершила переворот, чтобы власть в государстве не досталась буржуазии. Она действовала, опираясь прежде всего на многочисленный слои нравственно разложившегося московского и петроградского городского люмпена, экономически заинтересованного в установлении диктатуры бюрократии, показавшего на апрельском референдуме 1993 года готовность заблокировать дорогу к политической власти экономически независимому “третьему сословию”. Отнюдь не случайно именно крупные города России, десятилетиями являвшиеся фильтрами, в которых скапливались отбросы общества, где находила убежище разноплемённая резервная армия лимитчиков явились центрами, где господствует самый развратный, алчный, откровенно-криминальный, самодовольный бюрократизм во власти, и где настоящему выкорчёвыванию подверглись все демократические институты.

Президентская республика получила новую, более простую форму режима личной власти не только в Кремле, но и в каждом “субъекте федерации”. Задача стояла не в том, чтобы у обитателя московского Кремля не было институционального конкурента. Должны были исчезнуть все критики нововявленных удельных владык, занявшие кремлёвские апартаменты в республиканских, областных и окружных городах, благо почти в каждом административном центре России есть свой кремль, своя красная или новая площадь, свой белый дом.

Начавшаяся в 1991 году имущественная приватизация, ставшая первоначально экономическим символом эпохи, которая должна была покончить с отчуждением производителя от производства и работника от результатов его производительного труда, распространилась и на государственные институты. Оказалось, что передача в частные руки граждан собственности являлась дымовой завесой, благодаря которой происходила приватизация государства. Пока фиктивные ценные бумаги создавали фиктивных собственников в экономике, отстраняя от её управления подлинных производителей материальных и интеллектуальных ценностей, приватизации подверглось само государства, по частям попадавшее в частную собственность давно сложившихся кланов местной бюрократии. Их присвоила кучка администраторов-феодалов, поставившая во главе феодала-президента, полномочия которого скорее напоминают германского императора Священной римской империи, чем императора всероссийского.

Революция, начавшаяся как протест против засилия бюрократии, завершилась установлением господства бюрократии. Революция, которая должна была покончить с властью швондеров, шариковых и преображенских, отдала её вновь всё тем же швондерам, шариковым и

преображенским. Антифеодальная сущность переворота обернулась тем, что одна феодальная структура сменилась другой, более откровенной феодальной структурой, аппарат партии уступил место административному аппарату, движение вперёд превратилось в топтание на месте. Юридической формой, которую попытались навязать обществу, явилась конституция 12 декабря.

Конституция 12 декабря 1993 года, формально октроированная президентом, является не более чем юридической констатацией победы фракции либералов-космополитов над своими политическими противниками в результате кровавого политического кризиса. Это не государственный акт, в юридической форме утверждающий сложившиеся отношения, а партийная программа, которую находящееся у власти правительство провозглашает государственной программой. Власть этого правительства обусловлена тремя принципами, которые составили суть Конституции. Это, во-первых, отказ от национальной общероссийской государственности и предоставление “националь-ной” бюрократии окраин, провозгласивших “независимость”от России, права на суверенитет. Во-вторых, предоставление возможности классу управляющих государственным общенациональным имуществом превратиться в добросовестных собственников этого имущества на праве частной собственности. Тем самым новый режим восстановил классическое разделение общества на богатых и бедных, сведя тем самым счёты с уравнительным социально-экономическим строем, порождённым Первой русской революцией. И, наконец, правительство сделало попытку ликвидировать предпосылки для существования России как самостоятельной державы, предоставив каждому “субъекту федерации” право на государственную самостоятельность, предопределив неизбежность её постепенной ликвидации коалицией великих держав в недалёком историческом будущем, когда до предела обостряться потребности в естественных ресурсах, находящихся в недрах суверенной русской территории. Было бы чистым лицемерием ссылаться на то, что подобная конституция, следование которой должно привести к поглощению России окружающими её иными цивилизациями, одобрена большинством населения. Вряд ли русский народ осознавал, что ему предложено утвердить 12 декабря 1993 года в качестве высшего законодательного акта собственный смертный приговор с временной отсрочкой исполнения.

Однако, Конституция установила незыблемость своего содержания, своей формы, умолчав о субъекте, от имени которого она должна действовать. Если ранее существовавшие в СССР тексты основного закона не имели ни одной географической привязки, за исключением названия города, избранного в качестве столицы, то теперь

исчез не много ни мало, как сам суверен. Загадка состоит в том, что не обозначен народ, от имени которого она введена в действие. О каком народе идёт речь в приамбуле? О "народе Росссийской Федерации". Имеет ли этот народ, если он на самом деле существует, общепринятое или официальное название? Нет! Его название до такой степени скрыто, что не произносится, будто речь идёт не о простой этнографической констатации, а о запрещении ветхозаветного талмуда оглашать имя Бога евреев.

"Народ Российской Федерации", на который ссылается Крнституция 12 декабря, анонимен и внеисторичен до такой степени, что у него нет признаков, которые позволили бы иметь имя. В тексте Конституции ему отведена роль призрака, фантома, в лучшем случае — юридической фикции, средству, к которому прибегают английские стряпчие в затруднительных ситуациях. Нет сомнения, что и здесь ситуация была не менее затруднительной. Складывается впечатление, что этот "народ" появляется в первой строке текста Конституции лишь затем, чтобы немедленно исчезнуть из неё навсегда, словно тень отца Гамлета. Он необходим не сам по себе, а лишь в качестве средства для развития интриги.

Но подобная уловка составителей конституционного текста, с другой стороны, должна облегчить задачу в будущем. Потому что революции в своём развитии легко отвергают юридические химеры, как только им требуется преодолеть препятствия, сооружаемые в угоду политичекому тщеславию удачливых узурпаторов, даже если их провозглашению предшествовало проведение акта всеобщего голосования. Референдумы — привилегия малых народов, пребываю.щих на задворках истории, они неуместны для великих наций, совершающих революции, которые прежде чем заложить фундамент новым отношениям, должны уничтожить все предыдущие формы существования.

Поскольку данная конституция не имеет отношения к русскому народу, а только он один вправе определить основы и пределы своей государственности, то говорить о том, что революционный период завершился и страна обрела основание для стабильного развития, не приходится. Исторический процесс, который являются Второй в XX столетии революцией на территории России отнюдь не завершился. Он не прошёл даже половины пути. То, что предстоит утвердить в качестве основ для новой России пока лишь имеют едва различимые очертания и основные события пока ещё трудно даже предсказать.

Посмотрим на те же события с несколько иной точки зрения, чтобы суммировать их в самом сжатом виде. Если в общих чертах оценить фазы, через которые прошла ещё не завершившая своего

движения Вторая русская революция, то отчётливо вырисовывается три главных периода: от начала работы Съезда народных депутатов СССР весной 1989 года до формирования республиканских и местных Советов весной 1990 года; от начала деятельности этих органов власти до Августовского переворота 1991 года и Беловежских соглашений в декабре, которыми этот переворот был лишь юридически оформлен; от момента образования "независимых" государственных режимов на территории СССР до Октябрьского переворота 1993 года, закреплённого в пределах Российской Федерации Конституцией 12 декабря. Теперь, во всяком случае в этих государственных формах, развивается четвёртый этап, связанный с утверждением новых отношений. Так или иначе, он должен завершиться событиями, связанными с президентскими выборами в РФ 1996 года, но отнюдь не свестись к ним. Скорее всего общая ситуация подвергнется упрощению, обнажив зло и сделав его самоочевидным.

В политической перспективе Вторая русская революция конечно же не завершилась. Она прошла пока что три этапа. Демократический, начавшийся весной 1989 года и закончившийся весной 1990 года, когда в стране были образованы представительные органы государственной власти вместо партийных комитетов. Этот период характеризовался фактической коалицией всей оппозиции, сплотившейся против общего врага — аппарата ЦК КПСС. Символом этого периода была борьба, развернувшаяся за отмену 6-й статьи Конституции СССР. На этом этапе у гражданского большинства на самом деле господствовали наивные общедемократические настроения. Публичные требования демократов сводились к набору достаточно тривиальных лозунгов, где на первое место ставились разнообразные гражданские и личные свободы и набор экономических банальностей, наспех сформулированных и озвученных группой так называемых политических диссидентов. Демократы претендовали на то, чтобы возглавить массы, чтобы быть любимцами публики, чтобы овладеть общественным мнением. Их интересы, таким образом, не выходили за рамки платонических и в общем-то невинных. Этот этап закончился вполне мирно. Он завершился тем, что партийная номенклатура исчезла как самостоятельная сила. Она прекратила своё существование в качестве властвующего субъекта, подобно тому как без всякого сопротивления прекратили своё существование монархические институты сразу же после отречения последнего русского императора. Но в то же время не решился вопрос о власти, а лишь расчистилась площадка для дальнейшей борьбы за её обладание.

Следующий этап оказался сепаратистским. С исчезновением общегосударственной партии выяснилось, что отсутствуют какие-либо другие общие для страны политические институты, способные

обеспечить единство власти. Этот период продолжался с весны 1990 до августа 1991 года. Политическая коалиция, которая к тому времени продолжала существовать, обрушила всю свою энергию на единственный класс, остававшийся в центре власти — на союзную бюрократию. Её сопротивление, сопровождавшееся образованием ГКЧП, сомнительным во всех отношением поведением президента СССР, недееспособностью армии и безразличием к происходящему со стороны населения, приобрело постыдно-фарсовый характер. Этап завершился распадом власти и образованием множества властных структур с неопределённым статусом и сомнительным происхождением.

Третий этап революции является бюрократическим. Его содержанием становится ожесточённая борьба государственной и хозяйственной бюрократии с фракцией демократов, которая оказалась сосредоточенной, с одной стороны, в Советах, а с другой, в обнищавших к тому времени слоях населения. По крайней мере на территории РФ этот этап завершился фактическим уничтожением представительной демократии и установлением политической диктатуры региональных бюрократических группировок. За обладание властью бюрократии пришлось заплатить ценой искусственного расчленения единого государства, отказа от положения великой державы, развязывания в стране классовой и этнической войн, откровенным экономическим ограблением большей части населения, как раз под видом ожидавшихся общественным сознанием экономического чуда.

Было бы предельно наивно полагать, что установление капиталистических отношений в экономике может осуществляться в условиях диктатуры бюрократии в политике. Если национальный капитал и соглашается на существование административного пресса, но вовсе не для того, чтобы быть под ним раздавленным. Политическая власть в условиях, когда совершается буржуазная по своим целям революция, не может не быть национальной властью. Поэтому ни одна революция такого вида не может считаться завершенной, если она не утвердит во власти национальный политический режим. Пока самым решительным слоем, принявшим участие в революции, оказался чиновник, пролетарий умственного труда. Уж если кому действительно не было что терять, так это ему. Зато он надеялся приобрести благодаря своей энергии если и не весь мир, то по крайней мере одну шестую его часть.

Таким образом, налицо новые противоречия, которые на новом витке должны противопоставить эгоизму, космополитизму и алчности бюрократии энергию национальной революции — объединению интересов русской национальной экономики и русского национального общества. А каким способом и в каких формах произойдёт изгнание

политических ничтожеств и интриганов из Кремля, со Старой площади и из “дома” на Краснопресненской набережной — не всё ли равно.

Лишь бы это произошло вовремя!

Виктор Гущин

ИМПЕРСКИЙ МОТИВ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Имперское прошлое России, а тем более виды на имперское будущее России длительное время были под запретом. В период перестройки это скорее был внутренне-психологический, чем цензурно-официальный запрет. Мы настолько привыкли воспринимать не то что понятие, но даже сами слова "империя", "имперский" негативно, что любые попытки взглянуть на проблему “имперскости” заранее представлялись еретическими, обреченными на вселенское поругание.

Случилось так, что мои статьи "Быть России имперской", "И все-таки имперской России быть"("Независимая газета", 23.07 и 19.09.1993 г.) стали своего рода прорывом в обсуждении этой темы. Хотя и в момент публикации статей, и позднее я понимал, что не совершаю открытий, не проникаю в суть поднимаемой проблемы на исчерпывающую глубину. Мое стремление высказаться об имперских параметрах государственного бытия России было продиктовано не столько всесторонним знанием этой проблемы, сколько профессиональным журналистским правилом открыто, без кокетства и недомолвок говорить и писать об очевидном.

Рано или поздно необходимо было переступить тот барьер, который препятствовал открытому общественному обсуждению действительно актуальной, я бы даже сказал, животрепещущей политической темы. Этот шаг, в то же время, не мог и не должен был сразу выйти за рамки тех пределов, в которых имперская идея может существовать или быть воспринята не научным, не профессионально-политологическим, а обыденным сознанием, то есть сознанием обычного, умеренно образованного, но в последние годы сильно политизированного российского человека.

Жизнь показывает и доказывает, что имперский мотив в политике России реально действует. В тех случаях, когда он обретает адекватные формы (к сожалению, весьма редкие), он идет стране на пользу. Это касается, например, соответствующей политической позиции

Виктор Викторович Гущин, журналист с двадцатилетним стажем, автор публикаций по проблемам имперской политики, которые стали поводом для широкой общественной дискуссии.

в вопросе о статусе русскоязычного населения, в отношениях Украины по разделу и базированию Черноморского флота, в усилении объединительных тенденций бывших "союзников" — России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии.

По всей видимости, люди, серьезно стремящиеся к реальному влиянию на политику и на общественное мнение, не смогут пройти мимо имперских аспектов политики России. Вопрос же о том, стоит ли гасить или усиливать имперский мотив, мы оставим на усмотрение читателя.

Верстовые столбы исторического прогресса

Тот факт, что проблема имперской России, взятой не только в ракурсе ее исторического прошлого, но и возможного будущего, стала предметом научной дискуссии, примечательно уже само по себе. Ведь многим казалось, что преобразования, начатые в стране в 1985 году, по своим целям и направлениям должны были привести как раз к преодолению ее «имперского комплекса» в обеих его ипостасях – унаследованного от царской России и претерпевшего процесс идейно-политической мутации за семь десятилетий советской власти.

Один из главных пороков большевистского режима и принципов, на которых был создан «великий и могучий» Советский Союз, мы сами видели: Октябрь 1917 года не только не принес разрыва в цепи глубоко укоренившихся имперских традиций российской истории, но еще больше усугубил ее давние на все государственные институты через самые консервативные звенья общественного сознания, связанные с великодержавными амбициями и высокомерными представлениями об особом историческом предназначении России. Мы были полны искреннего желания «стряхнуть имперский прах с наших ног», стать, как ныне принято говорить, полноправным членом семьи цивилизованных демократических государств.

И вот теперь, по прошествии всего девяти лет – по историческим меркам срок ничтожный – проблема имперской России вновь поднялась во весь рост: ее обсуждают средства массовой информации, она все чаще и чаще становится объектом внимания авторитетных исследователей, влиятельных политических деятелей, вплоть до представителей официальных правительственных кругов и даже глав государств, как ближнего, так и дальнего зарубежья. Контексты, которые обрамляют проблему, различны, но одно можно утверждать определенно: перспектива становления имперской России воспринимается сегодня как одна из альтернативных политических реальностей.

Мощь имперского мотива в политических дискуссиях заметно нарастала по мере того, как становилось очевидным, что страна под знаком прогрессивных преобразований не только не набирала темпов реформаторского ускорения, а как бы стала терять почву пол ногами, оступаться, а то и проваливаться в глубокие рытвины, растрачивая по дороге свои прежние материальные накопления, национальное достоинство, культурные завоевания, мало что приобретая взамен.

Наверное сегодня уже можно говорить о том, что реанимация имперской идеи оказалась логически связанной с тем обстоятельством, что страна и ее население оказались в ложном положении. С одной стороны, стимулом реформ, которые поначалу были активно поддержаны в стиле традиционного советского «одобрямса», были благие намерения вывести страну из так называемого «застоя», сделать жизнь более благополучной, богатой, свободной. И это, конечно, вдохновляло, порождало надежды на изменения *к* лучшему, причем без особых затрат и усилий. С другой стороны, очень скоро выяснилось, что реформы, осуществляемые вроде бы в интересах народа (во всяком случае таковы были декларации), оборачиваются весьма ощутимыми тяготами и жертвами, что основные издержки намеченных преобразований ложатся на плечи той части населения, которую, собственно, и принято называть народом.

У начатых в нашей стране преобразований не оказалось главного, что могло и должно было предопределить успех, – переходного периода. Переходной период мог бы дать возможность адаптироваться к новым условиям бытия, к новым требованиям. соотнести их со своими интересами. Переходный период по своему предназначению прежде всего должен служить формированию у людей конкретных осознанных интересов, а уж затем быть приспособленным к структурным преобразованиям, будь то в экономике или в политике. Процесс формирования интересов, предоставленный сам себе, протекает очень болезненно, с неизбежными деформациями, часто приводя к результатам, прямо противоположным тем, на которые намеченные преобразования рассчитаны.

Именно с таким феноменом мы и столкнулись в связи с появлением в общественном мнении, а еще больше в обыденном сознании людей проимперских настроений. В немалой степени способствовала этому парадоксальная ситуация, когда обе противоборствующие тенденции – разрушения и созидания – были обращены в прошлое: конечной целью обоих процессов оказывалось не возникновение новой демократической России, а как бы возвращение к той, которую мы в 1917 году потеряли.

Об этом очень дружно вдруг начали горевать как демократы, так и коммунистические ортодоксы. И той и другой стороне показались очень выгодными апелляции к российскому величию, великодержавному авторитету, ее историческим традициям. В сугубо психологическом плане это создавало весьма благоприятные предпосылки для идеализации прошлого, для тоски по утраченному.

Наверное, никто не станет возражать против попыток восстановить историческую правду, воздать каждому времени и каждому историческому лицу действительно по заслугам, бережно отнестись к собственному историческому опыту, черпать из него историческое новаторство. Недоразумения начинаются там, где стремление восстановить утраченную связь времен начинает напоминать шарахание из одной стороны в другую, когда вместо мифа «счастливого будущего» конструируется миф «счастливого прошлого».

В этом смысле абсолютно прав оказался Николай Бердяев, который предупреждал, что после краха в России коммунистического режима (а он в такой неотвратимой перспективе был абсолютно убежден), нужно постараться избежать идеализации времен российской империи, не умиляться ее победами и могуществом. Иначе может возникнуть опасность воспроизвести в новой ипостаси не самые лучшие страницы российской истории. Такое предупреждение для страны, породившей большевизм и не сумевшей перед его натиском устоять, вовсе не лишено оснований. Особенно если учесть, что Россия вообще обладает склонностью воспроизводить свое прошлое.

Причину такого блуждания по замкнутому кругу В.Ключевский видел в том, что российская власть и российский народ никогда не имели прочной нравственной связи друг с другом. «Власть в России, – говорил он, – рано или поздно превращается из источника закона в его замену, а народ на это, если не сразу, то в конце концов отвечает пугачевщиной».

К сожалению, создается впечатление, что начиная «перестройку», а вслед за ней и «рыночно-демократические» преобразования, их инициаторы думали о чем угодно, только не о создании нравственной связи с народом. Все строилось на посулах, обещаниях скорых благоприятных перемен, по сути дела потакавших укоренившимся в российской национально-гражданской психологии иждивенческим настроениям «низов» по отношению к «верхам»: мы вам предоставляем всю полноту власти, вы же нам дайте хорошую жизнь.

Примеров когда нового правителя встречают с восторгом, а потом клянут последними словами, в истории России не счесть. И все по одной и той же причине – большинство людей рассчитывают только на благодать, ниспосланную сверху, и лишь немногие доказывают способность добиваться благополучия, опираясь на собственные силы и

личную инициативу. Надеяться на успех реформ можно было бы только в том случае, если бы в сознании и психологии людей удалось преодолеть эту историко-психологическую инерцию иждивенчества.

Ответ на вопрос, почему на волне начатых в нашей стране демократических преобразований всплыла проблема имперской России, также во многом связан именно с нравственно-психологическим комплексом нации, с ее неписанной, в душе выношенной морально-этической конституцией. Модель гражданского общества по-российски исторически складывалась под воздействием двух основных факторов: патерналистских ожиданий «снизу» и популистских инициатив «сверху».

Демократические преобразования, нацеленные на действительное переустройство страны, могли быть эффективными только в том случае, если бы они не пренебрегали психологическим наследием истории, не слишком забегали вперед, быть может, и тихоходного, но тяжело нагруженного российского «паровоза». Нельзя было надеяться повернуть Россию на верный путь, не переводя «стрелок» нравственно-психологических ориентиров. Но вот этого-то как раз и не произошло. В результате мы оказались перед лицом исторического рецидива – немало россиян затосковало по сильной, могучей, величественной державе.

Конечно, накопленная веками нравственно-психологическая инерция – не единственный фактор, который предопределил появление не только в общественном мнении, но и в политических сферах проимперских настроений. Немалую роль здесь сыграли и объективные обстоятельства, обусловленные закономерностями развития страны на протяжении не десятилетий даже, а столетий и эпох.

Как бы там ни было, но прежняя Россия, а затем Советский Союз всегда служили одной из важнейших опор для формирования международного миропорядка. Субъективно, пожалуй, можно отказаться от этой не только условно почетной, но обременительной роли, отмежеваться от великодержавных амбиций, претензий, обязательств, заявить, что отныне мы не хотим ничего большего, чем обыкновенное равноправие, добрососедство, взаимовыгодное сотрудничество.

Но оказывается, не так-то это просто осуществить, потому что на протяжении веков вся система жизнеобеспечения нашей страны, да и международной стабильности, строилась совершенно иначе. Можно не захотеть быть империей. Само по себе это желание выглядит даже благородным. Но такой поворот тоже не совершить в одночасье, если этому не предшествует не только радикальная внутренняя, но и международная «перестройка» всей системы взаимосвязей и взаимозависимостей.

Мы же захотели перестать быть империей прежде, чем для этого возникли соответствующие предпосылки. В результате произошло как бы «короткое замыкание»: действия и поступки России, которые по своему характеру и содержанию прежде, в бытность Советского Союза, никто не квалифицировал иначе, как стремление к обеспечению законных прав и национально-государственных интересов страны, стали воспринимать (или во всяком случае истолковывать) как имперские поползновения.

Независимые государства, возникшие на территории бывшего Советского Союза, только начинают притираться друг к другу в своем новом качестве, только нащупывают собственный образ, а весь остальной мир решает для себя, на какой статус для каждой из «новорожденных» суверенных республик он готов согласиться. В этой ситуации, конечно, у многих государств появляется соблазн не потому, что для того действительно есть повод, а скорее в «профилактических» целях, обратить внимание на опасность имперского возрождения России, хотя речь идет всего лишь о ее стремлении самоопределиться в новых для нее конкретно-исторических обстоятельствах. Кстати, та же самая проблема стоит и перед любой другой бывшей советской республикой, ставшей теперь суверенным независимым государством.

Та острота, с которой протекает процесс национально-государственного самоопределения, во многом объясняется тем, что бывший Советский Союз как тоталитарно-унитарное государство не только по-советски создавался, но и по-советски разваливался. Расселяться по национальным квартирам решили па формуле «шариковской» справедливости: «взять все – да поделить», забывая, что по диалектическим законам качество меняется в зависимости от количества, а потенциал целого значительно превосходит сумму составляющих его частей, и наоборот.

В результате процесс суверенизации, от которого и сама Россия и другие республики надеялись выиграть, обернулся эффектом взрыва вакуумной бомбы, когда взрывная волна, град обломков и осколков не рассеиваются по сторонам, а обрушиваются внутрь. Причем разрушительные последствия, вызванные таким взрывом, оказались для других республик гораздо более ощутимыми и внушительными, чем для России, у которой коэффициент самодостаточности оказался выше.

Но с другой стороны, став суверенным независимым государством, Россия были поставлена перед необходимостью утвердить себя в великодержавном качестве, адекватном ее потенциальным возможностям и той мере геополитической ответственности, которая объективно ложится на ее плечи как исторической правопреемницы Советского Союза.

Естественно, возникает вопрос, как же к такой перспективе относиться: забить тревогу, ударить во все колокола, осудить Россию, заклеймить, начать ее вновь обносить санитарным кордоном? Это если брать внешние параметры империализации России, Внутри тоже можно воспринять складывающуюся ситуацию как предзнаменование поворота России вспять от намеченных демократических преобразований к прежним формам ее национально-государственной самореализации в великодержавных параметрах. Однако, полагаю, оснований для такого вселенского переполоха не так уж много, особенно если рассматривать происходящее не только с точки зрения «остроты момента» а в широком контексте исторической динамики.

Если взглянуть на понятие «империя», «имперский» в широком историческом контексте, то становится очевидным, что не революции, а именно империи становились, если не локомотивами, то уж во всяком случае верстовыми столбами на магистрали всемирного исторического прогресса.

Возможно, в процесс формирования современного миропорядка изначально была заложена имперская парадигма. При этом она как бы раздвоилась: с одной стороны, она продолжала существовать в своих классических параметрах, связанных с формированием «мировой капиталистической системы», противостояла ей другая имперская модификация, воплощенная в понятиях «светлого коммунистического будущего человечества» и «торжества принципов пролетарского интернационализма». Первая оставалась в рамках объективной логики исторического процесса, вторая – была попыткой претворения в жизнь идеологической доктрины, не лишенной привлекательности с точки зрения заложенных в нее принципов, но оказавшейся нежизнеспособной, не выдержавшей испытание исторической практикой.

На базе первой сформировался тот самый цивилизованный демократический мир, на который мы сейчас с «завистью» косимся. На месте второй – мы имеем то, что имеем: совершенно дезорганизованное пространство, конгломерат народов и стран, которым приходится лихорадочно искать себе место под солнцем, толкаясь локтями и наступая друг другу на ноги, сплошь усеянные больными мозолями.

Тех, кто опасается сегодня имперского возрождения России, как представляется, пугает прежде всего вероятность, что она станет на путь бывшими империями, а ныне демократическими государствами уже пройденный, что она в своих попытках самоутвердиться в новом качестве будет вести себя как слон в посудной лавке. Надо сказать, что такие опасения не лишены оснований, их можно найти не только в политических эскападах В.Жириновского, но и усмотреть в некоторых практических шагах официальной российской политики и дипломатии.

Если эта тенденция возобладает, то тогда, конечно, миру, да и самой России, есть чего опасаться. Но скорее всего этого не произойдет. Мне представляются совершенно очевидными симптоматические признаки появляющихся в российской политике имперских наклонностей, но я не усматриваю в них тех черт порочности, которые могут довести до большой беды. Это что-то вроде детской болезни, лихорадочной, но скоротечной.

Ведь имперская политика, которая может реально сформироваться в нынешних условиях, будет иметь очень жесткие ограничения. Начатые рыночно-демократические реформы, несмотря на всю их болезненность, предопределили главное – «исторического прогресса», порвала те узы, на которых она тащила за собой вереницу государств, оказавшихся ее союзниками добровольно или по принуждению. То есть она оказалась в ситуации, которую э свое время миновали все бывшие империи – она больше не простирает над другими государствами длань своей власти, не попирает их территории своей имперской пятой. Вернуться назад, а уже тем более повернуть время вспять, ей уже никто не позволит.

Но это еще не значит, что для имперской политики вообще не осталось сегодня исторического пространства. Имперская политика еще далеко не изжила себя, она просто цивилизовалась и теперь выглядит вполне респектабельной, во всяком случае в исполнении тех государств, которые сегодня по праву считаются мировыми лидерами, которые во многом определяют облик планеты и стиль ее жизни.

Во второй половине XX века, после двух катастрофических мировых войн, имперская политика, что называется, помудрела, в чем-то переступила через себя, перестав быть неизбежно кровавой и безусловно жестокой, не утратив, однако, жесткости и целеустремленности. Теперь сила и власть, как главные атрибуты имперской политики, уже не определяют главного содержания понятия «империя». Теперь для того, чтобы проводить имперскую политику, вовсе не обязательно завоевать территории и постоянно держать там своих наместников и военные гарнизоны. Ведь власть и территориальные захваты не самоцель. Они – средства обеспечения интересов государства. Для сильной и богатой державы в наше время за удовлетворение своих имперских интересов гораздо проще, а главное, во всех отношениях выгоднее, заплатить, чем проливать свою и чужую кровь на поле брани. По сути дела в проведении имперской политики сила власти оказалась вытесненной властью богатства.

Цивилизованная политика тех государств, на пример которых мы ориентируемся сегодня, есть тоже имперская политика, но не переступающая роковой черты, не превышающая свои исторические

полномочия, не переходящая грани, за которой сила и власть перестают быть политикой, а становятся средствами подавления, беззастенчивой эксплуатации и уничтожения.

Суверенитеты на развалинах советской “империи”

К сожалению, среди нынешних российских политиков не нашлось человека, которому бы пришла в голову не спонтанная, а политическим опытом или хотя бы здравым смыслом продиктованная, мысль о последовательной трансформации Советского Союза. Этого, во-первых, нельзя было делать под лозунгом ликвидации командно-административной “коммунистической империи”, походя дискредитируя слово "империя" (зачем спрашивается плевать в колодец, ведь еще придется воды напиться), и, во-вторых, ни в коем случае нельзя было призывать к немедленной обжорской ("сколько сможете проглотить") суверенизации, в которой генетически был запрограммирован неуспех реформаторских устремлений (как в России, так и в других республиках бывшего Советского Союза) .

В том виде, в каком суверенизация начала осуществляться, она наносила сокрушительный удар по самой возможности необходимых преобразований, какую бы сферу мы не взяли: народно-хозяйственный комплекс, научно-техническую базу, традиционные, играющие существенную роль в жизни каждой республики исторические, культурные, нравственно-духовные связи. Особенно болезненно процесс суверенизации сказался на обеспечении политической стабильности и национальной безопасности республик вследствие резкого изменения военно-стратегических и политических ориентиров, ликвидации единой армии, политической и финансовой дискредитации общесоюзного ВПК.

Опыт СССР еще раз доказал, что любая страна, будь она большой или малой, если она вознамерилась строить идеологизированное государство, если для ее руководителей и лидеров вопрос мировоззрения становится делом государственной политики, то для такой страны главной опорой, а то и единственной возможностью для поддержки собственной державности может быть только военная мощь, возможность обеспечить военно-стратегический паритет с державами-соперниками за счет постоянного наращивания ракетно-ядерного потенциала и идейно-демагогического манипулирования международным общественным мнением и сознанием собственного народа. Но в таком случае, согласитесь, мы получаем не империю, не имперскую политику, а милитаристское государство, страну, десятилетиями живущую в

атмосфере осажденной крепости, но все равно внутренне дряхлую, способную рухнуть чуть ли не в одночасье.

А вот пример иного рода – Япония. Она стала процветающей и великой державой в кратчайший по историческим меркам срок, не только порвав с милитаризмом, но в первую очередь потому, что избрала для себя (правда, не без содействия американцев) деидеологизированную имперскую модель государства. Японцы не кричат на каждом углу, что они проводят имперскую политику, хотя так оно и есть, но и не стыдятся, что символом страны, олицетворением ее государственно-политического статуса является император...

Какое-то время хваленое советское могущество и реальное влияние на мировую политику действительно поддерживалось аргументами милитаристского свойства. Но как только наступил момент количественного и качественного насыщения взрывоопасного материала, когда не только применение оружия, но даже сама угроза его использования стала самоубийственной и, следовательно, утратила свой политический смысл, "великий, могучий Советский Союз" рухнул, как колосс, стоявший на глиняных ногах, расколовшись при этом на "черепки" – независимые государства,

Во внешнеполитическом плане погубила СССР как мировую державу именно утрата военного могущества, а не горбачевская перестройка, не ново-огаревский процесс, не августовский путч и уж тем более не Беловежская пуща. И здесь ничего сделать было нельзя. Но вот внутри страны единственный мощный компонент союзной державы – силовые структуры и ВПК могли еще сослужить добрую службу, удержать государство от стихийного распада, придать процессу демонтажа СССР хоть какую-то логику, разумную последовательность, способствовать обеспечению столь необходимой для осуществления намеченных реформ политической стабильности.

Это не значит, что реформы должны были быть принесены в каждую республику или регион на штыках или ими поддерживаться. Упаси Бог. Но легкомысленно и недальновидно было наносить первый и наиболее сокрушительный удар по структуре, от состояния которой во многом зависит общеполитическая ситуация и ощущение безопасности каждого государства. Мы же в попытках суверенизации нанесли один из первых ударов именно в эту, наиболее болевую точку. Это все равно, как если бы, намереваясь вести караван по пустыне, решив избавиться от лишнем, обременительного груза, мы стали бы вдруг сливать на песок запасы питьевой воды и без того небогатые.

Я уже не говорю о том, что, дав зеленый свет расформированию армии и ее расселению по национальным квартирам, мы сами вложили в руки людей, представляющих в бывших союзных республиках

противоборствующие группировки самое современное оружие, вплоть до ракетно-ядерного, как бы сами подтолкнули к тому, чтобы любое противоречие, а их за печальной памяти годы советско-союзном владычества накопилось предостаточно, начинало приобретать форму вооруженного противоборства.

Более того, стимулировав после неудавшегося августовского путча процесс распада общесоюзной армии, Россия, а точнее ее руководители, оказались теперь объективно заинтересованными в междоусобных конфликтах и даже войнах в бывших "братских" республиках, хотя признаться в этом никто не хочет.

Пока эти республики раздирают непримиримые противоречия, они, ныне суверенные государства, еще остаются в зоне притяжения и влияния России. Но стоит лишь положению в них стабилизироваться, как бывшие "братья", учитывая нестабильность и нарастающую взрывоопасность ситуации в самой России, постараются от нее дистанцироваться на максимально возможное расстояние. Плацдармы для такого отхода они уже сегодня усиленно ищут, а некоторые, например, Таджикистан, Кыргызстан и Молдова, похоже, уже нашли.

Будь Россия единой, если бы ее не терзали внутренние противоречия, не будь она раздираема на части амбициями удельных суверенитетов, трудно, я бы даже сказал, невозможно было бы себе представить, что кто-нибудь их ближайших или дальних соседей, позволил бы себе ущемлять российскую государственность, национальное достоинство ее народа под самым носом у России, как это происходит в Прибалтике. Наверное, поостереглись бы всякого рода политические забияки и националистические фанатики затевать возле ее подбрюшья междоусобные драки, как происходит сейчас на территориях южных, приграничных с нами независимых государств.

Оставайся бывшая общесоюзная армия единой, можно было бы эти военно-политические эксцессы хоть как-то сдерживать. А при нынешней ситуации, инфицированная по воле отцов-демократов комплексом неполноценности российская армия, даже явочно оставаясь более сильной, не может этим воспользоваться, как-то на свою силу опереться.

Короче, безответственная поспешность, с которой выдвинули лозунг суверениэации, приведший к столь катастрофическим последствиям, свидетельствует, что продиктован он был не объективной логикой государственных интересов, не здравомыслящей политической волей, а благоприобретенной в советский период нашими отечественными лидерами коммунально-аппаратной склочностью, когда за личную неприязнь, за нанесение обид и оскорблений можно

расплачиваться чем угодно, вплоть до коренных интересов страны и ее народа.

В итоге идея суверенизации, как и следовало ожидать, проявила себя как затея эгоистическая, да к тому же еще и губительная, поскольку создала для проведения единственно возможной, единственно продуктивной и перспективной для России имперской политики режим наименьшего благоприятствования.

Провозгласив на манер гоголевского душевнобольного и убогого Поприщина, что "внутри земного шара есть еще один, гораздо больших размеров", российские инициаторы суверенизации выпустили из бутылки джина, который из всех чудес может творить только одно – дробить целое на части, из большого делать маленькое. Сначала он продемонстрировал свое искусство на арене Советского Союза, затем принялся за расчленение республик, заявил о себе на провинциальных сценах.

В результате мы получили вместо плохо скроенного, из колючей и грубой ткани, местами пузырящегося и топорщащегося, по швам затянутого, будто смирительная рубаха, армяка – открытый всем ветрам зипун, сквозь дыры которого засветились все наши срамные места. Причем в самом убогом, позорном для ее государственного самолюбия, для чести и достоинства ее граждан положении оказалась Россия. Теперь внутри нее уже есть независимый Татарстан, суверенная Чечня, президентская Калмыкия, провозглашена самоопределившаяся Уральская Республика, того и гляди появятся Дальневосточная, Восточно-Сибирская, Поволжская, Ставропольская, а под боком у самой Москвы – Шаховское и Луховицкое независимые государства. Одном может не состояться – суверенной России.

Да откуда ей, суверенной России, взяться, если сразу, как только все остальные откусили по своему куску суверенного пирога, она не только лишилась своих собственных границ, которые никто не рискнет нанести на географическую карту, но и оказалась совершенно беззащитной.

Беда в том, что система национальной безопасности России никогда не создавалась как самостоятельная, а была выстроена по периметру бывшего Советском Союза. И вот после его распада, не без инспирации со стороны демократических лидеров самой России, безопасность республики оказалась расчлененной, раздробленной, неспособной в нынешних условиях не то что гарантировать, но даже адекватно реагировать на возможную угрозу. Через прежние союзные границы кто только не переползает-перелетает-переплывает, чего только через них не переносят-перевозят-перебрасывают. А потом все это, как правило прямиком, даже без пересадки и перегрузки, и только в особых

случаях по задворкам и огородами, доставляется в Россию. За кого и за что погибают российские парни на афгано-таджикской границе? За Афганистан? За Таджикистан?

На северо-западе, в бывшей советской Прибалтике, в стратегически важной для национально-государственной безопасности России зоне вообще возникла зияющая дыра. На Черноморье в результате прошлых хрущевских благоглупостей, возникших на почве пролетарского интернационализма и рабоче-крестьянской щедрости, вековечная российская территория Крыма, россиянами добытая, потом и кровью умытая, вообще оказалась от России отторгнутой. А ведь кто владеет Крымом, тот господствует над Черным морем. Вот бы сейчас узнали об этом Петр I вместе с дочерью Елизаветой и их воспреемницей Екатериной II, столь много сделавшие для присоединения Крыма к России, то-то бы они своих почитателей, нынешних российских демократов-антиимпериалистов, не пожаловали.

В возникшей ситуации вообще непонятно, зачем России Черноморский флот, если она не собирается бороться за возвращение Крыма? Лучше сегодня, вслед за стратегическим полуостровом, сделать Украине еще один щедрый стратегический подарок – Черноморский флот. В таком поступке будет хоть преемственность исторической глупости и внешнеполитического головотяпства, а то ведь творим вообще бессмысленность – режем организм, одну из опор безопасности России по живому, приговаривая при этом, что отдавать по частям менее болезненно и не так обидно, как все сразу. Как тут не вспомнить сердобольного хозяина, который из жалости к своему доберману, купировал ему хвост не единым махом, а по кусочкам.

Державная демократия и новый лидер для России

0 том, какой быть постсоциалистической, постперестроечной российской политике сказано и написано много. Говорят о России демократической, стабильной. добрососедской, но также и обеспечивающей свои национально-гоударственные интересы России. Правда мало у кого язык поворачивается сказать, что для обеспечения продекларированных целей как внутри страны, так и за ее пределами, российская политика должна, просто обречена быть имперской.

Чтобы это признать, для начала, конечно, придется преодолеть политическую аллегорию, я бы даже сказал жестче – реакцию отторжения на сами слова "империя", "имперский". Стоит их произнести, как у многих из нас, что вполне естественно после всем пережитого, всплывают воспоминания про третий рейх, про имперскую канцелярию,

про советскую “тюрьму народов”. Эти ассоциации заслоняют от нас неопровержимую истину, что имперская политика в своем истинном, недеформированном виде и соответствующие ей принципы, если рассматривать их в историческом ракурсе, никогда не только не отрицали демократии, но и обеспечивали ее, не только мирно сосуществовали друг с другом, но и взаимодействовали.

Древняя Греция, родоначальница демократии, была по сути дела рабовладельческой империей. Тем более пришедшая ей на смену Римская империя – основоположница демократической законности и государственного права. Политика России в исполнении великого реформатора Петра I тоже была имперской. Как, впрочем, и вся политика России вплоть до 1917 года.

Но если примеры из истории не убеждают, то, присмотревшись повнимательней к современным демократическим государствам, составляющим милый нашему сердцу “цивилизованный мир”, мы должны будем признать, что и они проводят типичную имперскую политику, где все распределено по чину, званию, силе и месту под солнцем. Имперская политика – не что иное, как политика державная, и, следовательно, не идеологическое, не социально-классовое, не формационное явление, а историческое и геополитическое.

Государства, несущие на своих плечах основную долю нелегкого бремени ответственности за прокладку магистрального пути общественно-политического и социально-экономического прогресса, ставшие на том или ином этапе, в силу определенного стечения конкретно-исторических обстоятельств, гарантами глобальной стабильности, не могут не претендовать на исключительность, на особые права. Не могут не пытаться диктовать другим своей воли, не стремиться защищать свои интересы любыми средствами, которые сочтут для этого приемлемыми и результативными.

Тут уж, как любили говорить древнеримские демократы, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Тут уж, как зафиксировано в современных международно-правовых документах, кому совещательный голос в Совете безопасности ООН, а кому и право вето.

Иное дело, что все другие государства в своих собственных интересах и вполне в духе основополагающих принципов демократии, которые существуют не для того, чтобы кого-то ублажать, а для того, чтобы конкуренты и противники не пожрали друг друга, должны позаботиться о том, дабы в системе международных отношений точно так же, как и внутри любого государства, существовала и эффективно действовала надежная система "сдержек и противовесов", балансирующая имперскую, великодержавную политику мировых лидеров.

Причем, сил для такого противодействия у других государств вполне достаточно, если не единоличных, то в рамках тех или иных блоков и союзов. К тому же на стороне слабых и угнетенных оказывается объективно действующий закон неизбежного исторического возмездия – империи всегда погибали, когда превышали свои исторические полномочия, когда переходили грань, за которой сила переставала быть политикой и становилась средством подавления, беззастенчивой эксплуатации и уничтожения.

Именно по этой причине не состоялся третий рейх: не хватило у его главарей мудрости, исторической интуиции, чтобы, подняв страну с колен национального унижения, добившись возвращения Германии в число сильнейших мировых держав, остановиться. Они вознамерились диктовать свои условия не только другим народам и странам, но и истории. А она за это мстит жестоко.

Цивилизованная политика тех государств, на пример которых мы ориентируемся сегодня, есть тоже имперская политика, но не преступающая роковой черты, не переоценивающая собственных сил, не рискующая понапрасну, не высокомерная, но твердая, я бы сказал непоколебимая в защите своих интересов. Почему бы и нам не научиться такой политике? Сил и возможностей у России для этого вполне достаточно, нужно только умно и умело ими распорядиться.

Быть может самый больной вопрос для России – наши соотечественники, россияне, или просто русские люди, оказавшиеся за пределами собственного государства, вследствие все той же суверенизации. Не будет мира и покоя в самой России, если она не обеспечит мир и покой нашим зарубежным соотечественникам. Логика жизни подсказывает: выигрывает тот, кто в обиду братьев по крови и соотечественников по гражданской принадлежности не дает.

Вспомните акцию США в Гренаде под девизом "Внезапная ярость" или молниеносную войну в Ираке. А сколько еще "бурь в пустыне" было в других странах – во Вьетнаме, Гватемале, Панаме, Колумбии, Ливии, да мало ли где еще? Разве нам мешает это считать Соединенные Штаты демократическим государством? .. Но зато американец всюду чувствует и считает себя американцем, не то что нынешние россияне, составляющие сегодня чуть ли не самую массовую категорию беженцев с мест прежнего жительства.

Конечно, Россия не сидит сложа руки, кое-что для защиты государственных интересов и собственных граждан, даже зарубежных, предпринимает. Вот только некоторые признаки: поддержка акций Соединенных Штатов против Ирака в качестве возмездия за нападение на Кувейт, солидарность России с действиями западных держав в Сербии и Хорватии, наконец, ужесточение позиций самой России в отношении

грузино-абхазского конфликта и Эстонии, пытающейся принять дискриминационный, прежде всего касательно русскоязычного населения, Закон об иностранцах.

Однако эти примеры, к сожалению, пока еще даже не эпизоды, скорее лишь предвестники, хотя и весьма симптоматичные, необходимых действий, подобающих интересам, роли, влиянию и силе России. Если Россия не воспрянет, не утвердит себя в имперском качестве, окажется не на уровне своей исторической ответственности, евразийские пространства бывшего Советского Союза неизбежно превратятся в бескрайнее поле раздоров, конфликтов, вплоть до нескончаемых войн. Не исключено, что и с применением ядерного оружия и других средств массового уничтожения. Наверное, все-таки лучше отдать Богу богово, кесарю кесарево чтобы по праву и достоинству владеть тем, что непосредственно принадлежит тебе.

Но здесь мы оказываемся перед главным вопросом: что же нужно делать России, чтобы осуществить свою миссию? Первый шаг, как мне представляется, должен быть связан с формированием как у властей России, так и в гражданской психологии всего российского общества соответствующего образа мышления и психологии. Следовательно, прежде всего в России должна обозначиться идейно-политически и организационно имперская (для большем благозвучия и в угоду нашей идеологической стыдливости ее можно назвать “державной”) партия.

Предпосылки для ее возникновения налицо. К действиям именно в этом направлении объективным ходом событий подталкивается уже нынешнее демократическое правительство. Все говорит о том, что державная идея способна объединить трезвомыслящих представителей всех основных политических сил российского общества, заинтересованных в возрождении России такой, какой ей на роду написано быть. В том случае, если она действительно желает возродиться, а не оказаться ввергнутой в очередной мифологический проект "строительства светлого будущего" под названием “демократия по-российски”.

Значит, вопрос только в том, чтобы содействовать превращению наметившейся тенденции имперского возрождения России, в целенаправленный, закономерный процесс. Речь, конечно же, должна идти о борьбе за власть, но понимаемой не как завоевание президентского поста, портфелей в правительстве и кресел в парламенте, во всяком случае на первом этапе. Дело в содержании самой власти, в придании проводимым экономическим и политическим реформам принципиально нового курса, соответствующего историческому предназначению российского государства.

Спрашивается, кто может быть против, чтобы Россия, проводя державную политику, аналогичную политике Соединенных Штатов или Японии, в то же время была не менее демократической, чем они? У патриотов возражения есть? Думается, нет. А у демократов? Смею надеяться, если они преодолеют присущее им политическое кокетство, тоже не будет. Не зря же они постоянно ссылаются на США как на образец для подражания. Так и подражайте, кто же вам кроме самих себя мешает?

Кому возглавить движение за имперское возрождение России? Готового лидера, пожалуй, в наличии нет. Российскому обществу нужно искать новую фигуру, точнее, воспитывать и формировать ее из подходящего для этой цели подручного политического материала. Ясно, что такой лидер не может быть новичком для большой политики. Такой лидер уже сейчас должен иметь в своем политическом багаже и индивидуальном имидже какие-то накопления, опираясь на которые, он мог бы не силком, не натужно, не конъюнктурно, а логично и естественно вписаться в концепцию возрождения сильной имперской России. Лучше, если это будет человек, который уже стоит во главе какой-нибудь достаточно влиятельной общественно-политической структуры или движения, имеющего в России глубокие исторические корни, которое, если не по своей нынешней деятельности, то хотя бы по предназначению не было чуждо державной идее. Иначе приобщение к ней будет выглядеть также нелепо.

Лидеру новой имперской России вовсе не обязательно производить впечатление яркой политической личности. Наоборот, на фоне таких индивидуальностей он должен выглядеть кряжистым, крепко стоящим на ногах, даже немножко Собакевичем, поскольку в общественном сознании основательность, несуетливость ценятся дороже феерического темперамента и политического красноречия. Его должны знать как человека рассудительного, не бросающегося в схватку, в спор, в полемику по первому сигналу боевой трубы. Это особенно важно сейчас, когда Россия выглядит деморализованной и расхристанной страной, стоящей перед мрачной перспективой хозяйственной и национально-республиканско-территориальной дезинтеграции и дефедерализации, а то и превращения во всероссийский Карабах.

В свете последних скандалов в духе взаиморазоблачений "сильных мира сего", у него должен быть прочный, накопленный еще прежде авторитет деятеля, умеющего оставаться порядочным в любых ситуациях, сохранять достоинство, уметь не ошибаться в выборе политических партнеров и единомышленников. Во всяком случае умеющего не делать этого себе в ущерб, но и не предающем, не открещивающемся от сподвижников, в каких бы сложных и

противоречивых "историях" не оказывались как он сам, так и члены его "команды". Иными словами, он должен соответствовать наивысшему критерию гражданской добродетели в России – уметь служить отечеству верой и правдой.

И, что отнюдь не лишнее для политического лидера, олицетворяющего сильную, уверенную в себе Россию, он не должен быть угрюм, смотреть на вас исподлобья, как бык на тореадора, а быть открытым для общения, для восприятия новых идей, обладать той особой формой политической интеллигентности, которая не подавляет ни высоким рангом, ни державным апломбом.

Предложенный портрет, конечно же, собирательный, но люди, обладающие перечисленными качествами (взятыми, понятно, не вкупе), в России среди активно действующих политиков есть. Быть может, они только немного притормаживают, не торопятся раскрываться в полном объеме своего политического потенциала, Возможно, они ждут часа, когда сама жизнь подаст им сигнал: пора действовать в полную силу на том направлении, которое действительно ведет к возрождению России как сильной имперской державы.

Имперский гегемонизм в международных отношениях

В результате краха советского коммунистического тоталитарного режима, развала "социалистического лагеря" разрешился продолжавшийся более полутораста лет системно-мировой лжеальтернативный кризис, в котором противоречия заменялись враждой, принципиальность – непримиримостью, интересы – амбициями. Мир никогда не был раем на земле и никогда им не будет. В нем всегда будут жить одни лучше, другие хуже, третьи совсем плохо. Но горше всего, когда среди смертных появляются богоподобные мироустроители, убежденные, что благородные устремления политической воли могут возобладать над несправедливостью, а иногда и жестокостью объективных законов развития жизни. Облагодетельствовать человечество нельзя. Общество вселенской гармонии – утопия. И как мы теперь знаем, весьма реакционная,

Философы говорят, что идея погибает только тогда, когда не выдерживает испытания критериями, которые сама же предложила для собственной проверки. Именно такого исторического "теста" и не выдержала марксистско-ленинская доктрина революционного преобразования мира. Она утверждала, что жестокому эксплуататорскому капитализму, антигуманному и бесчеловечному, идет на смену строй социальной справедливости, подлинной демократии и свободы, более

высокой экономической продуктивности, способной обеспечить человеку достойные условия существования.

Идея сама по себе привлекательная, но только нужно было еще доказать, что она имеет под собой реальное основание. Бисмарк, кажется, сказал: "Идея хороша. Не мешало бы попробовать. На примере страны, которую меньше всего жалко". Вот мы в России и попробовали. Попробовали не случайно (но это отдельный разговор) и доказали себе и всему миру на практике, на собственных синяках и шишках, да и другим этих украшений навешав, что пошли сами и пытались увлечь других в противоположную от магистрального пути развития человечества сторону.

Теперь стремимся вернуться в отвергнутый нами же цивилизованный мир, не избавившись от предрассудков и стереотипов, характерных для прекраснодушного политического волюнтаризма, оборачивающегося на поверку бесцеремонным насилием над здравым смыслом и объективной логикой исторического творчества.

Настала пора, пожалуй, даже уже прошла, когда нам следовало бы изменить точку зрения не процесс формирования современного миропорядка. Надо наконец признать, что в основе его развития изначально лежала имперская парадигма, выражавшаяся формулой: интересы, сила, власть. Во второй половине XX века к этой триаде, чем дальше, тем больше тесня власть, стало прирастать право. Рыночные принципы в экономике, имперские в политике, дополняя, обуславливая друг друга, и создали как раз столь любезный нашему нынешнему демократическому сердцу цивилизованный мир.

Теперь для того чтобы проводить имперскую политику, вовсе не обязательно завоевывать территории и держать их под своей "имперской пятой". Ведь власть и территориальные захваты – не самоцель. Они – средства обеспечения интересов государства. Для сильной и богатой державы в наше время за удовлетворение своих имперских интересов гораздо проще, а главное, во всех отношениях выгоднее, заплатить, чем проливать свою и чужую кровь на поле брани.

Правда, по причине присущей имперской политике жесткости ее во все времена кто-нибудь обязательно не любил или не одобрял. Как будто может быть политика, которая везде и всюду нравится всем. Но особенно резкий характер ее критика обрела в начале века, когда из великодержавно-географической она стала превращаться в великодержавно-капиталистическую. В перспективе это неизбежно должно было привести к вытеснению силы власти властью богатства. Но на заре века это еще мало кто понимал.

Именно в ту пору и появилась на свет знаменитая ленинская концепция о том, что капитализм в империалистической стадии

утрачивает свою первоначальную прогрессивность, ставит мир на грань империалистических войн и социальных революций. Основания для таких суждений вроде бы были, но вот с выводом, что "империализм есть высшая, последняя, загнивающая стадия капитализма", основатель большевистской партии и советского государства явно оконфузился, принимая спазмы детских болезней роста за предсмертные судороги дряхлеющего общественного организма.

Капитализм, вопреки ленинским пророчествам, выиграл соревнование по всем параметрам, которые ему навязывались. Преобразователи мира говорили, что "мирное сосуществование – особая форма классовой борьбы между социализмом и капитализмом". Он разрешил его в свою пользу. Потом стали говорить, что "существовавшее прежде противоречие трансформировалось в противоречие между империализмом и демократией". Империализм, "обреченный на погибель", сумел доказать, что и это противопоставление ложно. Империализм не враг демократии (все крупные империалистические государства мы сами сегодня признаем образцами демократии), а противник политических благоглупостей и социальной демагогии, от которых народ России за семьдесят с лишним лет достаточно натерпелся.

Вместо источника войн, которым империализм действительно был (а какие еще из существовавших до него обществ такими источниками не были?), он становится фактором стабильности, если не единственным, то во всяком случае в ней, этой стабильности, наиболее заинтересованным. В силу объективного процесса интернационализации капитала, транснационализации производства, космополитизации идеологии.

Кто поставляет контингент в подразделения международных миротворческих сил и несет наиболее крупные затраты, предназначенные для урегулирования возникающих конфликтов? Кто действует наиболее решительно, когда возникает потребность, если не погасить, то хотя бы локализовать пылающие или тлеющие очаги вооруженных конфликтов? К кому мы сами обращаемся за содействием и поддержкой, убедившись в собственной беспомощности при попытках обеспечить мир и порядок в зонах наших непосредственных национально-государственных интересов? Да все к ним же, к империалистам.

И они бы нам помогли, как помогали в свое время Соединенные Штаты по "плану Маршалла" другим странам, даже тем из них, которые могли через каких-нибудь пятнадцать – двадцать лет превратиться из облагодетельствованных в конкурентов, причем достаточно серьезных. Вроде поверженных во второй мировой войне Германии и Японии. Но США этого не испугались.

То же самое американцы были готовы предложить своему союзнику по антигитлеровской коалиции – СССР, но его тогдашние вожди, так и не научившиеся отличать имперские интересы государства от идеологических тоталитарных амбиций собственного мировоззрения, выставили навстречу протянутой руке кулак, да к тому же еще сложенный в небезызвестную комбинацию из трех пальцев. Как будто у нас просили, а не нам предлагали. С ней, с этой комбинацией, мы, по существу, и остались один на один. Единственное, на что нынешним демократам хватило ума, – это сунуть ее в карман. Чтобы при случае всегда была наготове.

Вот эти крестьянско-провинциальные уловки Запад как раз и настораживают, а не возможные имперские притязания России. Язык имперской политики Западу понятен. Он сам на нем изъясняется не один десяток лет. Великие державы готовы с нами на нем договориться о разделении сфер влияния, об обеспечении наших национально-государственных интересов, о содействии и даже помощи в разрешении других наших – проблем. Но прежде самой России надо без политическом кокетства четко определиться, чего же она все-таки хочет, к чему стремится.

Решая, какое место мы хотим занять в мировой табели о рангах, необходимо давать себе полный отчет в том, что Россия намерена вернуться в чужой, нами уже однажды по-хамски покинутый "монастырь". И крайне глупо лезть в него со своим уставом, навроде небезызвестной концепции "нового мышления". В котором, как и следовало ожидать, не было ни одной свежей и здравой мысли, до этого неведомой международному сообществу. Кроме нас, конечно. Мы же, наконец, прозрев, почему-то решили, что весь остальной мир слепой, и "самоотверженно" предложили ему себя в качестве поводыря.

Мир, щедро оценив наши ученические успехи Нобелевской премией, от предложенных услуг деликатно уклонился, намекнув, что не плохо бы для начала разобраться в своих собственных проблемах, не посягая на "общечеловеческие интересы". Вот тут-то и выяснилось, что в реальных делах мы ориентируемся гораздо хуже, чем в маршрутах политических фантазий. Иначе давно бы поняли, что выбор у нас не так уж велик. Либо мы действительно совершим попытку вернуться в цивилизованный мир, согласившись с действующим в нем уставом, либо окажемся на задворках истории и лопухами в политике, продолжающими по привычке трудиться "возвышенными" идеалами, которые у нас что ни день, то новые. Вчера коммунистические, сегодня демократические. А нужны стабильные, соответствующие потенциалу и роли России – великодержавные.

И еще важно понять, что не только мы, но все государства после краха Советского Союза, после распада "мировой социалистической системы", после того как потеряло свой политический смысл деление на Запад и Восток, на "первый", "второй" и "третий" миры, находятся на рубеже перехода из эпохи господства англо-американо-франко-германо-японского империализма и классовой борьбы между капитализмом и социализмом в эру планетарного имперского гегемонизма, когда великие державы будут определять облик планеты, стиль ее жизни, ни с кем не соперничая, а взаимодействуя, координируя предпринимаемые политические шаги между собой.

В активизации, наращивании политики имперского гегемонизма, если судить по большому счету, и состоит общечеловеческий интерес, точнее, к этому толкает планету природный инстинкт самосохранения. Выжить сегодня человечество может только за счет мобилизации ресурсов богатейших, наиболее мощных государств. Из всех возможных делений мира на составные части, имеющих реальный социально-политический смысл, остается ныне только одно – на страны "бедные" и "богатые". Самое разумное в возникшей ситуации было бы подцепить к уходящему в новое тысячелетие имперскому поезду российский вагон, пока не нашелся среди нас какой-нибудь "сорвиголова", который подцепит его в погоне за социальной справедливостью к бронепоезду, все еще стоящему на запасном пути.

Есть в российском национальном характере находящая отражение и в государственной политике черта: не видеть реально осуществляющих угроз, а запугивать себя и других химерическими. Нечто подобное происходит и с вопросом о становлении имперской России, На каждом шагу только и слышишь: ни в коем случае нельзя создавать впечатление, что у России вновь появились имперские аппетиты. Это, мол, оттолкнет от нас друзей и обозлит противников. Напрасные страхи, порожденные, скорее всего, комплексом политической неполноценности.

Живет же мир, не особенно опасаясь имперских устремлений и великодержавной политики США, Великобритании, Франции, Германии. Японии, наконец. Никому и в голову не приходит упрекать эти страны в том, что они формируют курс мировой политики, превращая по существу свои встречи в заседания мирового правительства. Живет, потому что остались в прошлом посягательства на сопредельные и заморские территории, грабежи, беззастенчивая эксплуатация чужих богатств.

Во второй половине XX века, после двух катастрофических мировых войн имперская политика, что называется, помудрела, в чем-то переступила через себя, перестав быть неизбежно кровавой и безусловно жестокой, не потеряв, однако, своей жесткости и целеустремленности.

Теперь сила и власть как атрибуты политики уже не определяют главного содержания понятия "империя". Империя сегодня – это совокупная мощь государства, осознающего свою ответственность за судьбы мира, за его материальное и политическое благополучие.

Говорят, что имперские поползновения России могут нанести удар ее добрососедским, равноправным, взаимовыгодным отношениям с независимыми государствами, бывшими "братскими республиками", Те, кто так рассуждает, по всей видимости, забывают, что, порвав былые союзные "братские" связи, Россия оказалась перед необходимостью утвердить себя в совершенно ином качестве, адекватном ее потенциальным возможностям и той мере геополитической ответственности, которая объективно ложится на ее плечи.

Наивно думать, что там, где господствуют рыночные отношения, возможна какая-нибудь иная, нерыночная политика. В ней столь же опасно продешевить, как и заломить непомерную цену. Речь, понятно, в данном случае идет не о материальных потерях, хотя их со счетов сбрасывать тоже нельзя, а об ущербе, который наносится статусу и репутации государства суетливой, несолидной политикой. Вроде той, что проводится сегодня Россией, к примеру, в отношении Крыма или четырех Курильских островов.

Чем обернется российско-японская тяжба из-за дальневосточных островов, нам еще предстоит увидеть, а вот крымская эпопея уже дала обильную пищу для размышлений. Начнем с того, что случай с постановкой вопроса о статусе Севастополя и территориальной принадлежности Крыма в Совете Безопасности ООН – вообще политический нонсенс. Его бы даже не приняли к рассмотрению, если бы Россия проявила в своих претензиях твердость, но сделала бы это без нарушения правил дипломатических приличий, без демонстративного пренебрежения возможностями договорного процесса. (К которому в конце концов пришлось-таки обратиться, но предварительно наломав дров сверх всякой меры.)

Ведь по сути дела нет ни одного государства, нет такого международного ограничителя, которые бы могли помешать России предъявить свои права на Крым. США, к примеру, полвека, включая годы достопамятной "разрядки" и "перестройки", не признавали включения в состав СССР прибалтийских государств, несмотря на советские законы, указы и конституции. Разве у России меньше исторических и политических прав на Крым, чем у США на Прибалтику? А разве ФРГ, никогда не соглашавшаяся на окончательный раздел Германии, имела для этого больше оснований, чем Россия в отношении Крыма? И кто вообще сказал, что у Украины, в составе которой Крым находился, да и то по

сути дела условно, три десятилетия, на него больше прав, чем у России, владевшей Крымским полуостровом более двухсот лет?

К тому же нельзя считать, что предъявление Россией своих прав на Крым означает немедленное и чуть ли не обязательное объявление Украине войны. Так возникшую ситуацию могут воспринимать только политики, тупые как сибирские валенки. Любому мало-мальски сведущему во внешней политике человеку известно, международно-правовые документы не исключают самой возможности возникновения споров о границах и территориях. Они лишь запрещают использование для их разрешения неполитические средства. Что, кстати, зафиксировано в документах СБСЕ.

Мы же испугались предъявления собственных прав на Крым, как импотент – посягательств на свою невинность. На Западе, конечно, подивились такому поведению, но особого значения возникшему инциденту между Россией и Украиной придавать не стали. Явно в намерении поглядеть, как будут развиваться события дальше. Вот если мы и впредь будем действовать столь же нелепо, себе во вред, тут уж, как говорится, вольному воля...

Хотя есть основания предполагать, что в стратегическом плане, как с учетом собственных интересов, так и по соображениям обеспечения глобальной стабильности, цивилизованный Запад не только не опасается, а наоборот, заинтересован, чтобы Россия проводила имперскую политику, как внутри страны, сохраняя политическое единство и территориальную целостность государства, так и вне, в отношениях со своими ближайшими соседями, а также государствами, находящимися в зонах влияния бывшего Советского Союза. (Для примера сошлюсь на доступные российскому читателю статьи директора Олинского института стратегических исследований Гарвардского университета Сэмюэла Хантингтона и профессора русской истории Лондонского университета Джеффри Хоскинга. см. "За рубежом", № 30, 1993 г.).

Великие западные державы вынуждены будут смириться с деимпериализацией России, если она не найдет ничего лучшего, как самой произвести над собой эту политическую экзекуцию. Но с точки зрения объективной политической логики и по соображениям здравого смысла, которым западные державы привыкли руководствоваться, им было бы гораздо понятнее, если бы Россия, встав на путь экономических реформ по американскому образцу, подкрепила сделанный выбор осуществлением политического курса, соответствующего ее роли как мировой державы. Иными словами, двери для вступления России в мировой "имперский клуб" открыты, но тащить ее туда на аркане никто, конечно, не будет.

Имперский шанс для России

Часто выражается опасение о том, как бы имперская мантия, если Россия действительно захочет возложить ее на свои плечи, не обернулась для нее шагреневой кожей, которая, как известно, отличалась тем, что, обеспечивая своему владельцу исполнение любых желаний, приближала его к погибели. Эта проблема связана с вопросом об исторической судьбе и предназначении России. Тем более, что на всем пройденном Россией пути ее судьба и историческое предназначение находились как бы в вопиющем противоречии друг с другом.

Трудно назвать событие, оставившее глубокий след в новой и новейшей истории планеты, в котором бы не участвовала Россия. И не в какой-нибудь второстепенной роли, а как одно из главных действующих лиц. Но почему-то получалось так, что на уроках ее поражений учился кто угодно, но не Россия. Да и плоды ее побед пожинали другие, а она даже принадлежащее ей исконно и по праву, нередко теряла или разбазаривала. Как если бы все, выпадавшее на ее долю, было не тем, что для России исторически предназначалось.

Но она вновь и вновь продолжала предпринимать попытки, совершать рывки в стремлении опередить всех. Хотя каждая из таких попыток, скорее отбрасывала ее назад, чем продвигала к намеченной цели. За примерами ходить недалеко. Только в XX веке с Россией это случалось дважды, когда, казалось бы, самые крупные победы в ее истории, в октябре 1917-го и в мае 1945-го, были одержаны как бы вхолостую. В результате пройденный Россией путь оказался исторически парадоксальным. Точно так же, как и обретенный ею гражданско-психологический облик, в котором отчетливо проступают несовместимые черты. Я бы назвал их животворной обреченностью и безысходной надеждой: нам беда нипочем, мы все снова начнем.

Сегодня Россия вновь оказалась в центре мировых событий. На сей раз скорее в силу объективно сложившихся обстоятельств, чем по собственной воле. И это уже хорошо. Не надо быть особенно наблюдательным и сверхглубокомысленным человеком, чтобы понять: Россия стала испытательным полем, на котором сконцентрировались все острейшие проблемы современности, все кризисы, все невзгоды – экономические, политические, социальные, религиозные, национальные и любые другие, какие только можно себе представить.

Сумеет Россия справиться с выпавшим на ее долю испытанием, найдет выход из кризиса, значит, решит не только свои национально-государственные проблемы, но и сможет дать мощный импульс развитию

мировых процессов, способных коренным образом изменить существующий миропорядок. Задача не из легких, но вполне разрешимая.

Для начала достаточно лишь не экспериментировать там, где в этом нет особой нужды. Благо, мы уже не претендуем на роль первопроходцев "светлого будущего человечества", а вполне готовы удовлетвориться тем, что уже давно достигнуто другими. Вот и надо этой линии держаться. Жестко в экономике, еще жестче в политике.

Справедливо считается, что все аналогии хромают. Не так уж часто в жизни возникают ситуации, когда чужой опыт можно целиком приложить к решению собственных проблем. И все-таки. Присмотритесь, как надежно функционирует модель политических отношений между государствами Американского континента, включая обе его части – Северную и Южную Америку, Для России, особенно в том положении, в котором она оказалась после распада Советского Союза, здесь найдется немало поучительного.

Скажем, к югу от Рио-Гранде Соединенные Штаты мало кто любит, да и к северу от озера Онтарио, в Канаде, особых симпатий не питают. Однако уживаются друг с другом вполне цивилизованно, как бы заранее распределив роли, права и обязанности, заранее согласившись, что полномочия ответственного континентосъемшика остаются за США.

Канада для американцев – своего рода трамплин в Европу, Мексика – самый приближенный из строптивых латиноамериканских соседей, на примере отношений с которым США демонстрируют, до каких пределов они могут мириться с неуважительным к себе отношением, Стоит Вашингтону дать сигнал Мексике – его тут же принимают к сведению как в Центральной, так и в Южной Америке. Неурядицы и даже стычки, конечно, случаются, но, как правило, их удается урегулировать без особого ущерба для морально-политического имиджа "дядюшки Сэма", умеющего блюсти не какие-то абстрактные интернационалистские интересы, а прежде всего свои собственные, имперско-американские.

На евразийском пространстве бывшего Советского Союза ситуация иная, не повторяющая один к одному американскую континентальную модель. Но все необходимое для создания устойчивой системы отношений с ближними и дальними соседями имеется и здесь. Ведущая роль (и исторически, и геополитически) заведомо принадлежит России. Это ясно. Она и центр притяжения, и источник влияния, а если потребуется, то и давления тоже. Белоруссия, Литва, подобно Канаде, – связующие мосты или тоннели с Европой, Казахстан – с Азией. Украина – достаточно серьезный противовес России, если она вдруг вознамерится превысить свои имперские полномочия, которые, как известно, не безграничны.

В российско-украинских отношениях, как у США с Мексикой, должны вырабатываться ориентиры для поведения государств, пытающихся противопоставить себя России. Они должны знать: что не позволено Украине, не будет позволено никому. Коль уж не захотели жить "в братской дружбе" друг с другом в рамках Советского Союза, то теперь нужно учиться взаимовыгодно дружить в евроазийской, или скорее азиопской, по меткому выражению то ли кадета Павла Милюкова, то ли эпицентриста Григория Явлинского, континентальной "коммуналке". Каждому с отдельным счетчиком на газ, электроэнергию, нефть и т.п., с персональным погранично-таможенным входом-выходом, но в пределах общего жизненного пространства. При наличии, хорошего или плохого (это уж как кому нравится), домоуправа – России.

Те, кто выступал за демонтаж Союза, коли не смогли понять этого прежде, теперь вынуждены будут признать, что после распада СССР в лице России они неизбежно получат вместо "старшего" брата имперского "суверена", со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поскольку иного способа самоопределиться в современной структуре мира у России просто нет. Слишком далеко простираются (в силу объективных причин) ее державные интересы, слишком много источников ее жизнеобеспечения (в силу все тех же причин) оказались за пределами государственных границ России.

Короче, имперская Россия или – ее самоликвидация. Но это уже будет геополитическая катастрофа глобального масштаба. Вот тогда точно и в ближнем, и в дальнем зарубежье многие пожалеют, что не поддержали имперских устремлений России.

Предложенная выше модель, конечно же, не идеал. В лучшем случае гипотетический эскиз. Заранее можно быть уверенным, что он многим не понравится и даже будет встречен в штыки. Тем более, что его изъяны очевидны. Слишком различны исторические, экономические, культурные, географические условия и предпосылки, на которых строились отношения Соединенных Штатов со своими соседями, и те, что могут лечь в основу сосуществования России с бывшими "братскими республиками", ныне суверенными государствами.

Скажу больше, я абсолютно убежден: У России есть все возможности, чтобы создать более гармоничную модель добрососедских, действительно взаимовыгодных и обоюдополезных отношений с государствами-соседями, но складываться она будет под диктовку имперского императив, для которого, однако, необходимо будет найти образцово-цивилизованную форму воплощения.

В этом, пожалуй, и состоит сверхзадача России – создать такую модель имперской политики, которая, будучи надежным инструментом обеспечения ее державных интересов, была бы в то же время отмечена

особой чуткостью к достоинству и гражданскому самолюбию других государств. Возможность достижения этой цели, судя по всему, придется искать не в экономической и политической, а скорее в нравственно-психологической плоскости. С крахом коммунистических иллюзий идеи справедливости и добра не исчезли. Идет ли речь об отношениях между людьми или же между государствами.

История очень часто бывала к России несправедливой, даже жестокой, вынуждая дорого расплачиваться за допущенные ошибки, промахи, просчеты. Сегодня Россия оказалась перед новым испытанием: сумеет попутно с политической и экономической реформой, призванной вернуть ее в цивилизованный мир, доказать свое нравственное право быть великой державой, значит, можно считать, что все пережитое было не напрасным, значит, историческое предназначение России – совершить рывок, к которому она постоянно стремилась, состоялся. Если нет, тогда ей имперская мантия действительно ни к чему, тогда она неизбежно обернется для нее шагреневой кожей, не сулящей ничего, кроме погибели.

Лимит совершенных Россией исторических попыток стать действительно великой державой исчерпан. Остался последний шанс...

Петр Белов

КРИЗИС ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Беспристрастный анализ ныне происходящего в России свидетельствует о наличии серьезных угроз нашей национальной безопасности. Главный источник этой угрозы сосредоточен в возможности потери принадлежащих русской цивилизации высших духовных, культурных и материальных ценностей. Население страны находится под угрозой постепенного вымирания, территория – под угрозой сокращения и опустошения, уклад государственной и общественной жизни – под угрозой умышленного разрушения. Причины тому имеются как внешние (ужесточение борьбы государств-империй за иссякающие природные ресурсы), так и внутренние (утрата обществом инстинкта самосохранения, неудовлетворительное состояние теории и культуры национальной безопасности, несовершенство соответствующего законодательства).

Спасти Отечество можно лишь путем неотложных мер по реализации Концепции национальной безопасности, принятия конкретизирующих ее законов, доктрин, стратегий и целевых государственных программ. Однако, до сих пор Россия не имеет ни разработанной стратегии обеспечения безопасности, ни законодательного ее оформления, ни даже сколько-нибудь приемлемой декларативной концепции. Действующие ныне законодательство и целевые программы не выдерживают никакой критики.

Концептуальный кризис

Петр Григорьевич Белов, кандидат технических наук, полковник, специалист в области безопасности стратегических вооружений, автор большого цикла статей, касающихся договора СНВ-2 и общих проблем обеспечения национальной безопасности России.

Напомним, что под безопасностью обычно подразумевается ситуация, при которой кому(чему)-нибудь не угрожает что(кто)-либо. При этом не исключается наличие одновременно нескольких источников опасности и их потенциальных жертв, тогда как безопасность последних обеспечивается лишь в двух случаях: либо конкретные жертвы парируют все опасности, либо для них они вообще отсутствуют. Под опасностью же обычно понимают возможность причинения какого-либо ущерба, т.е. такого изменения структуры или других характеристик объекта, которое снижает его жизнестойкость, конкурентный потенциал и т.п.

Следовательно, говоря о безопасности нужно помнить, что имеешь дело с системной характеристикой, учитывающей способность одних объектов угрожать, а других – парировать такие угрозы, уклоняясь, защищаясь от них, а то и уничтожая их носителей в превентивном порядке. Использование понятия "безопасность" в качестве признака отдельных компонентов той или иной системы (быть может за исключением человека и человеческого сообщества, рассматриваемых в качестве систем) не всегда оправдано. Только человек наделен сознанием и способностью сводить безопасность к собственной персоне, считать себя потенциальной жертвой вследствие непосредственного ущерба своему здоровью, либо вследствие ущерба принадлежащим ему ценностям (в том числе, окружающей среде).

К сожалению, производные слова "безопасность" используется в качестве прилагательного или существительного в самых различных словосочетаниях обыденного и политического лексикона. Вряд ли допустимо употребление его в нормативно-правовых документах и юридической практике, например, в сочетании со словами "демографическая", "геополитическая", "информационная", "культурно-психологическая", "оборонная", "политическая", "продовольственная", "экологическая", "экономическая", "социальная", "технологическая"- Именно эти "безопасности" используются в нынедействующем и разрабатываемом законодательстве Российской Федерации!

Чрезвычайно непродуктивны определения подобных "безопасностей", которые содержатся в законах ФР. Так, в Законе РФ "0 безопасности" данная категория определена через “состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз", а "экологическая безопасность" – через "жизненно важные интересы... окружающей природной среды"(!?), Объектом защиты здесь является не человек, граждане страны или народ, а их "интересы", которые в силу субъективности и чрезвычайной изменчивости просто не могут быть определены с требуемой для юридической практики точностью. К тому

же, данными определениями исключаются такие способы парирования угроз, как уклонение от них, либо уничтожение соответствующих источников.

Подобные концептуальные заблуждения мы обнаруживаем и в проектах, разрабатываемых законов о национальной безопасности, где обсуждаемая категория определена как "защищенность и обеспеченность национальных интересов" или "совокупность факторов, определяющих безопасность российского общества и государства". Безопасность рассматривается как "состояние субъекта, при котором на него не воздействуют опасные факторы" и "состояние защищенности каждой отдельной личности и окружающей среды от чрезмерной опасности".

Не много лучше обстоит дело с попытками создания научно обоснованной терминологической системы, основа которой предложена Объединенным комитетом по управлению риском ("Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях",1995, №11). В комитет вошли ученые высшей квалификации и ведущие специалисты, участвующие в исследованиях по государственным научно-техническим программам — "Безопасность населения и народнохозяйственных объектов с учетом риска возникновения природных и техногенных катастроф" и "Экологическая безопасность России". Например, опасность они определили как "ситуацию, в которой... возможно возникновение факторов опасности", а социальный риск – как “зависимость вероятности... от ... числа людей...".

Скрупулезность, граничащая с придирчивостью, в данном критическом анализе смыслового содержания базовых категорий вовсе не носит характер излишества. Показанные ошибки и некорректности быть может где-то и допустимы, но не в федеральных законах и не в публикациях от имени авторского коллектива с участием более десятка членов-корреспондентов РАН, докторов и кандидатов наук, представленных как Объединенный комитет двух государственных научно-технических программ. Ведь принятые в законах формулировки становятся обязательными для учебного процесса, а авторитет крупных ученых столь велик, что не всякий исследователь рискует вступить с ними в полемику. Трудно переоценить вред от столь серьезных концептуальных искажений, освященных авторитетом ученых и авторитетом законов.

К сожалению, приведенные выше ссылки на показывают, что введенные в оборот определения не выдерживают критики. Об этом свидетельствуют правила раскрытия понятий, известные в формальной логике и закрепленные международными стандартами “Принципы и методы терминологии”, “Международная гармонизация понятий” (ИСО 704-87, ИСО 850-93.). В них, в частности, рекомендовано генетическое

определение понятий с помощью существенных признаков, указывающих на родовую принадлежность (основную для предметов данного класса) и межвидовые (в пределах рода) отличия определяемых категорий, т.е. обозначающих некую общность и подчеркивающих особенности определяемых объектов. Там же раскрыты принципы уточнения содержания и объема терминов, основания для деления признаков на существенные, отличительные, производные и случайные, а понятий — на виды: с нулевым объемом, единичные, общие, случайные и т.д.

Следуя приведенным правилам и общим законам энтропии в их современном понимании, можно утверждать, что "безопасность" нужно отнести к понятиям с нулевым объемом. Поэтому определять это понятие к обществу или отдельному лицу через "состояния" и выделять из них отдельные секторы (частные безопасности) неправомерно. Ведь живущие биологические системы подвержены постоянному воздействию разнообразных опасностей, тогда как состояние безопасности для них равносильно смерти. С точки зрения конкретной жертвы (например, отдельного человека), ее безопасность — понятие единичное, которое правильнее определять как способность (свойство) временно находиться в состоянии внешнего гомеостаза (динамического, структурного, а не термодинамического равновесия с окружающей средой).

Неверно определять безопасность как "отсутствие чрезмерной опасности", а последнюю увязывать с появлением факторов опасности — здесь налицо логические ошибки ("логический круг" или "тавтология"). Вряд ли можно согласиться и с тем, что родовым признаком "социального риска" является "зависимость", т.е. множество, функция, а не "мера опасности". В этом случае авторы Объединенного комитета опираются на предоставленное им ГОСТами правами на введение "производных признаков, раскрывающих значения используемых терминов и указывающих объем определяемого понятия", а также ссылками на вторую теорему Геделя, якобы исключающую возможность раскрытия несостоятельности их утверждений.

Кризис законодательства

При изучении ныне действующих и разрабатываемых нормативных актов бросается в глаза отсутствие системообразующих, концептуальных законов прямого и непрямого действия. В то же время налицо явная избыточность и многократное дублирование как юридических, так и нормативно-технических требований возникает по вопросам обеспечения частных "безопасностей", придуманных заинтересованными ведомствами. Несомненный рекорд здесь поставлен

по числу законов, стандартов, норм и правил, регламентирующих порядок парирования населением угроз техногенно-производственного и природно-экологического происхождения. Действуют законы “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера”, “О пожарной безопасности”, “О безопасности дорожного движения”, “О радиационной безопасности населения”, “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения”, “Об охране окружающей Среды”, “Основы законодательства об охране труда”, недавно принят закон “Об экологической безопасности”, прошел первые чтения в Государсвтенной Думе закон “О промышленной безопасности”, не исключено появление в ближайшее время законов в власти безопасности автоперевозок, сельскохозяйственного производства, трубопроводного хозяйства и проч. Большинство этих актов дублируют друг друга или подтверждают положения уже существующих законов — стандартов безопасности труда, санитарных и строительных норм, правил дорожного движения, правил безопасной эксплуатации... Это не останавливает заинтересованные ведомства, которые, согласно пресловутому закону Паркинсона, вместе с проектами очередной порции законов готовят и создание новых департаментов и главков, управляющих нужными только упомянутым ведомствам видами безопасности.

В принятых законах и разрабатываемых законопроектах напрочь отсутствует механизм реализацити общегосударсвтенной политики обеспечения безоапсности, не очерчены системообразующие компоненты ее регулирования и контроля, не приводится классификация специфических опасностей, угроз и вызовов наряду с ущемляемыми ими потребностями, ценностями и интересами, крайне мало конкретных рекомендаций исполнителям.

Примечателен в связи с последним общим недостатком проект закона о так называемой “промышленной безопасности” (по сути дела, это закон об элементарной безаварийности): на 9/10 он посвящен не “защите людей, природной Среды и ценностей общества”, а “поддержанию устойчивой эксплуатации промышленного объекта и предупреждению промышленных аварий” путем декларирования безопасности, лицензирования, экспертизы, надзора и контроля за экспертизой. Для реализации всего этого понадобятся еще два закона и пять постановлений правительства.

Подобные структурные недостатки свойственны другим законам и законопроектам. Основное внимание в них обычно уделяется полномочиям (правам, ответственности и обязанностям) различных органов власти, требованиям по обеспечению, надзору и контролю за деятельностью по снижению разного рода издержек. Обычно повторяется

все, что предусмотрено действующими юридическими и нормативно-техническими документами (Конституцией РФ. Законами, Положениями о специально уполномоченных органах власти, Стандартами, Нормами и Правилами). Количественные показатели безопасности, критерии оценки качества и эффективности деятельности по ее поддержанию и совершенствованию в известных нам законах и их проектах отсутствуют.

Но самое важное, в российском законодательстве по обеспечению национальной безопасности имеется явный пробел, связанный с парированием угроз и вызовов наиболее уязвимого и ценного объекта — уклада государственной и общественной жизни народа, который исторически апробирован и удовлетворяет существенные потребности как отдельной личности, так и народа в целом. Речь должна идти о защите наших общественных и духовных ценностей от так называемых антропогенно-социальных опасностей, связанных с воздействием на сознание людей потоков различной информации, в особенности — умышленно формируемых некоторыми средствами массовой информации. Недооценка значимости подобных угроз — одна из причин переживаемого Россией кризиса.

Путь преодоления кризиса

Народ, как говорится, имеет то правительство, которое заслуживает. В нашем случае — правительство, недооценивающее угрозу сохранению русской, падения уровня теории и культуры обеспечения национальной безопасности.

Поскольку проблема обеспечения национальной безопасности возникла из-за недооценки ее значимости одними деятелями и безнравственности других, то решить ее можно только повернув к ней общественное сознание. Частично это можно сделать за счет совершенствования законодательства, которое должно установить грань, переход которой социально опасен.

Возможно два способа законотворчества: либо поощрение ведомственного интереса и ведомственной инициативы, либо общегосударственный системно-концептуальный подход. Второй путь предпочтительнее, тем более, что в этом направлении уже что-то делается: созданы научные коллективы при Совете безопасности РФ и РАН. Но пока все созданные структуры не удовлетворяют возлагаемых на них надежд и не могут успешно конкурировать с ведомственным интересом. Первая из упомянутых структур фактически завалила работу по созданию Концепции национальной безопасности, вторая —

разработку столь необходимых сегодня основой общей теории безопасности.

Национальную безопасность следует интерпретировать как способность объединяющей государственно-территориальной и духовной общности русских людей, представителей других народов России удовлетворять, несмотря на объективно существующие угрозы, те требования, которые необходимы для обеспечения их самосохранения. Главным же объектом должны быть не “интересы личности, общества и государства”, а граждане с присущим им укладом жизни и территорией. Только сохранение уклада и территории гарантирует удовлетворение физиологических потребностей населения, необходимых для его сохранения и воспроизводства, а также социально-духовных потребностей, без которых немыслимо самовыражение и всестороннее развитие личности, общества и государства.

Такое толкование концепта национальной безопасности (в соотнесении всех угроз ее главным объектам потокам энергии, вещества и информации) предопределяет структуру более совершенного законодательства, создание которого в случае появления политической воли становится вполне возможным. Такое законодательство должно содержать концептуальный закон об основах государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, а также три ветви законодательства, содержащие законы прямого действия и основы законодательства, содержащие свернутый план дальнейшей законодательной работы. Три ветви должны соответствовать основным угрозам — техногенно-производственного, природно-экологического и антропогенного характера.

Структура Концепции, Основ законодательства и законов прямого действия должна иметь следующие основные части: преамбула, исходные положения(концепт), методология (каркас) и технология (модель обеспечения), а также заключительные положения. В преамбуле необходимо констатировать актуальность и цель, в исходных положениях идентифицировать наше понимание России, русских, современной эпохи, концепции и стратегии обеспечения национальной безопасности, наших ценностей и интересов, угроз и вызовов, связанных с каждым из трех классов опасностей и тремя объектами — населением, территорией и укладом. Такая идентификация будет способствовать выявлению партнеров и соперников, лучшей координации внешней и внутренней политики в области обеспечения безопасности.

Каркасом законодательной структуры должны стать положения о системе обеспечения национальной безопасности, ее целях (в стратегическом плане — продолжительная, качественно насыщенная жизнь граждан в благоприятной среде, в тактическом — минимизация

социально-экономических издержек, возникающих вследствие объективных угроз). Технологией обеспечения безопасности должно стать программно-целевое планирование и управление соответствующим процессом, основанное на разработке целевых программ и создании системы оперативного управления их выполнением посредством обоснования, обеспечения, контроля и поддержания оптимальных по выбранному критерию количественных показателей.

Базовыми показателями безопасности следует считать вероятности появления (либо непоявления) катастрофических или аварийных происшествий, риск социально-экономического ущерба при их возникновении и затраты, необходимые для их предупреждения. Критерием эффективности конкретных программ будут те уровни опасности (безопасности), которые соответствуют минимуму соответствующих издержек, а оптимальными — мероприятия, влекущие максимальный для заданных затрат прирост показателей безопасности, либо минимальные для приемлемого уровня затраты.

Создание подобной Концепции и законодательной структуры требует радикального изменения работы руководства Федерального Собрания, Администрации Президента РФ, Совета безопасности и Федеральных научно-технических программ. Одни должны отказаться от политиканства и мелочности, другие — от безнациональной “черни”, думающей лишь о собственной выгоде и отторгающих профессионалов и профессионализм как угрозу собственному благополучию.

В целом предстоит преодолеть главную угрозу национальной безопасности — безнациоанльный (а порой и прямо антинациональный) характер власти.

Алексей Артемьев

НАКАНУНЕ НОВОЙ ИМПЕРИИ
(пояснение к иллюстрациям сборника)

XVII век в русской истории — это завершающий век допетровского средневековья, подводящий итоги пройденного пути и уже подспудно устремленный к новым идеалам. Это время полное драматизма и непостижимо противоречивых процессов.

Время, когда русские первопроходцы вышли к берегам Тихого океана на востоке — Дежнев, Хабаров, Ремезов — и когда в русском обществе стал проявляться интерес к западной образованности, который вскоре заставит Российского монарха "прорубить окно в Европу".

Время высочайших идеалов — патриарх Никон с его идеей воплощения Горнего Иерусалима — и их катастрофических крушений.

Время церковных расколов и непримиримой до самосожжения идейной борьбы. "Бунташный" век с "Тишайшим" царем на престоле. Век какого-то райского покоя, завершенности, законченности форм всего уклада жизни, век сказочных городов с теремами и церквами, дворцами и палатами. Но в этой тишине русские люди впервые испытали потрясение от зримо проступившей страшной личины, которую сегодня мы именуем прогрессом, а тогда называли грядущим царством антихриста. Именно тогда град Китеж начал погружаться в воды Светлояра.

Но параллельно с этим рождалась новая жизнь, в частности шел бурный расцвет волжского купечества, волжских городов, храмового строительства, возникает небывалый доселе размах настенной живописи, складывается удивительное по своей изысканной красоте иконописание Оружейной Палаты — "царские письма". И замечательно, что во всем многообразии, богатстве, яркости форм, которыми жил XVII век, сохраняется исключительная целостность и единство стиля, без разделения по социальным слоям и регионам, опиравшееся на единую систему православно-церковно-народного мировоззрения.

Эта система на сегодняшний день остается крайне мало изученной, отчасти потому, что последующие века относились к этой

Алексей Валерьевич Артемьев, художник-иконописец, под руководством которого расписано несколько православных храмов.

эпохе с известным пренебрежением — вначале как к ушедшей рутине, а затем, когда возник интерес к национальным древностям, как к упадку более высокой древне-русской культуры.

Но даже самый поверхностный взгляд на произведения, в частности настенной живописи второй половины XVII века, убеждает нас в том, что они были созданы каким-то уникальным вдохновенным порывом гениально одаренных художников, мыслителей своего века, виртуозными мастерами, глубокими яркими личностями. Такого ликующего творчества не знало в это время ни одно европейское государство.

Россия к концу XVII века — это огромная монархия, но еще не империя, колоссальное государство, существующее еще без разветвленного государственно-бюрократического аппарата. Берега русской жизни в это время переполнены до краев, но еще не закованы в гранитные набережные. Это переполнение как нигде ярче выразилось в безудержном буйстве настенной церковной живописи, когда кажется, что художник не может насытиться радостью творчества, спешит расписать каждый откос, каждый архитектурный уступ.

Завтра Россия станет Империей...

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ